МИХАИЛ ЮХМА

КУНГОШ — ПТИЦА БЕССМЕРТИЯ

ПР

ПЛАМЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

МУЛЛАНУР ВАХИТОВ

МИХАИЛ ЮХМА

КУНГОШ — ПТИЦА БЕССМЕРТИЯ

Повесть
о Муллануре Вахитове

Перевод с чувашского
Б. Сарнова

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1984

Р2
Ю94

Чувашский писатель Михаил Юхма известен своими историческими романами «Дорога на Москву», «Голубая стрела», а также повестями, рассказами, очерками о современниках.
Новая его повесть посвящена жизни и деятельности видного татарского революционера Мулланура Вахитова. Автор рассказывает о юности Вахитова, о его подпольной работе, о деятельности на посту комиссара Центрального комиссариата по делам мусульман. В годы гражданской войны он руководил формированием мусульманских частей Красной Армии. Погиб от рук белогвардейцев, защищая Казань.

Ю $\frac{0505000000-195}{079(02)-84}$ 195—84

© ПОЛИТИЗДАТ, 1984 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НУР — ЗНАЧИТ ЛУЧ СВЕТА

ГЛАВА I

1

Год 1918-й. Второе января.

Чуть ли не вся Казань сошлась в этот день на широкую площадь к зданию бывшего Дворянского собрания: здесь теперь разместился Казанский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

В многолюдной толпе, собравшейся перед зданием Совдепа, преобладали татары. Но можно было увидать в ней и русских, и чувашей, и марийцев, и удмуртов, и мордвинов, и башкир — людей самых разных наций и народностей, населявших обширную Казанскую губернию. В овчинных полушубках, в старых засаленных халатах, в войлочных чапанах, они запрудили всю площадь. Казалось, уж яблоку тут негде больше упасть, но толпа все прибывала. Дальние, только подошедшие, напирали на ближних, стремясь протиснуться к самому зданию.

Холод стоял лютый: крещенские морозы. А тут еще ветер, да такой резкий, обжигающий — прямо беда! Про такие холода татары говорят: «Сплюнуть и то нельзя: вместо плевка на землю упадет ледышка».

Снег под ногами скрипит так, что небось за версту слышно. Поднесешь ко рту закоченевшие пальцы, чтобы согреть их горячим дыханием,— вмиг все лицо облохматит колючий иней.

В такую погоду хороший хозяин и собаку-то на мороз не выгонит. Какая ж нужда заставила всех этих

людей стыть на холодном, леденящем ветру, на широкой, со всех сторон продуваемой площади?

Чтобы не закочепеть вовсе, люди притопывают ногами, пихают друг друга — кто плечом, кто локтем. И все не сводят глаз с высоких двустворчатых дверей здания. То и дело раздаются голоса:

— Долго еще ждать-то? Вроде бы уж пора!

— Давно пора! Того и гляди, отойдет поезд-то!

Два человека, которых, похоже, занесло в эту толпу случайно, переговаривались вполголоса. Разговор начал дородный, широкоплечий мужчина в теплой куртке, добротной меховой шапке и валенках.

— Что за шум? Кого ждут? — спросил он у щупленького, тщедушного человечка в старенькой шубейке и видавшей виды кубанке.

— Наверно, митинг будет совдеповский,— отозвался тот.

В разговор вмешался старый татарин с заиндевевшей козлиной бородкой.

— Товарища Вахитова провожают. В Петроград едет. На Учредительное собрание,— объяснил он.

— Это какого ж Вахитова? — оживился тщедушный, отчаянно растирая свой побелевший нос вязаной рукавицей.— Мулланура, что ли?

— Его самого,— расплылся в улыбке старик; он явно обрадовался, что собеседник слыхал про человека, ради которого собралась вся эта толпа.— Нашего Мулланура... Вот и я тоже пришел проводить его. Даже кучтэнэч для него припас...

Он показал узелок, в котором был приготовленный загодя кучтэнэч, то есть гостинец.

— Этот Вахитов тебе родственник, что ли? — спросил, глядя исподлобья на старика, широкоплечий.

— Да нет,— махнул рукой старик.— Какой родственник... Я его и не знал вовсе. А он меня от позора спас. Дело так было...

Он совсем уже изготовился начать какой-то, видно, обстоятельный рассказ, но широкоплечий прервал его речь досадливым нетерпеливым жестом:

— Ладно, ладно, потом... В другой раз расскажешь...

И, взяв своего спутника под руку, отошел от словоохотливого старика.

— Зря вы, господин Дулдулович, пренебрегли его рассказом,— заговорил тщедушный, едва они отошли в сторонку.— Не мешало бы услышать, так сказать, глас народа... Этот Вахитов, должен вам сказать, интереснейшая личность. Подлинное дитя нашей бурной эпохи... Сам он, насколько мне известно, не принадлежит к представителям неимущих классов. Внук состоятельного купца. Однако в этой острой ситуации сделал крупную политическую карьеру.

— Ну уж и карьеру...

— Не смейтесь. Он у них в МСК главный человек!

— МСК? Это еще что за зверь?

— Мусульманский социалистический комитет. Это, пожалуй, самая влиятельная здесь, у нас, организация. Входят в нее представители всех социалистических партий. Разумеется, и большевики тоже. Мулланур Вахитов, по слухам, принадлежит именно к этой партии. Но он этого не афиширует. Однако получается, что большевики через него, через Вахитова то есть, негласно руководят деятельностью всего МСК.

— Ну и хитрая же бестия этот ваш Вахитов!

— Да, уж в ловкости и уме ему не откажешь. Впрочем, нет ничего удивительного в том, что свою принадлежность к большевикам он держит в тайне. Узнав, что он большевик, многие мусульмане тотчас бы от него отвернулись.

Дулдулович повернул голову и остановил на своем собеседнике тяжелый, внимательный, изучающий взгляд.

— Это правда? — после долгой, многозначительной паузы спросил он.

— Что — правда?

— Правда, что иные сторонники Вахитова и впрямь готовы от него отвернуться?

— Ах, господин Дулдулович,— вздохнул тщедушный.— Мы так часто принимаем желаемое за действительное...

— Ну что ж,— отозвался Дулдулович.— Спасибо за откровенность. Нам, истинным мусульманам, не годится морочить друг друга. Всегда лучше знать правду, как бы ни была она горька... Кто же все-таки входит в этот Мусульманский социалистический комитет? Верно, одна голытьба?

— Эх, если бы так...— вздохнул тщедушный.— То-то и беда, что МСК теперь уже большая сила! Проклятый Вахитов сумел привлечь туда многих интеллигентов. Он, знаете ли, умеет привязать к себе людские сердца...

— Ты склонен объяснять это только личным обаянием господина Вахитова?

— Не только обаянием, но и другими качествами. Он весьма начитан. К тому же великолепный полемист. Главная его сила — поразительное спокойствие. Если б вы видели, как он умеет слушать противника! Ни один мускул на лице не дрогнет. А потом с этакой спокойной усмешечкой ка-ак пойдет опровергать довод за доводом... Камня на камне не оставит! Логика у него, надо сказать, железная...

— Ну, и в нашем Мусульманском комитете тоже немало блестящих людей... Туктаров, Исхаков, Терегулов, Гаспринский, Таначева, Максудов, Алкин... Цвет нации! Цвет мусульманского мира!

— Да, имена громкие, ничего не скажешь,— усмехнулся тщедушный.— Однако сохранить безраздельное свое влияние на людей им так и не удалось. Наш Мусуль-

манский комитет был создан седьмого марта прошлого года. А ровно через месяц, седьмого апреля, организовался МСК. Не так уж трудно было сообразить, что МСК создан в противовес Мусульманскому комитету. Но покамест этот ваш цвет нации занимался пустыми словопрениями, МСК с каждым днем все больше и больше набирал силу. Влияние его росло с каждым днем. И вот вам результат...

Он кивнул на толпу, сгрудившуюся у здания Совдепа.

— А кто выбирал Вахитова в Учредительное собрание? — задумчиво спросил Дулдулович.

— Он прошел туда по списку номер десять, то есть от МСК. Выбран по трем округам. Так что, как видите, популярность среди мусульман у него немалая.

— Да,— мрачно сказал Дулдулович.— Ты прав. Раньше надо было думать. Задавить этого Вахитова, пока он силу не набрал... Ну да что теперь об этом... Ладно, друг мой Харис, оставим этот разговор. Скажи мне только напоследок: как ты думаешь, к чему стремится этот Вахитов? Чего ему надобно? Власти? Славы?

— Он говорит, что власть должна принадлежать народу.

— Ну, это теперь все говорят. А за этим-то у него что скрывается? Не может ведь такой умный человек не понимать, что власть никогда не была и не будет в руках у голытьбы.

— Помню, он как-то выступал в рабочем клубе Алафузовской фабрики. Ну, один из его противников задал ему как раз вот такой вопрос. «Вы требуете,— сказал он,— немедленной передачи власти рабочим и крестьянам. Да ведь они неграмотные! Сами подумайте, как они будут управлять государством?»

— Интересно! И что же Вахитов?

— Он так сказал: «Рабочие, быть может, пока и неграмотные, и управлять государством не умеют. Но они

сумеют диктовать вам свою волю. А вы, грамотные, будете выполнять то, что они вам продиктуют!»

— Ну, это демагогия,— пожал плечами Дулдулович.

— Я же говорю, демагог! — поддакнул Харис.

Тем временем вокруг началось какое-то движение. Народ заволновался, и вдруг вся толпа хлынула во двор Совдепа. Пока Дулдулович и Харис соображали, что к чему, пока они, выброшенные людским водоворотом, подоспели к задним рядам толпы, теснившейся во дворе, митинг уже начался.

Говорил плотный, невысокий человек, которому, судя по его спокойному, уверенному тону, давно уже не в новинку было размышлять вслух при большом стечении народа.

— Товарищи мусульмане! Мы тоже за Приволжскую автономию! Мы, большевики, стоим за самоопределение всех наций, входивших в состав бывшей Российской империи. Но только при одном условии: если вы сами будете вершить свою судьбу. Только в том случае, если власть будет в руках мусульманских рабочих, мусульманских крестьян и мусульманских солдат,— только тогда перед всем трудовым мусульманским миром откроются ворота в новую, светлую жизнь!

— Это что за птица? — спросил Дулдулович у Хариса.

— Яков Семенович Шейнкман. Председатель Казанского Совдепа. Тот самый, по указке которого действует Вахитов.

Дулдулович молча вглядывался в лицо оратора, то ли стараясь не пропустить ни единого его слова, то ли просто по облику пытаясь угадать, что он за человек.

— Н-да,— подвел он итог своим наблюдениям.— Это как будто крепкий орешек... А нельзя ли,— жестко усмехнулся он,— из этого Шейнкмана сделать шейха Мана?

Харис подобострастно рассмеялся, давая понять, что по достоинству оценил шутку.

— К сожалению, такого «шейха», какого нам хотелось бы, из него не сделаешь. Он ведь заядлый большевик. Во время октябрьских событий был в Петрограде, работал бок о бок с главным большевистским вожаком Ульяновым-Лениным... А каламбур этот не вам первому в голову пришел. В народе его давно уж так называют: шейх Ман. К сожалению, не с насмешкой называют, а любовно...

От этой последней реплики Дулдуловича так и передернуло.

— Да уж,— злобно прошипел он.— Любить пришлых — это мы умеем.— И задумчиво добавил: — Стало быть, сам господин Ульянов прислал нам этого шейха? Что ж, будем иметь в виду. А кто это слева от него? В очках?

— Гирш Ольксницкий. Секретарь большевистского комитета. Говорят, бывший поднадзорный.

На трибуне тем временем очутился уже другой оратор. Его слушали далеко не так внимательно, как Шейнкмана, и, быть может, поэтому, стараясь перекрыть недовольный насмешливый ропот толпы, он надсадно выкрикивал каждое слово, даже таращил глаза от напряжения.

— Жемэгат! Братья! — надрывался он.— Не забывайте, что мы с вами потомки великого Чингиза, завоевателя вселенной!..

— Где Чингиз и где ты? — крикнул из толпы звонкий насмешливый голос.— Думаешь, люди не помнят, что ты байстрюком родился?

— Проезжего цыгана потомок — вот ты кто! — подхватил другой.

Незадачливого потомка Чингиз-хана проводили свистками и улюлюканьем.

Снова вышел вперед Шейнкман.

— Слово предоставляется,— громко выкрикнул он,— товарищу Вахитову!

Толпа качнулась и еще плотнее сгрудилась вокруг трибуны. Стало совсем тихо.

— Видите, как встречают? — шепнул Дулдуловичу Харис.

— Вижу, вижу,— мрачно буркнул тот.— Успел этот Вахитов вскружить голову мусульманам.

На трибуне стоял невысокий худощавый человек в черной папахе и форменной, похоже, студенческой шинели. Ровный румянец покрывал его волевое лицо. Но голос у этого хрупкого на вид и совсем еще молодого человека оказался могучим и сильным — настоящий громовой голос прирожденного оратора.

— Было время, когда многие думали, что господа милюковы, гучковы и керенские пекутся о свободе народа. В феврале семнадцатого мы радовались: царя больше нет, победила революция. Казалось: чего еще? Но Гучков с Милюковым... Да что там Гучков, что Милюков... Многие из тех, кто искренно почитали себя социалистами, думали, оказывается, не о свободе, а о том же, о чем думали их предшественники — царские министры... О проливах! О захвате новых земель! О расширении и усилении Российской империи... О Дарданеллах! О Босфоре!..

Дулдулович изумленно воззрился на Хариса.

— Ты слышишь?

Харис пожал плечами, как бы давая понять, что эти слова оратора вовсе его не поразили. Но Дулдулович был явно другого мнения.

— Вот молодец! — никак не мог он успокоиться.— Окажись я на этой трибуне, клянусь аллахом, сказал бы то же самое! Слово в слово. Русские — исконные наши враги! Они всегда только о том и думали, чтобы ослабить нас, мусульман... Вытеснить и с Черного моря, и с Балкан, и с Кавказа... Отобрать проливы... Молодец! Правильно говорит!

— Товарищи! — продолжал тем временем оратор.—

Наша судьба в наших собственных руках! Если вы не хотите, чтобы мы, мусульмане, стали игрушкой в руках европейской буржуазии, возьмите мусульманские дела в свои собственные руки!

В толпе захлопали, зашумели. Раздались громкие одобрительные выкрики.

Дулдулович тоже не удержался и крикнул:

— Молодец! Правильно говорит!

— Я бы на вашем месте, господин Дулдулович,— усмехнулся Харис,— пока воздержался от таких одобрительных выкриков. Послушаем, что он дальше скажет.

— Дела мусульман,— гремел над толпой могучий голос Вахитова,— должны решаться мусульманскими рабочими, мусульманскими крестьянами, мусульманскими солдатами! Февральская революция была не настоящая революция. Лишь в октябре прошлого года пробил последний час русского капитализма и совершилась подлинно народная революция, революция бедняков, революция трудящегося и эксплуатируемого народа!

— Эх, не туда поехал, в сторону свернул,— огорчился Дулдулович.

— Только трудящиеся, только бедняки, объединившись вместе, могут обеспечить свободу и независимость мусульманского мира. Обещаю вам, что в Учредительном собрании я буду последовательно и неуклонно защищать ваши интересы, последовательно и неуклонно бороться за дело бедняков мусульманского мира!

— Не пойму, каша у него в голове? Или лицемерит? Популярность голытьбы завоевать хочет? — озадаченно бормотал Дулдулович.— Во всяком случае, малый не дурак. Это ясно. И он, я думаю, далеко пойдет...

— До самого Петрограда,— усмехнулся Харис.

Из здания Совдепа вынесли красные знамена. Толпа качнулась и хлынула с площади на улицу.

— Куда теперь? — спросил Дулдулович.

— На вокзал, конечно! Куда ж еще? — отвечал Харис.

— Ну что ж, пойдем и мы туда же. Надо уж доглядеть этот спектакль до конца.

— Эй! Люди добрые! Вы, часом, не знаете, они там тоже речи говорить будут? Или он сразу поедет?

Дулдулович с Харисом оглянулись. За ними семенил тот самый старик татарин с козлиной бородкой, который давеча порывался рассказать им, как Мулланур Вахитов спас его от позора.

— А тебе-то что? — неприязненно спросил Харис.

— Да надо бы мне успеть домой сбегать,— сокрушенно объяснил старик.— Забыл я одну вещь, понимаешь, какое дело... Успею, не успею? Как думаешь?

— Сбегай, сбегай, абый! — усмехнулся Дулдулович.— Сто раз еще успеешь обернуться. Они там небось еще часа три митинговать будут.

— Правда? — обрадовался старик.— Вот спасибо тебе, сынок! Я мигом. Одна нога здесь, другая там...

Свернув в переулок, он торопливо затрусил вниз, к оврагу.

2

— Ох и не любишь же ты этого Вахитова! — сказал Дулдулович, когда они двинулись вслед за толпой к вокзалу.— А, собственно, за что?

— Как «за что»? — искренно удивился Харис.— Вы же сами сейчас убедились. Это враг, я думаю, самый опасный из всех. Хуже нет того врага, который другом прикидывается.

— А может, он не прикидывается? Может, и в самом деле друг?

— Аллах! Как язык у вас повернулся такое сказать, господин Дулдулович! Да разве такой фанатик может быть нашим другом?

— Я хотел сказать, что если он не демагог, а человек искренний, так, может, нам не грех попытаться как-то его использовать?

— Э, нет! Это безнадежно. Он убежденный большевик. Значит, всегда будет с русскими заодно.

— А ты все-таки мне так и не ответил, за что его ненавидишь.

— Я ж сказал...

— Брось, брось... У тебя к нему, видать, еще и личная «симпатия». Я ведь глазастый, меня не проведешь.

— Да, верно,— сознался Харис.— Числю я за ним и кое-какой личный должок. Я ведь из-за этого мерзавца, господин Дулдулович, чуть по миру не пошел.

— Ну да?.. Как же это вышло?

— Тут, конечно, не он один виноват, но...

— Да не вертись ты, как уж на сковороде. Рассказывай все по порядку.

— Ну что ж, будь по-вашему... До всей этой катавасии, как вы догадываетесь, я был человек небедный. Пару-другую лавчонок имел... Отец мой, слава аллаху, добрый был купец. Ну и я, стало быть, по отцовской дорожке пошел. Жил не хуже других почтенных людей. И даже после того, как царя скинули, дела мои торговые шли совсем недурно. Ну а когда вторая гроза разразилась, будь она неладна, тут все сразу прахом пошло...

— Это понятно. Да Вахитов-то тут при чем? Разве ж эта большевицкая революция только его рук дело?

— Как — при чем? Да ведь все мои беды с того и начались, что этот Вахитов свой нос во все дырки совать стал!

— Опять ты загадками говорить начал.

— Какие загадки? Сами, небось, видите, до чего я дошел. Да разве раньше у меня хватило бы стыда в такой одежонке на улицу выйти?.. Началось все с того, что приказчики мои зашебуршились. Будем, орут, только до

восьми часов работать. Так, дескать, Совет велит. Я говорю: будете работать до той поры, до какой хозяин вам укажет. А хозяин у вас пока что не Совет, а я. А чтобы Совет этот ваш в наши дела не мешался, до восьми часов будете работать на виду у всех, открыто. А после восьми мы на дверь объявление повесим: дескать, магазин закрыт. Однако тот, кому надо, будет знать, что за закрытыми дверьми у нас торговлишка идет полным ходом...

— Ловок ты, брат, ничего не скажешь,— покрутил головой Дулдулович.

— Ну, сперва так оно у нас и шло. От покупателей отбою не было. Но однажды, часов эдак в десять вечера, стук в дверь. Слава аллаху, думаю, не оставляет меня всемогущий своими милостями. Не иначе — покупатель. Отворяю — а на пороге трое в красных повязках. Пожалуйте, говорят, за нами.

— Неужто арестовали? Да за что же?

— А вот за это самое. За нарушение постановления Совдепа. Взяли как миленького и повели прямехонько в Мусульманский социалистический комитет, вот к этому самому Вахитову.

— Интересно... И что же он с тобой сделал?

— Уж так меня честил, так срамил...

— Только и всего? Ну, брат, это еще не беда. Как говорится, стыд глаза не выест.

— Кабы только попреками обошлось, это бы еще и впрямь не беда. Однако разговоры разговорами, а дело делом. Под конец он вынес постановление взыскать с меня все, что мои приказчики наработали сверхурочно. Да не просто взыскать, а в десятикратном размере... Ну, тут уж я понял, что если и дальше так дело пойдет, я наг и бос останусь...

— Да, прижал он тебя. Однако ведь ты, насколько мне известно, не только лавчонки держал? Еще и извозом промышлял, кажется?

— А как же. Но и тут этот Вахитов мне поперек дороги встал. Он собрал всех городских возчиков, дворников, землекопов и организовал комитет.

— Какой такой комитет?

— Комитет из всей этой голытьбы. Такой комитет, чтобы проводить восьмичасовой рабочий день. Работает, скажем, какой-нибудь Габдрахман-дурачок. Раньше он рад был хоть сутки напролет вкалывать. А теперь восемь часов отработал — и домой. Хоть умоляй, хоть плачь, а больше работать не станет. Комитет не велит. У меня один возчик на двух подводах работал. Так они, эти проклятые комитетчики из МСК, и тут вмешались. До всего, видишь ли, им дело! Постановили, что каждый возчик имеет право только на одной кляче работать...

— Да, неглуп этот Вахитов. Ох, неглуп! Вижу, крепко он сумел втереться в доверие к простому народу...

За углом показалось здание вокзала.

Дулдулович невольно ускорил шаг. Харис торопливо засеменил вслед за ним.

У вокзала народу собралось, пожалуй, даже еще больше, чем на площади у здания Совдепа. Во всяком случае, выглядела эта толпа гораздо внушительнее. Может быть, еще и потому, что впереди, у самых железнодорожных путей, стройными шеренгами выстроились воинские части — отдельно пехота, отдельно кавалерия. У бойцов на шинелях алые банты. А у командиров на шапках зеленые ленты с изображением полумесяца [1].

Это были национальные татарские воинские части, боевым строем явившиеся сюда, на вокзал, чтобы с почетом проводить в Петроград своего избранника.

— Смотри, что делается! — от удивления зацокал языком Дулдулович.— Даже войска здесь! И армию сагитировали!

[1] Зеленый цвет и знак полумесяца — символы ислама.

— А-а, не ожидали? — обрадовался Харис.

— Что кавалерия здесь будет, и в самом деле не ожидал,— признался Дулдулович.— Пехота — другое дело. А кавалерия — это ведь цвет мусульманства, лучшие сыны татарской нации. Не голытьба какая-нибудь! Уж они-то должны бы понимать, что им не по пути с этими Вахитовыми, с комиссарами большевистскими, со всей этой голью перекатной!

— А может, они тоже думают, что им удастся использовать этого большевика в своих целях? — не без ехидства молвил Харис.

Дулдулович в ответ проворчал:

— Ладно, послушаем, что-то он запоет на этот раз. Не станет же он этим славным конникам с зелеными лентами на шапках толковать про рабочих и крестьян!

Пробравшись вперед, поближе к оратору, он стал жадно ловить слова Вахитова, гремевшие над рядами.

— Дивное время мы переживаем! — неслось над толпой.— Возрожденная земля дрожит от жгучих поцелуев мятежной пролетарской правды!.. Со знаменами в могучих руках сыны Востока спешат в ряды международного пролетариата!.. Всемирный праздник людей труда приближается!..

— Ну, тут уж пошли красивые слова... Это мне не интересно,— презрительно буркнул Дулдулович Харису.

— Я думаю, самое интересное он приберег напоследок,— отпарировал Харис.

Дулдулович молча пожал плечами, словно говоря: «Ну-ну, поглядим!» Однако лицо его сохраняло все то же насмешливо-презрительное выражение. «Кричи, кричи, надрывайся,— говорило оно.— Все равно ведь ничего нового не скажешь...»

И тут, словно угадав его мысли, оратор вдруг обернулся к застывшим в седлах кавалеристам с зелеными лентами на папахах.

— Кое-кто, вероятно, тешит себя надеждой,— заговорил он,— что постоянно повторяемые мною слова о нуждах простого народа, о рабочих, крестьянах и солдатах, интересы которых я еду защищать,— что все это не более чем ораторский прием. Красивая фраза. Или — еще того хуже — демагогия...

Дулдулович невольно вздрогнул. Человек, стоявший на возвышении в ста шагах от него, словно бы заглянул ему в душу, легко прочел самые тайные, самые сокровенные его мысли.

— Так вот, пусть не надеются! — гремел обращенный словно бы прямо к нему голос Вахитова.— Пусть знают, что у нас слова не расходятся с делом! Мы едем в Петроград для того, чтобы отстаивать интересы рабочих, крестьян, солдат. И вы можете быть уверены, товарищи, что ваши интересы мы отстоим! Чего бы нам это ни стоило! Свой долг перед вами мы выполним свято. Выполним до конца. Клянемся!

Раздался негромкий свисток паровоза.

— Вот и паровоз подали,— сказал Харис.— Скоро конец.

— Боюсь, что это только начало,— мрачно возразил Дулдулович и, круто повернувшись, стал протискиваться сквозь толпу прочь от вокзала.

ГЛАВА II

1

Мулланур стоял на подножке вагона и махал рукой, прощаясь с друзьями. Вдруг в глаза ему бросилась нелепая фигура старика татарина, трусцой бежавшего за поездом. Старик, задыхаясь, что-то кричал. Мулланур прислушался.

— Эх, опоздал...— донеслось до него.— Вот беда! Теперь не догнать...

Мулланур от души пожалел старика, как видно опоздавшего на поезд. Скорость была еще невелика, однако о том, чтобы дряхлый старец смог догнать уходящий вагон, да еще вскочить на его подножку, конечно, не могло быть и речи.

А старик между тем, протягивая вслед поезду свой узелок, кричал:

— Это ведь я тебе, сынок! Тебе...

Молодой солдат-татарин, сообразив, в чем дело, выхватил узелок из рук старика, догнал вагон и, прыгнув на подножку, сунул его прямо в руки Мулланура.

— Держи! Воп от того бабая, с рыжей бородой, видишь? — быстро сказал он и соскочил на перрон.

— Что это? Что я с этим должен делать? — изумился Вахитов.

— Кучтэнэч тебе! — крикнул в ответ солдат, махнув рукой.— Гостинец народному избраннику!

Он еще что-то кричал вслед набиравшему скорость поезду, но голос его пропал в нарастающем стуке колес.

Мулланур вошел в вагон и развернул кулек. Там лежали два пюремеча — две татарские ватрушки. А рядом — аккуратно сложенная газета.

Это был старый, прошлогодний номер газеты «Кзыл байрак», его газеты. Газеты Мусульманского социалистического комитета. И номер этот Мулланур узнал сразу. Еще бы ему его не узнать! Тут ведь его статья. Та самая, вокруг которой было столько яростных споров. Ох какой вой подняли тогда против него в Мусульманском комитете! Орали, визжали, кляли. Называли предателем, большевистским прихвостнем. Говорили, что он продает своих братьев мусульман неверным.

Но рабочим статья пришлась по душе. Они посылали в редакцию своих депутатов, просили передать благодарность автору. Требовали, чтобы газета больше печатала

таких статей, от которых трепетали бы в страхе баи и проклятые буржуи.

«Кзыл байрак» — любимое его детище. Первый номер этой газеты пришел к читателям в июне 1917 года. Мулланур был не только редактором газеты, но и одним из самых активных ее авторов. Почти в каждом номере появлялись его статьи. В газете он публиковал и материалы из большевистской «Правды».

Да, теперь это все уже в прошлом. Неужели с тех пор прошел всего только год? Срок небольшой. Но как вспомнишь, сколько событий произошло... И каких событий!

Сбылось наконец то, о чем тогда только мечтали. Рабочие, крестьяне и солдаты взяли власть в свои руки. Казалось бы, пора уж угомониться всем толстосумам, буржуям, а также всем их приспешникам вроде Фуада Туктарова. Ан нет! Не унимаются. Некоторым из них так даже и в Учредительное собрание удалось пролезть. Взять того же Туктарова. Он ухитрился получить депутатский мандат по эсеровскому списку. Из этой затеи, правда, все равно ничего не вышло. Пришла телеграмма из Петрограда, от Центрального комитета партии социалистов-революционеров, с требованием исключить Туктарова из списка депутатов.

Однако Туктаров, собрав всех своих дружков и единомышленников, все-таки отбыл в Петроград. И не исключено, что с ним там еще придется повозиться.

«Эх! — подумал Мулланур.— Надо бы мне раньше выехать из Казани! Тогда бы уж я сразу дал бой Туктарову. Ну да ничего, скоро будем и мы в Петрограде!..»

От этой мысли на душе у Мулланура потеплело.

Петроград! Это ведь город его юности...

Первый раз он приехал в Питер в августе 1907-го. Приехал поступать в Политехнический институт. И поступил, стал студентом. Сначала-то у него были совсем

другие планы. Больше всего на свете его тогда интересовала история родного народа, история народов Востока. С самых малых лет он задавался вопросами, на которые никто из окружающих его людей не мог дать ответа: «Кто я такой? Откуда я? Где мои корни?.. Жил мой народ здесь всегда, с незапамятных времен? Или мои предки пришли сюда откуда-то? А если пришли, то откуда?»

И вот, окончив седьмой (дополнительный) класс Казанского реального училища, он решил поступить на исторический факультет Казанского университета. Он мечтал стать историком.

Но тут ему довелось испытать первое горькое разочарование. Жизнь нанесла ему свой первый тяжелый удар. Оказалось, что реальное училище, которое он закончил, не дает права поступления в университет. В университет по тогдашним законам мог поступить только тот, кто закончил классическую гимназию. А в гимназию ему, «инородцу», поступить было не так-то просто.

Получив из Казанского городского полицейского управления «Свидетельство для свободного проживания в Империи повсеместно сроком на три месяца», Мулланур отправился в Томск. Он рассудил, что в Томске, этом далеком сибирском городе, ему, быть может, легче удастся осуществить свои планы, чем здесь, на родине. Однако оказалось, что и в Томском университете все вакансии на «инородческие места» были уже заняты. И тогда он решил податься в столицу империи, в самый Петербург.

Да, видно, не зря русские придумали пословицу: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

В конце концов все вышло к лучшему. В Питере он поступил на экономический факультет Санкт-Петербургского политехнического института, нашел настоящих, верных друзей. Но главное, здесь у него открылись глаза на многое.

А уж как рада была мать, когда узнала, что ее Мулланур стал студентом Политехнического института! Она издавна тешила себя надеждой, что ее единственный сын станет инженером.

Дочь интеллигентных родителей, она с детства мечтала стать учительницей, хотела во всем быть похожей на своего старшего брата Исхака — он был учителем, пламенным поборником просвещения татарского народа. Исхак был ее кумиром, она старалась подражать ему во всем. Но о том, чтобы осуществить это тайное детское желание, не приходилось даже и мечтать. Девушке, выросшей в добропорядочной мусульманской семье, был уготован лишь один удел — замужество. И ей пришлось смириться, задушить свою мечту в самом зародыше. А вскоре ей подыскали жениха. Он был намного старше ее, властный, сильный мужчина, замкнутый и суровый.

Как это было заведено тогда в татарских семьях, она вышла за него, не зная, что такое любовь,— ей еще не исполнилось и семнадцати. Став замужней женщиной, она сразу попала совсем в другую среду. Муж был купцом и сыном купца. Купцами были все его друзья и приятели.

Всех этих торговцев, среди которых протекала ее жизнь, она втайне презирала и от всей души хотела, чтобы сын вырвался из затхлой среды на вольный жизненный простор. Каким же счастьем, какой горячей радостью наполнилось ее сердце, когда она увидала его фотографию в студенческой фуражке!..

При мысли о матери сердце Мулланура привычно заныло. Так бывало всегда, стоило ему вспомнить о ней. Это была не просто тоска. Тут смешалось все: и нежность, и любовь, и горечь разлуки, и сладостная память о далеком детстве.

Мать звали Уммегульсум Мустафиевна. Но дома все звали ее Уммэй или Эмина-апа.

Да, давно бы уж ей пора жить бок о бок с невесткой, нянчить внуков...

Эта мысль невольно заставила его усмехнуться. И тут же, по довольно-таки нехитрой ассоциации, он вспомнил давний рассказ матери о том дне, когда он, Мулланур, появился на свет.

Это было тридцать два года назад. Отец служил тогда у богатого купца Губкина. Дела требовали, чтобы они с матерью из Кунгура, где они тогда жили, отправились в Нижний Новгород, на Макарьевскую ярмарку. Мать хотя и была уже на последних месяцах беременности, но до родов, по всем расчетам, времени оставалось еще много.

От Кунгура до Перми они добирались на подводах, потом пересели на пароход. Но, не доезжая Казани, мать вдруг почувствовала себя худо. Пришлось ей в Казани сойти с парохода и остановиться у родственников, у которых она жила до замужества. И вот здесь-то, на Суконной улице, в доме Прянишниковых, он и родился.

Родился он раньше срока, семимесячным, и был так мал, хил и слаб, что боялись — не выживет. Глазки у него открылись лишь месяц спустя. Да и то, как рассказывала мать, только потому, что она несколько раз на дню смачивала их разными снадобьями.

Была середина августа. Дни в Казани стояли теплые. Но несмотря на теплую погоду, окна комнаты, в которой поместили новорожденного, тщательно заклеили, словно на улице была зима.

— Сохрани аллах, не просквозило бы! — как заклинание, твердили все.— А в тепле наш малыш, глядишь, и выживет.

По ночам, когда в воздухе чувствовалась хоть малейшая влажность, топили голландскую печь.

Кто знает? Может, он и в самом деле выжил только благодаря этому парниковому теплу.

Все эти заботы и тяготы легли на плечи родных. Ум-

мельгусум была так слаба, что ей не до того было. Она и всегда-то была слабенькой, а тяжелые преждевременные роды и вовсе сломили ее хрупкое здоровье.

Но вот наконец врачи сказали, что непосредственная опасность миновала. И мать и ребенок будут жить. У родных сразу отлегло от сердца: слава аллаху, их бессонные ночи, все их старания и хлопоты не пропали даром.

Стали думать, как назвать младенца.

Впрочем, особенно думать да гадать не пришлось. Как только он родился, послали две телеграммы — одну Муллазяну, отцу новорожденного, в Нижний Новгород, а другую — в Кунгур, деду Гарею. И вот, не успели еще обсудить толком имя будущего члена семьи Вахитовых, как пришла из Кунгура от Гарея Вахитова телеграмма. Поздравляя сноху с рождением первенца, он наказывал дать ему имя Мулланур. Так, оказывается, звали его младшего брата, рано умершего от какой-то тяжелой болезни.

Слово деда в семье Вахитовых, как и во всех тогдашних патриархальных татарских семьях, было законом. И мальчика без долгих споров решено было назвать Муллануром. Как порешили, так и сделали. Сходили в мечеть, и мулла собственной рукой внес имя новорожденного в махаллу.

Стали уже подумывать о возвращении домой, в Кунгур. Но Муллазян, приехавший в Казань из Нижнего, поглядел на своего первенца, увидал, какой он маленький да чахленький, и решил до поры до времени это путешествие отложить. Решено было, что жена и сын поживут здесь, в Казани, у родных, до будущего лета.

Мать Мулланура, рассказывая ему об этом, призналась:

— Поглядел отец на тебя — ни слова не сказал. Но я-то сразу поняла, какие у него мысли. «Кто знает,— не иначе как подумал он,— дотянет ли еще несчастный малыш до будущего лета».

Да и ей самой, хоть и тяжело было читать эти горестные мысли на лице мужа, тоже, видать, нет-нет да и закрадывались в душу такие сомнения.

Однако вот поди ж ты, выжил Мулланур. Не только до следующего лета дотянул, а вон до каких славных времен... Да и не таким уж слабеньким он вырос, как опасались все его родные тогда, тридцать два года назад...

«Что это меня вдруг на прошлое потянуло? — усмехнулся он и помотал головой, словно желая стряхнуть накатившую на него волну сентиментальных воспоминаний.— Старею, что ли?»

Взгляд его снова упал на узелок, в котором лежала сложенная вчетверо старая газета и два пюремеча. Гостинец!.. Вот оно что... Запах вкусной домашней стряпни. Запах детства... Не иначе, это он, щекочущий ноздри, слабый, но такой щемящий, такой сладкий, оживил в его памяти то, что казалось давным-давно забытым, навеки уснувшим. И вспыхнули, поплыли перед глазами картины далекого прошлого... И вот он уже не может оторваться от них, от этих ярких картин: все глядел бы да глядел, и слушал, и вспоминал, всем существом прикасаясь к своим корням, к своим истокам, к той лишь по рассказам матери знакомой ему жизни, откуда берет начало его нынешняя, теперешняя жизнь...

2

Уммзй-апа рассказывала, что он начал ходить очень рано, чуть ли не в восемь месяцев. А заговорил поздно. Первые слова научился выговаривать только тогда, когда уже стал играть во дворе с другими ребятишками.

Мать придавала этому обстоятельству особое значение. Есть, оказывается, в народе такая примета: поздно начинают говорить только самые умные дети.

Позже, когда Мулланур стал ходить в школу и приносить оттуда хорошие отметки, она часто повторяла с материнской гордостью:

— Я знала, всегда знала, что ты у меня будешь умницей. Недаром ты научился говорить позже всех своих сверстников.

Мулланур только посмеивался: он никак не мог связать между собой столь различные факты.

Особой бойкостью он в детстве не отличался. Скорее наоборот: был застенчив, немногословен. Даже, пожалуй, нелюдим. Дядя Исхак — брат матери, гостивший в ту пору у них в Кунгуре,— рассказывал, что когда он, Мулланур, пошел в первый класс городского училища, был он так мал ростом, так бледен и худ, что казалось, будто его отправили учиться гораздо раньше положенного срока.

Может быть, именно в этом таилась причина какого-то странного отчуждения, которое с тех самых пор чувствовал к своему первенцу отец? А может быть, причина этого холодка, этой тайной нелюбви была в том, что он, Мулланур, был словно бы белой вороной в роду Вахитовых. Они все были крепкие, темноволосые, темноглазые, быстрые в движениях, ловкие и сильные. А он вял, малоподвижен. Волосы скорее светлые, с рыжеватым отливом. Глаза — серо-зеленые.

Да, отец его не любил. Это, к сожалению, не вызывает сомнений. Зато дед в нем души не чаял. Почему-то именно в нем он видел продолжателя главного дела своей жизни. Он мечтал увидеть Мулланура именитым купцом, богатым и славным, самым уважаемым в городе, а может быть, даже и во всей округе.

Дети, как известно, в своих играх всегда подражают взрослым. И немудрено, что любимой детской игрой в богатых татарских семьях была игра «в лавку». Попросту говоря, в покупателей и продавцов. Старый Гарей,

приглядевшись к этим детским играм, решил извлечь из них пользу. Он разыскал хорошего столяра и заказал ему выстроить в просторном дворе своего дома небольшой игрушечный магазинчик.

На первых порах Мулланур увлекся игрой, придуманной дедом. Он даже смирился с тем распределением ролей, которое неизменно навязывал ему старый Гарей: во всех их играх дед всегда был покупателем, а он, Мулланур,— продавцом.

Но однажды дед уехал по своим купеческим делам в Пермь.

И вот тут-то Мулланур впервые проявил самостоятельность.

Кто его знает, откуда взбрела ему в голову такая мысль. Видел ли он где-нибудь нечто подобное? Или это была его собственная фантазия? Трудно сказать... Но в тот же день, как дед Гарей отбыл в Пермь, Мулланур затеял коренное переоборудование своего игрушечного магазинчика. На полках, где раньше размещались игрушечные бакалейные товары, он аккуратно расставил все свои детские книжки. Книг было не так уж много, во всяком случае меньше, чем места на полках, и Муллануру пришлось собрать книжки у всех своих друзей-приятелей. Так магазин превратился в библиотеку.

Мулланур — он к тому времени умел уже не только читать, но и писать — завел специальный «журнал», куда записывал всех читателей своей библиотеки, всех, кому выдавал книги на дом.

Велико было удивление старого Гарея, когда, вернувшись из Перми, он увидал, во что превратился «магазин» его внука и будущего наследника.

— Субханалла! Субханалла[1]! — растерянно повторял

[1] Субханалла — восклицание, выражающее крайнюю степень удивления.

он.— О, аллах всемогущий! Хотел из внука купца сделать, а из него, как видно, ученый мулла вырастет!

Так ничего и не вышло из хитроумной затеи деда Гарея, так и не удалось старому купцу привить внуку любовь к торговле.

В 1899 году отец Мулланура вдруг, нежданно-негаданно, решил переселиться с семьей из Кунгура в Казань. Мулладуру в это время стукнуло четырнадцать. Он давно уже не был застенчивым и нелюдимым увальнем. Не стал он, правда, и богатырем: по-прежнему был невысок, сложения скорее хрупкого, так что в свои четырнадцать лет выглядел двенадцатилетним. Он стал гораздо общительнее, чем прежде. Обзавелся друзьями-приятелями; да и как могло быть иначе, ведь он к тому времени уже закончил городское училище. Но кое-что от прежней замкнутости в нем все-таки осталось. Он любил одинокие прогулки. Любил дикие, заброшенные, безлюдные места, где до него, как ему казалось, не ступала нога человека.

Сам переезд крепко врезался Муллануру в память. И не только потому, что это было, пожалуй, самое крупное событие во всей его четырнадцатилетней жизни, а потому, что именно тогда вошел в его жизнь брат матери, дядя Исхак.

Дядя Исхак помогал им при переезде. Переезжали они обстоятельно, солидно. Вещи погрузили на подводы — получился целый обоз. Вышло так, что Мулланур ехал на одной подводе с дядей Исхаком. Добрались до пристани. И целых четыре дня плыли на пароходе аж до самой Казани.

За эти четыре долгих дня Мулланур крепко подружился с дядей Исхаком. Тогда он, пожалуй, еще не вполне ясно понимал, с каким ярким, удивительным человеком свела его судьба. Но то, что человек этот не похож на тех, с кем доводилось ему встречаться раньше, он почувствовал сразу.

Дядя Исхак работал в деревне, был учителем русского языка. Человек он был легкий на подъем, часто переезжал с места на место. Россию и жизнь народную знал хорошо — не по книгам, а по собственному опыту. В семье Вахитовых поговаривали, что дядя Исхак якшается с бунтовщиками-студентами. Вероятно, именно тогда и именно в связи с дядей Исхаком Мулланур впервые в жизни услышал слово «социалист».

Почему-то Мулланура особенно поразила дядина фамилия — Казаков. Странно ему было, что у его родного дяди, а стало быть, и у матери в девичестве фамилия оказалась совсем не татарская. Скорее русская. Казаков. От слова «казак», что ли?

И тут дядя Исхак рассказал ему семейное предание, поразившее Мулланура до глубины души.

Их род, сказал дядя Исхак, ведет свое начало от беглого казака, сподвижника Пугачева. После разгрома повстанцев он долго скитался один в лесных чащобах, пока не свалила его жестокая лихорадка. Тут-то и нашли его татары. Взяли в свой аул, выходили. Молодость и богатырское здоровье взяли свое: молодой казак вскоре совсем оправился от болезни, стал таким же могучим и сильным, каким был прежде. Он решил навсегда остаться среди людей, спасших ему жизнь. Даже принял их веру — стал мусульманином. Они полюбили его, как родного сына, выдали за него свою дочь. И вот от него-то и пошел их род, род Казаковых.

Воображение Мулланура разыгралось. Будь его воля, он только и делал бы, что заставлял дядю пересказывать эту историю снова и снова и жадно, нетерпеливо ловил все новые и новые подробности бурной жизни своего предка.

Но не такой человек был дядя Исхак, чтобы можно было заставить его говорить все об одном и том же. Этот человек оказался настоящим кладезем разнообразнейших

знаний. Он обрушил на Мулланура такой поток сведений, что за четыре дня плавания мальчик узнал, пожалуй, столько же, сколько за все годы своей школьной жизни.

А однажды он повел племянника вниз, в зловонные трюмы, где ютились самые бедные, самые нищие пассажиры. Одни лежали вповалку, а иные сидели, скорчившись в неудобной позе,— для них даже не нашлось места, чтобы вытянуть ноги. Одеты — хуже некуда. В рваных, кое-как залатанных опорках, а кое-кто и вовсе босиком. Это были в основном батраки, работающие по найму. Но были среди них и фабричные рабочие, и бедняки крестьяне.

Пестрая смесь племен, народов, наречий: русские, татары, чуваши, удмурты... Говорили они на разных языках и частенько не понимали друг друга. Но зато все хорошо понимали язык нужды, злой и горькой, которая привела их сюда, в темный трюм парохода, плывущего вниз по Каме.

В проходе лежал полуголый мужик громадного роста. Он был пьян. Через него перешагивали — одни осторожно, боясь задеть его ненароком, другие, наоборот, стараясь нарочно пихнуть ногой: разлегся, мол, тут на дороге, другого места себе не нашел! Но он не обращал внимания ни на тех, ни на других. Только рычал что-то невнятное. Прислушавшись, Мулланур разобрал слова:

— Все равно прикончу... Кровопийца проклятый!.. Раздел догола, по миру пустил... Убью гада!.. Дай только срок, пущу красного петуха!..

В углу сидел старик татарин с шарманкой. Мешая русские слова с татарскими, он приговаривал:

— Послушайте песню старого человека! Не гнушайтесь, люди добрые, моей историей, не отворачивайтесь от моей беды. Все под богом ходим. И с вами тоже ведь

может случиться такое... В один день потерял я, горемычный, жену и детей. Один остался на свете...

Рядом со стариком притулилась молодая чувашка с грудным младенцем. Укачивая ребенка, она напевала ему вполголоса грустную колыбельную.

С трудом пробираясь по узкому проходу, ковыляла старая удмуртка с клюкой и нищенской сумой — просила подаяния.

— Ну что, племянничек дорогой? — сказал дядя Исхак.— Понял теперь, как живет простой люд в необъятной нашей Российской империи? А ведь страна у нас богатейшая!

— Если страна богатая, почему же все эти люди так бедны? — спросил Муллапур.

— Потому что все ее богатства принадлежат маленькой кучке жадных паразитов, которые сами не трудятся, но живут припеваючи, катаются словно сыр в масле... А все потому, что живут за счет каторжного труда других людей. Таких вот, как эти бедняки, которых мы с тобой сейчас видели...

Нельзя сказать, чтобы до той поры Мулланур никогда не видал бедных, страдающих людей. По улицам Кунгура тоже ведь иной раз бродили побирушки. И таких стариков с шарманками ему случалось встречать раньше. Но то ли здесь все эти людские горести и беды предстали перед ним уж в очень обнаженном и страшном виде, то ли объяснения дяди Исхака произвели на него такое сильное впечатление... Как бы то ни было, сцены, увиденные Муллануром во время их четырехдневного путешествия, навсегда перевернули его душу. Без преувеличения можно сказать, что именно в эти четыре дня он перестал быть ребенком, стал взрослым, самостоятельно думающим человеком.

В Казани Вахитовы на первых порах остановились в номерах. Гостиница Апанаева, где они поселились, на-

ходилась на Московской улице. Номер у них был хороший — двухкомнатный, просторный, светлый. Но даже вся эта яркая новизна впечатлений не шибко его радовала: ничто не могло стереть из памяти жуткие картины той жалкой и страшной жизни, которая открылась ему на пароходе.

Едва только они устроились на новом месте, отец стал собираться в Нижний, на ярмарку. Он ездил туда каждый год, так уж было заведено. И никогда прежде Муллануру даже в голову не приходило попросить отца взять его с собой. Но на этот раз вместе с отцом на ярмарку собирался дядя Исхак. Ну а кроме того, после поездки на пароходе по Каме у него вдруг пробудился острый интерес к окружающей его жизни, возникло страстное желание поглядеть на мир — не только поглядеть, но даже по возможности потрогать его, пощупать собственными руками.

Неожиданная просьба сына удивила Муллазяна до крайности: он привык считать мальчика ленивым и нелюбопытным, живущим какой-то своей, особенной, не слишком ему понятной жизнью.

— Со мной на ярмарку...— проворчал он.— Да что тебе там делать?

— Хочу посмотреть, что это такое. Да и людей разных охота повидать,— ответил сын.

Он почувствовал, что отец как будто не прочь взять его с собою. Сердце его радостно вздрогнуло. Он уже мысленно видел себя вместе с отцом и дядей на пароходе, плывущем в Нижний.

Но тут неожиданно вмешалась мать:

— Какая еще ярмарка! Ты ведь должен поступать в реальное училище. К экзаменам надо готовиться.

Муллануp прекрасно понимал, что дело не только в экзаменах: мать явно не хотела оставаться на новом месте одна.

Однако спорить не приходилось.

— Можно тогда я вас хоть провожу?

Отец молча пожал плечами.

По дороге на пристань Мулланур спросил дядю Исхака:

— А тебе-то зачем на ярмарку? Ты ведь не купец, не приказчик. Какие у тебя там могут быть дела?

— А я тоже хочу на жизнь поглядеть, людей повидать,— улыбнулся тот.— Думаешь, одному тебе охота знать, что такое Нижегородская ярмарка?

— Я думаю его к одному знакомому купцу определить. Конторщиком. А то ведь на учительских харчах не больно-то проживешь,— объяснил отец.

Перед тем как ступить на трап парохода, Муллазян оглядел сына и впервые в жизни, как взрослому, протянул ему руку.

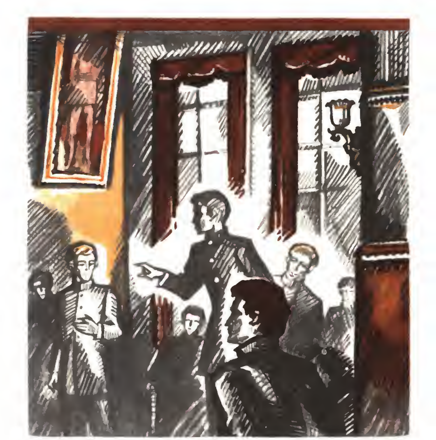
— Ну, сынок,— спросил он,— что скажешь мне на прощание?

— Желаю тебе крепкого здоровья, отец,— солидно, как взрослый, ответил Мулланур.— И, пожалуйста, пиши нам с мамой почаще. Ты ведь знаешь, она всегда волнуется, когда от тебя долго нет писем. Все боится, как бы чего не случилось...

Отец улыбнулся.

— Ишь ты,— сказал он.— Дожили! Яйца курицу учат... Ладно, буду писать часто. А ты смотри не бей тут баклуши, готовься к экзаменам. Как только сдашь, сразу дай мне телеграмму. Помни: ты непременно должен поступить в училище. Во что бы то ни стало. Без образования нынче ни шагу...

Когда отец уехал, оказалось, что о поступлении в реальное училище надо хлопотать. Прежде чем его допустят к экзаменам, надо было получить разрешение попечителя учебных заведений города Казани господина Сверчкова.



Мать расстроилась: разве это женское дело — подавать прошение попечителю. Тут нужна мужская рука. А муж, как на грех, в отъезде.

Но Мулланур сказал, что они прекрасно справятся сами. Красивым, каллиграфическим почерком он написал прошение, и они с матерью отправились на прием.

Ждать пришлось довольно долго: посетителей было много, и все с прошениями. Наконец попечитель соизволил их принять. Он был не один: с ним оказался какой-то любезный высокий господин, неожиданно проявивший острый интерес к вежливому, сдержанному, скромному мальчугану, который явился сам хлопотать за себя.

— Куда хочешь поступить, мальчик? — спросил попечитель, взяв из рук Мулланура прошение, но не разворачивая его.

— Может быть, ко мне? — улыбнулся высокий господин.— Я директор второй гимназии.

Попечитель, проглядев тем временем прошение, сказал:

— Ну так как же? Не хочешь во вторую гимназию?

— Нет, господин попечитель,— твердо отклонил это предложение Мулланур.— Я не стремлюсь к классическому образованию.

(Разговор этот происходил задолго до того, как Мулланур увлекся историей и другими гуманитарными науками.)

— Вот как? — удивился директор гимназии.— Но почему так, мой мальчик?

— Хочу приносить реальную пользу людям,— ответил Мулланур.

Попечителю ответ Мулланура, как видно, понравился. Усмехнувшись, он быстро начертал на его прошении резолюцию и размашисто расписался.

В том же месяце Мулланур сдал вступительные экзамены и был принят в реальное училище.

3

Дружба Муллануpа с дядей Исхаком не прервалась. Дядя теперь учительствовал в селе Кадыбашеве Сарапульского уезда. Мулланур писал ему длинные письма — не только от себя, от всей их семьи. Писал по-русски. А мать иногда приписывала еще от себя несколько строк по-татарски, бисерными арабскими буквами.

Дядя Исхак, судя по его письмам, был доволен своей судьбой. Во всяком случае, ни разу он не посетовал на то, что скромную работу сельского учителя решительно предпочел тем радужным перспективам, которые намечал для него отец Муллануpа перед их отъездом в Нижний. Карьера купеческого конторщика его явно не привлекала.

Но жизнью вдали от родных он, видимо, все-таки тяготился. В одном из писем он даже прямо намекнул на это и попросил Муллазяна подыскать ему место где-нибудь поближе к Казани.

Муллазян был человек со связями. Исхака он искренно любил и к просьбе его не остался равнодушен. И вот в очередной раз, когда Мулланур писал письмо дяде, отец, против обыкновения, сделал собственноручную приписку. «Надеюсь,— писал он,— летом будущего, 1900 года ты будешь назначен учителем, а может быть, даже и директором новой школы в Тетюшах».

Мулланур не удержался и приписал от себя лично: «А мы будем часто ездить к вам в гости: Тетюши — это ведь совсем близко!»

Муллазян не бросал слов на ветер. Вскоре дядя Исхак и в самом деле был переведен в Тетюши — преподавателем в новое, только что организованное русско-татарское училище. Восторгу Муллануpа не было предела.

Виделись, однако, они редко. Приходилось, как и встарь, довольствоваться письмами. Дело в том, что Исхак

был убежденным сторонником новой учебной программы для татарских школ. Он считал, что дети должны получать преимущественно светское образование. Само собой, эти его идеи сразу натолкнулись на глухое, яростное сопротивление всех местных мулл, суфиев, ишанов и прочих толкователей Корана.

«Много горького довелось мне тут испытать,— писал дядя Исхак.— Я никогда не боялся прямой и честной борьбы, всегда рад был открыто отстаивать свои убеждения и взгляды. Но очень трудно, когда тебя со всех сторон опутывает липкая паутина лжи и клеветы. Про меня тут стали распускать всякие нелепые слухи. Придравшись к тому, что я не хожу в мечеть, пустили слух, что я вероотступник, что будто бы я тайно крестился: недаром, мол, у меня русская фамилия — Казаков. Стали даже поговаривать, что всех татарских детей, которых отдадут в мою школу, будут насильно крестить.

Местные муллы дошли до того, что подговорили каких-то проходимцев подстеречь меня ночью и избить. К счастью, нашлись люди, которые предостерегли меня... Старая жизнь рушится на глазах. Растет вражда и ненависть. Ненависть к мироедам, кулакам — тем, кто богатеет день ото дня, наживается на чужом горе. Одни богатеют, другие разоряются. Продают свои крошечные земельные наделы, последний свой жалкий скарб и бегут в города, чтобы кое-как, с грехом пополам прокормить себя и свою семью. Едешь по деревне и прямо диву даешься: стоит домина каменный, двухэтажный — барская усадьба, да и только! А напротив — покосившаяся хижина с подслеповатыми жалкими окошками... Чует мое сердце: не кончится все это добром. Зреет в народе большая злоба против этого тяжкого неравенства. Рано или поздно она найдет себе выход, и тогда... Один бог знает, что будет тогда...»

Это письмо Мулланур выучил почти наизусть. Впер-

вые задумался он о причинах неправедного мироустройства. А главное, о том, как жить и что делать, чтобы изменить эту уродливую, ненормальную жизнь.

Особенно часто он начал задумываться об этом после того, как прочитал романы Тургенева. «Отцы и дети», «Накануне», «Рудин» — все эти книги так поразили его воображение, что он возвращался к ним снова и снова, а многие страницы знал чуть ли не на память. Однажды он даже не удержался и высказал в разговоре с товарищами по училищу самые свои заветные, самые сокровенные мысли:

— Базаров... Рудин — вот люди, которым хочется подражать, у которых надо учиться...

— Что тебе эти чужаки? Нам-то до них какое дело? — насмешливо перебил его один из одноклассников, сын крупного татарского промышленника.

— Самое прямое дело! Как ты не понимаешь? Тургенев, как никто другой, показал в своих книгах, что наша страна — накануне больших, грозных перемен. Недаром один из лучших его романов так и называется — «Накануне». Неужели ты не чувствуешь, какая сила таится в его книгах! Жаль только, что его герои не смогли найти применения своим силам. Рудин больше говорил, чем делал... А Базаров... Он погиб так глупо, так нелепо!.. Но это все в прошлом. Сейчас должны появиться новые Базаровы... России они нужны сейчас больше, чем во времена Тургенева...

— Россия! Россия! — злобно перебил его собеседник.— Да что тебе-то Россия?! Ты разве русский? Забыл, что ли, каких ты кровей?

— Разве мы живем не в России? — спокойно сказал Мулланур.— И разве судьба этой страны не наша судьба?

— Мы мусульмане. И не наша забота думать о нуждах всей России. Хватит нам своих, мусульманских аабот.

Всем сердцем чувствовал Муллапур, что собеседник его глубоко не прав. Но чувствовал он и то, что тот искренен в своей убежденности. И не нашлось у него слов, чтобы опрокинуть, разбить его доводы.

Вечером, сделав все уроки и домашние дела, он раскрыл по обыкновению одну из любимейших своих книг, чтобы почитать, как любил выражаться дядя Исхак, на сон грядущий.

Это были «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя. Снова и снова, уже в который раз, Мулланур смеялся и плакал над любимыми страницами. Радости и горести этих людей, живших в другое время, говоривших на другом языке, он ощутил вдруг такими родными, такими своими, словно все, что происходило с ними, происходило с ним самим, с его матерью, с его отцом. И вдруг нежданно-негаданно явился ответ на вопрос, над которым он бился целый день.

«Какая чушь! — подумал он.— Какая ерунда! При чем тут кровь? Разве течет во мне хоть капля французской крови? Или, может быть, кто-то из моих далеких предков был англичанином? Ну а если это не так, тогда почему же сердце мое сжималось такой болью, когда я читал роман Бальзака «Отец Горио»? Что мне за дело до этого горемычного французского старика, с которым так бессовестно поступили его родные дочери? Ромео и Джульетта... Почему сердце мое отозвалось тоскою и болью, едва только зазвенели в ушах эти простые, безыскусные строки: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте»?»

Впервые в жизни Мулланур вдруг с потрясающей конкретностью ощутил, что у каждого человека помимо предков по крови есть еще и предки по духу. Впервые в жизни он понял, как важно для созревающей, растущей человеческой души это духовное родство.

«И какое же счастье,— подумал он,— когда с людь-

ми, родными по крови, у тебя возникает не только кровная, но еще и такая, совсем особая, духовная, идейная близость».

Да, с родней ему повезло. Во-первых, дядя Исхак. А во-вторых, Набиулла...

Набиулла Вахитов был самым младшим сыном его деда, старого Гарея. Следовательно, по законам родства он, как и Исхак, был его дядей. Смешно! Набиулла — его дядя! А он, Мулланур, который старше Набиуллы на целый год,— он, стало быть, приходится Набиулле племянником?

Как бы то ни было, они сразу сошлись друг с другом. Сошлись так, как сходятся только в юности, когда завязываются самые прочные узы товарищества и дружбы.

Впрочем, дело тут было не только в том, что дядя и племянник волею случая оказались погодками. Основой их дружбы стала редкостная, глубокая общность интересов. Эта общность была рождена не совместными занятиями: Набиулла, в отличие от Мулланура, поступил в художественное училище. Их сблизила горячая ненависть к царящей кругом несправедливости, пылкое стремление все свои силы отдать борьбе за счастье страдающего и угнетенного народа.

Сейчас Мулланур, пожалуй, даже и не вспомнит, с чего это у них началось. Кажется, с того, что Набиулла произнес при нем имя одного из первомартовцев, участников покушения на Александра II, погибших на эшафоте. С того времени они сошлись накрепко: вместе читали запрещенную литературу, тайком шептали друг другу на ухо запретные, давно уже ставшие для них святыней имена Желябова и Софьи Перовской.

Конечно, в разговорах, которые они вели между собою, было много наивного. Но в этих полудетских спорах крепла, оттачивалась их мысль, а главное, росла уверенность, что обязательно должно произойти что-то

такое, от чего вся жизнь вокруг сразу изменится. Не случайно каждый их спор, словно в тупик, упирался в один и тот же вопрос: как быть? И что можно сделать для того, чтобы приблизить этот грозный и радостный час?

— Как же нам найти правильный путь? — задумчиво говорил Набиулла.

— Найдем,— уверенно отвечал Муллануp.— А если сами не найдем, другие укажут.

Так оно и вышло.

Нашелся человек, который... Глупое слово — «нашелся». Получается так, будто он нечаянно оказался на их пути, и если бы не случай... Случай действительно помог. Но не будь этого случая, помог бы другой. Рано или поздно они все равно встретились бы с Хусаином Ямашевым. Непременно встретились бы!

Однажды вечером Муллануp и Набиулла возвращались домой. Шли мимо старого базара, как вдруг — топот тяжелых полицейских сапог, свистки... «Облава!» — мелькнула мысль. И тут из-за угла прямо на них выскочили двое. Заметавшись, они хотели было повернуть назад. Но Муллануp узнал в одном из беглецов дядю Гришу, старого русского рабочего, их соседа.

— Дядя Гриша! — успел крикнуть он.— К реке! Бегите к реке! А мы попробуем сбить их со следа!

Дядя Гриша и его товарищ бесшумно растворились в темноте. А Муллануp и Набиулла, нарочно громко хрипя и стуча сапогами, стали карабкаться вверх, в гору. Полицейские клюнули на приманку, кинулись за ними, без труда догнали и повели в участок. А там выяснилось, что схватили они совсем не тех людей, за которыми гнались.

На другой день Муллануp столкнулся во дворе с дядей Гришей.

— Знаешь хоть, кому вы помогли-то? — спросил тот.

— Помогли людям, убегавшим от полиции. А больше нам ничего знать и не надо,— ответил Муллanур.

Ответ этот дяде Грише, видно, пришелся по душе. Через несколько дней он позвал его вместе с Набиуллой на тайную рабочую сходку.

Они слегка припозднились,— пришлось поблуждать немного по улицам, пока отыскали нужный дом. Когда вошли, сходка была уже в самом разгаре. Оратор — широкоплечий бритоголовый человек с умным, волевым лицом — показался Муллануру знакомым.

— Смотри,— шепнул ему Набиулла.— Да ведь это же он!

— Кто — он?

— Тот самый, что убегал тогда вместе с дядей Гришей!

Это и в самом деле был он, теперь у Муллanура не было никаких сомнений. Рубя воздух сильной, мускулистой рукой, он говорил:

— Нет, товарищи, это не утопия, а вполне конкретная, ясная цель. И осуществить ее можем только мы, рабочие!

— Кто это? — вполголоса спросил Муллanур у дяди Гриши.

— Ямашев.

Муллanур давно уже слышал имя этого легендарного революционера. Его неустрашимость и ловкость, его самоотверженность и преданность своему народу, яростная ненависть, с которой относились к нему царские жандармы,— все это разносилось стоустой молвой, то восторженной, то пугливой и робкой. Но кто бы ни произносил имя Хусаина Ямашева, друг ли, враг или просто любопытствующий обыватель, оно неизменно было окружено ореолом необыкновенности. И Муллanур привык представлять себе этого человека могучим богатырем вроде Алп-батыра древних народных сказаний.

В жизни Хусаин оказался совсем другим: проще, обыкновеннее. Было в его облике что-то даже нарочито, подчеркнуто будничное: затрапезный полурасстегнутый пиджачок, из-под которого виднеется темная косоворотка... Разве так одеваются сказочные богатыри? Но глаза Хусаина блестели таким ясным умом, от всего его облика веяло такой силой, слова его дышали такой страстной убежденностью и верой в свою правоту, что ощущение необыкновенности при личном знакомстве с ним не только не пропадало, но даже, пожалуй, усиливалось.

Мулланур так жадно вглядывался в Хусаина, так напряженно следил за его жестами, мимикой, за ежесекундно меняющимся выражением лица, что на первых порах даже не очень ясно уловил смысл его речи. Но постепенно он освоился, и смысл этот стал все отчетливее доходить до его сознания.

— Не либеральные болтуны,— уверенно говорил Хусаин,— а именно рабочий класс призван совершить революционный переворот и, сосредоточив в своих руках всю полноту политической власти...

— Рабочий класс? — прервал вдруг оратора тонкий скрипучий голос.— Россия стонет под гнетом самодержавия. Самое большее, о чем мы можем мечтать,— это буржуазная революция, которая осуществит самые насущные демократические преобразования. А главной силой буржуазной революции может быть только буржуазия. Это же азбука марксизма!

— Неверно! — быстро обернулся Хусаин в сторону своего нежданного оппонента.— Вы погрязли в плену устарелых, отживших догм и понятий. Новые обстоятельства, новые условия рождают новую революционную стратегию. Уже началась буржуазная революция. Но главной силой ее будет пролетариат... в союзе с беднейшим крестьянством,— повернулся он в другую сторону, обращаясь, как видно, к какому-то другому участнику

спора.— Пора понять, что только в ходе победоносной пролетарской революции, только так и не иначе, могут быть осуществлены все те демократические преобразования, о которых мы говорим...

Далеко не все понял тогда Мулланур в этом споре. Но главное понял: наконец-то в его жизни появился человек, который ясно видит не только цель, к которой надо стремиться, но и тот единственно верный путь, который приведет к этой светлой цели.

Но к великому огорчению, Хусаин, как видно, не склонен был привлекать мальчиков к подпольной работе. Во всяком случае, на первых порах. Он поручил им, как казалось тогда Муллануру, совсем простое и легкое дело. Предложил организовать среди учащихся литературный кружок.

Мулланур, хоть и мечтал о другом, более серьезном задании, с увлечением взялся за это дело. Собирались кружковцы по субботам, и поэтому свои сборища они решили назвать «Шимбе» — суббота. На занятия кружка приходили не только татарские юноши, но и башкиры, казахи.

Эти регулярные субботние встречи происходили у Габитовых. В их дом Мулланура ввел все тот же Хусаин Ямашев. Хозяйка дома была женщина удивительная. Во всяком случае, даже в интеллигентных татарских семьях тогда было немного таких. Начать с того, что она свободно говорила и читала на нескольких языках, великолепно знала литературу — не только русскую, но и европейскую. Но вся любовь ее сердца была отдана родной, национальной культуре. Она взяла себе за правило устраивать в своем гостеприимном доме встречи молодых людей с самыми выдающимися представителями татарской интеллигенции. Так, благодаря ей Мулланур и его друзья познакомились со всеми мало-мальски известными в то время татарскими поэтами и писателями: Гафури,

Амирханом, Камалом... В другие вечера они наперебой сочиняли острые политические эпиграммы, звонкими молодыми голосами распевали «Марсельезу», революционные песни. Попробовали самостоятельно разыграть на домашней сцене несколько пьес — это были первые в ту пору театральные постановки на татарском языке.

Сперва все это было чем-то вроде веселого досуга, свободного, ни к чему не обязывающего, хотя и увлекательного времяпрепровождения. Но день ото дня их встречи становились все более серьезными и целеустремленными. Все чаще велись по вечерам жаркие политические споры. Все чаще появлялся на этих вечерах Хусаин Ямашев, осторожно, исподволь, то короткой репликой, то рассказанной к месту какой-нибудь историей направляя течение беседы в нужную сторону.

Мулланур, конечно, понимал, что Хусаин придает этим встречам определенное значение, вовсе не считает их веселой детской забавой. Но в глубине души он все-таки был слегка обижен на своего учителя. Он считал, что давно уже заслужил, чтобы ему поручили более ответственное, а главное, более опасное дело. Тем более что время было бурное: шла весна 1905 года.

И вот однажды, ни слова не сказав Хусаину и другим старшим товарищам, Мулланур со своими юными друзьями — реалистами, гимназистами, курсистками, было среди них даже несколько студентов — решился на самостоятельную дерзкую вылазку. Вышли на улицу и шумной толпой, распевая «Марсельезу», двинулись к железнодорожному мосту через речку Казанку. Запрудили мост и стали там сплоченными рядами в ожидании поезда. И вот вдали раздался свисток паровоза, все ближе и ближе стук колес на рельсовых стыках. Грохочет летящий на полном ходу состав, все ближе и ближе нестерпимо резкий паровозный гудок. Крепко взявшись за руки, отчаянные юноши и девушки стояли на месте, смело глядя

на мчащийся прямо на них поезд. Сердце замирало от ужаса. Кто кого? У кого не выдержат нервы? У кого-нибудь из них? Или у машиниста?

Не выдержал машинист. Паровоз замедлил ход и буквально в нескольких аршинах от них остановился. С радостными возгласами молодые люди вскочили на подножки вагонов и стали кидать пассажирам заранее припасенные на этот случай прокламации.

Мулланур был счастлив. Опасная, рискованная затея удалась. Радостный, мчался он вечером на встречу с Хусаином, не сомневаясь, что учитель похвалит его, даже, может быть, поблагодарит за выдумку, за смелость, за проявленную инициативу.

— Ну спасибо тебе, дорогой! Большое дело сделал, нечего сказать! Большую услугу оказал партии!

Эти слова, которыми встретил его Хусаин, были те самые, о которых Мулланур мечтал, те самые, которые он ожидал услышать. Но тон, холодный, иронический, жесткий, не предвещал ничего хорошего. Так резко и насмешливо учитель никогда еще с ним не разговаривал.

— Разве у нас плохо вышло? — пробовал оправдываться Мулланур.

— Хуже некуда! — отрезал Хусаин.— Знаешь, к чему привела ваша детская затея? Сегодня днем в рабочей слободке была полицейская облава. Арестовано несколько наших товарищей. Вот результат вашей анархической вылазки! Запомни, друг мой: революция — не игра в кошки-мышки. Это прежде всего труд, упорный, кропотливый, повседневный труд. Главная доблесть настоящего революционера — умение ждать. Терпение, терпение и еще раз терпение. А главное — дисциплина. У всех организаций, работающих под идейным руководством РСДРП, должна быть одна, единая, согласованная тактическая линия. И никакой анархии...

Мулланур навсегда запомнил тот урок.

Как ни странно, но, получив вместо ожидаемых похвал и комплиментов эту жестокую взбучку, он не только не огорчился, но обрадовался. Казалось бы, чему радоваться? Наломал дров, подвел товарищей... Лишь потом Мулланур сообразил, что радость, оставшаяся в душе от этого сурового разговора, была вызвана словами Хусаина: «У всех организаций, работающих под руководством РСДРП...»

Вот, стало быть, как обстоит дело. Выходит, он, Мулланур, состоит в организации, работающей под руководством РСДРП!

Что ни говори, а это было все-таки признание. Настоящее признание нужности и даже важности его революционной работы.

А вскоре Мулланур, не без содействия Хусаина, стал активным членом Соединенной группы учащихся средних учебных заведений города Казани. Эта организация была уже не чета литературному кружку. В ней насчитывалось около двухсот активных членов и более четырехсот сочувствующих. Началась настоящая подпольная работа: печатали и распространяли прокламации. Отпечатали даже целую брошюру под названием «Что делать?». На обложке стояло имя автора: Н. Ленин. Но Хусаин сказал Муллануру, что это псевдоним, а настоящее имя человека, написавшего ее,— Владимир Ульянов. Так Мулланур впервые услышал имя вождя партии большевиков.

Мулланур очень переменился за это время. Во всех демонстрациях, во всех выступлениях учащихся против начальства он был заводилой. Особенно запомнился ему один случай. У шестиклассника реального училища — того самого, где учился и Мулланур,— при обыске нашли листовки. В тот же день последовал приказ директора об исключении его из училища. Мулланур — на этот раз уже не самовольно, а посоветовавшись предварительно с Хусаином,— собрал сходку учащихся. Составили ульти-

матум, в котором требовали немедленного восстановления исключенного ученика. Занятия были прекращены. Сперва в забастовке принимали участие только шестые классы, но потом к ним присоединилось все училище. Вели себя организованно: не шумели, не дурачились. На все попытки администрации урезонить строптивую «детвору» отвечали упорным молчанием или пением революционных песен.

Испугавшись неслыханного размаха, который приняло организованное выступление учащихся, директор пошел на попятную: исключенный ученик был полностью восстановлен в своих правах.

Это была настоящая победа.

А вскоре Муллапуру довелось принять участие и в более серьезном деле.

Для начальства давно уже не было секретом, что всеми организованными выступлениями рабочих и учащихся Казани руководит РСДРП. Уразумев, каким огромным авторитетом пользуются социал-демократы в рабочей среде и у передовой молодежи, полиция предприняла довольно ловкую провокацию. Были отпечатаны и стали распространяться листовки, обращенные к мусульманам. В них говорилось, что во всех бедах мусульман виноваты русские. Татарские рабочие и студенты самым недвусмысленным образом натравливались на русских рабочих и студентов. Идея не новая, и большого успеха она, вероятно, не имела бы. Но хитрость состояла в том, что под листовками этими стояла подпись: Казанский комитет РСДРП.

Эту злостную фальшивку надо было немедленно разоблачить.

Хусаин Ямашев написал текст ответной прокламации на татарском языке. В ней говорилось:

«Товарищи татары! Царские сатрапы распространяют через провокаторов гнусные листовки, натравливают татар

на русских. Эти листовки распространяются от нашего имени. Не верьте им, товарищи! Надо бороться с русским правительством, но не с русским народом. Мы всегда утверждали и утверждаем, что общего врага можно победить только в союзе с русским народом.

Рабочие, как русские, так и татары, должны слиться в одну дружную семью, потому что у них одна и та же участь. Их так же, как и нас, притесняют хозяева, так же играют на их спинах царские плети. Победа придет к нам лишь тогда, когда рабочие всех национальностей — татары, русские, евреи, армяне — поведут борьбу рука об руку. Только тогда, говорим мы, рабочие добьются счастливой жизни.

Не верьте провокаторам!

Помните: ваш враг — не русский народ, ваш враг — самодержавное царское правительство!

К счастливой жизни вы можете прийти, лишь сокрушив враждебное для вас и для русского народа царское самодержавие.

Казанский комитет РСДРП».

Как только эта прокламация была отпечатана, Хусаин вызвал Мулланура и Набиуллу и поручил им взять на себя ее распространение.

— Задание ответственное,— сказал он.— Попасться с поличным тут ничего не стоит...

— Мы не боимся! Пусть с нами делают что хотят, они от нас все равно ничего не добьются! — быстро заговорил Набиулла.

— Этого, брат, мне недостаточно. Подумаешь, герой! От них, видите ли, ничего не добьются... Мне не героизм твой нужен. Мне нужно, чтобы задание было выполнено!

— Мы выполним, не сомневайтесь,— сказал Мулланур.

— А я и не сомневаюсь. За этим вас и позвал. Только подготовиться надо как следует.

И вот они вместе разработали такую легенду. Они крестьяне, приехали из деревни в город, ищут работу.

Хусаин добыл им крестьянскую одежонку, сам придирчиво оглядел, правильно ли надели они онучи и лапти, сам вскинул на плечи каждому холщовую суму, в которую были вложены прокламации.

Поглядев на себя в зеркало, Мулланур чуть не расхохотался:

— Родная мать не узнала бы, честное слово!

В глубине души он полагал, что весь этот маскарад никому не нужен. По правде говоря, он больше рассчитывал на свою ловкость, на свои быстрые ноги, чем на онучи, лапти да холщовую суму.

Но Хусаин, как всегда, оказался прав. Придуманная им легенда великолепно помогла сбить со следа полицейских ищеек. Им даже в голову не пришло, что молодые деревенские недотепы в лаптях хоть как-то могут быть причастны к листовкам, распространяемым Казанским комитетом РСДРП. Хотя кто знает? Может быть, потом кому-нибудь из сыщиков такая мысль в голову и пришла. Но время уже было упущено. Вся партия листовок разошлась по рукам фабричных и заводских рабочих, а кое-что они припасли и для своего брата учащегося.

— А теперь вы три дня будете сидеть дома. Ясно? И носа на улицу не показывать.

— Это еще зачем? — удивился Мулланур.

— Не надо думать, что враги глупее нас с тобой. Кое-кто мог вас засечь. Чего доброго, еще опознают. Лучше отсидеться, пока их пыл не поостынет немного.

Оказалось, что и эта предосторожность Хусаина не была лишней. Повальные обыски и полицейские облавы волной прокатились в те дни по Казани. Как рассказывали, с особенным рвением полиция хватала молодых крестьянских парней, пришедших в город на поиски работы.

4

Стучат колеса на стыках рельс. Бесконечной белой пеленой стелются за окнами заснеженные поля, перелески, овраги. То ли этот мерный, убаюкивающий стук колес, то ли однообразие проплывающих мимо картин так упорно, настойчиво тянет его погружаться в пережитое, вспоминать давно-давно прошедшее... А может, просто настал в его жизни такой крутой, переломный момент, когда невольно хочется оглянуться назад, чтобы яснее представить себе, что ждет его дальше — там, за перевалом?

Как бы то ни было, воспоминания, завладевшие душой Мулланура, не отпускали. Вся его прошедшая жизнь медленно разворачивалась перед ним, как вот эта бесконечная заснеженная равнина за мутным окном вагона...

Реальное училище Мулланур закончил летом 1907 года. Надо было думать о будущем.

В таких случаях человек — Мулланур знал это по опыту многих своих друзей — чувствует себя кем-то вроде странника па распутье. Кем-то вроде сказочного богатыря на той знаменитой развилке, где прибито на столбе грозное предостережение: «Направо пойдешь — коня потеряешь, налево пойдешь — сам пропадешь, а прямо пойдешь — и сам пропадешь, и коня загубишь...»

Муллануру и впрямь было о чем подумать. Но он не очень-то был склонен к долгим, мучительным раздумьям о выборе пути. У него как-то так получилось, что все совпало: его собственное стремление, давнее тайное желание матери и дяди Исхака, советы его старшего друга и наставника Хусаина Ямашева.

По правде говоря, сперва он сомневался, одобрит ли Хусаин его желание поступить в университет. Ему казалось, что Хусаин не то чтобы воспротивится, но в глубине души не будет доволен таким выбором. Может быть, даже воспримет это желание Мулланура как чисто эго-

истическое стремление получше устроить свою судьбу... Учиться? — скажет.— А есть ли у тебя моральное право еще на целых пять лет зарыться в книги? Да именно сейчас, когда наступила пора реакции, когда революция подавлена и миллионы голодных, забитых, несчастных твоих братьев стонут под гнетом богачей, прозябают в темноте и невежестве!

Но Хусаин сказал совсем другое.

— Обязательно учиться! Во что бы то ни стало... Настоящим борцом за народное счастье может стать только образованный революционер.

И вот с 1 сентября 1907 года он студент Петербургского Политехнического института.

Институт находился на Выборгской стороне, в Сосновке. Сосновка — это, в сущности, дачное место. Такое не совсем обычное местоположение института не было простой случайностью. Витте, который в свое время был инициатором создания этого учебного заведения, сам позаботился о выборе места для него. Может быть, он выбрал Сосновку потому, что неподалеку, на берегу Финского залива, находилась его собственная дача. А может быть, лелея мысль о создании института, он загодя позаботился о том, чтобы оградить его будущих питомцев от «разлагающего влияния» рабочих и разместить его подальше от промышленных районов города.

Так или иначе, место было выбрано удачно. Здание института располагалось в чудесном парке, принадлежавшем раньше купцу Сигалу. Было оно трехэтажное, просторное, архитектурой своей напоминающее городские усадьбы XVIII века — с выдвинутыми вперед крыльями. Впрочем, ко времени поступления Мулланура институт располагал уже не одним, а несколькими корпусами. Помимо главного, где проходили занятия и лабораторные работы, был еще механический корпус со специально оборудованными учебными классами, своя элек-

тростанция, водонапорная башня, похожая на гигантскую мечеть с минаретом, и так называемый красный дом, где жили служащие института.

Мулланур сразу полюбил свою, как выражались студенты, alma mater. Вероятно, этому особенно способствовало то, что в те времена здесь еще целиком господствовал веселый дух вольности и свободолюбия. Студенты старших курсов с гордостью рассказывали новичкам, какое резкое сопротивление оказали они в феврале этого года, когда начальство, грубо попирая права студентов, провозглашенные в их уставе, вызвало наряды полиции, чтобы усмирить «бунтовщиков» и навести так называемый порядок.

Буквально с первых же дней своей новой, студенческой жизни Мулланур оказался вовлечен в водоворот бурных общественных страстей. Оказалось, что среди студентов Политехнического постоянно идет, то подспудно, то выплескиваясь наружу, выливаясь в прямые столкновения и стычки, яростная борьба. Студенты разделялись на две основные группы: группу передовой, революционно настроенной молодежи и группу так называемых «белоподкладочников» — сынков состоятельных родителей, бравирующих своими реакционно-монархическими взглядами. Была, впрочем, еще и третья группа, которую условно можно было бы назвать группой анархиствующих,— горлопаны, бузотеры, молодые люди, как правило не имеющие никаких серьезных убеждений, никаких твердых принципов, озабоченные лишь тем, чтобы ошеломить коллег крайней радикальностью своих суждений.

Особенно запомнилась Муллануру одна из таких словесных стычек; это было, когда он учился уже на втором курсе. Запомнилась, вероятно, потому, что это было первое многолюдное студенческое собрание, на котором он волею судеб оказался не только в роли слушателя, но и в роли оратора. А решился он выступить перед весьма

искушенной в дискуссиях аудиторией, потому что спор возник вокруг одной из самых больных и глубоко волнующих его проблем.

— Господа! — говорил высокий белокурый красавец в отлично сшитом сюртуке.— Я демократ до кончиков ногтей! Если хотите, это у нас в роду... Надеюсь, никто из присутствующих не числит меня в ряду поклонников жандармских мундиров и казачьих нагаек... Однако, господа,— его полные яркие губы искривились в иронической, слегка даже брезгливой усмешке,— никто не сможет убедить меня в том, что какой-нибудь киргиз, чуваш или черемис может быть уравнен в правах с законными наследниками великой русской культуры, давшей миру таких оригинальных и ярких мыслителей, как Чаадаев и граф Лев Толстой.

Раздались возмущенные голоса:

— Позор! Как вам не стыдно!

— Этакое мракобесие в XX веке!

— Господа! Господа! — оратор прижал руку к груди.— Поймите меня правильно! Я не противник демократических свобод. Отнюдь нет! Не истолкуйте мои слова так, словно я выступаю против предоставления инородцам всех гражданских прав...

— Вот те на! — послышались голоса.— А как же еще прикажете вас понимать?

— Я говорил о другом. Повторяю: я не верю, что киргиз, чуваш или черемис способен занять равное место среди той духовной элиты, к которой по праву принадлежим мы, наследники лучших русских фамилий. Как выразился поэт, «у чукчей нет Анакреона, к зырянам Тютчев не придет»! — Он театрально развел руками.— Ведь в то время, как мои предки на протяжении столетий были сенаторами, дипломатами, правоведами, философами, поэтами, их предки доили...— его яркие губы снова изогнулись в усмешке,— доили э-э-э... диких кобылиц!..

Вот тут-то Мулланур и не выдержал.

— Стыдно! — крикнул он.— Стыдно вам так говорить! — И, сам не заметив, как это вышло, вскочил на стул.

— О, Вахитов! Ну-ка дай ему жару, этому наследнику духовной элиты!

— Покажи ему, что твой мозг устроен не хуже! — раздались веселые, ободряющие голоса.

Мулланур вдруг успокоился и заговорил неторопливо, размеренно, словно лекцию читал:

— Стыдно, господа, студентам одного из лучших высших учебных заведений столицы вести полемику на таком низком интеллектуальном уровне...

Такого поворота никто не ожидал. Все были уверены, что возмущенный возглас Мулланура «Стыдно так говорить!» выражает его отношение к черносотенным идеям холеного «демократа». К резким идейным спорам тут привыкли. Но никому даже и в голову не могло прийти, что он позволит себе иронизировать по поводу «низкого интеллекта» своего оппонента.

В аудитории воцарилась мертвая тишина.

— Вы, господин демократ,— обратился Мулланур к белокурому красавцу в сюртуке,— изволили тут сослаться на известные строки Афанасия Фета: «У чукчей нет Анакреона, к вырянам Тютчев не придет». Лестно, конечно, взять себе в союзники замечательного поэта. Однако, смею вам заметить, вы совершенно неправильно поняли смысл цитируемых вами строк. Или же, что уж вовсе не делает вам чести, сознательно его извратили... Я позволю себе напомнить почтенному собранию это прекрасное стихотворение...

Отзвучали в полной тишине последние стихотворные строки. Выдержав небольшую паузу, Мулланур заговорил:

— Вдумайтесь в смысл стихотворения, господа! Поэт

явно спорит с кем-то, кто уверял, что у чукчей нет и не может быть Анакреона. Он словно бы говорит: «Бытует такое убеждение, что истинная поэзия не для разных там чукчей или зырян, подобно тому как на льдинах не могут расцвести южные растения. Однако же гляньте! Вот она, книга! Маленькая книжка, а она — томов премногих тяжелей. И это наш патент на благородство. Патент, позволяющий нам как равным войти в семью великих народов земли...» Выходит, и на льдине может расцвести лавр... Если бы вы по-настоящему поняли стихи Фета, господин демократ, вы вряд ли стали бы тут на них ссылаться. Стихи эти говорят не за вас, а против вас!

Лицо «демократа» налилось кровью; казалось, его вот-вот хватит удар.

— Как вы смеете! Да ведь я... я...— заговорил он.— Я, если хотите знать, с Афанасием Афанасьевичем Фетом в весьма близком родстве... А по боковой линии и с Тютчевым тоже...

— Что ж,— хладнокровно отпарировал Мулланур.— Это говорит лишь о том, что кровное родство с благородными предками — это еще не патент на благородство!

— Вот это отбрил! — восхищенно выкрикнул кто-то из слушателей.

Но Мулланур не собирался выпускать инициативу из своих рук.

— Так вот,— решительно продолжал он,— подлинным патентом на благородство, как мне кажется, может быть только духовное родство, духовная связь с высшими достижениями человеческой мысли, человеческой культуры. И такой патент есть у каждого народа. И у киргизов, и у чувашей, и у черемисов... Должен вам сказать, господин демократ, что в ваших историко-философских построениях нет ничего нового. Задолго до вас один философ утверждал, что есть народы, судьбы которых лежат,

так сказать, вне истории. Он, правда, говорил не о чувашах и не о черемисах, а о русском народе...

— Какая чушь! — презрительно фыркнул «демократ».

— Да, представьте себе,— улыбнулся Мулланур.— Этот философ утверждал, что у России, в отличие от Западной Европы, не было подлинной истории. Европейские народы воевали, устраивали революции, создавали парламенты и прочие государственные институты и учреждения, а в это время русские только и делали, что прозябали в своих хижинах...

— Сказать этакую чушь о русском народе мог только невежда и хам! — запальчиво выкрикнул «демократ».

— А между тем сказал это не кто иной, как Чаадаев,— развел руками Мулланур. И, пользуясь замешательством противника, спокойно продолжал: — Из возмущенной реплики вашей я могу с уверенностью заключить, что сами вы сочинений этого прославленного русского мыслителя, к сожалению, не читали...

— К-какая наглость! — «Демократ» от этой новой неожиданной атаки противника стал заикаться.

— Не обижайтесь,— улыбнулся Мулланур.— По правде говоря, я их тоже не читал. Но один коллега с исторического факультета пересказывал мне содержание чаадаевских «Философических писем». Поймите меня правильно, я заговорил о Чаадаеве вовсе не для того, чтобы щегольнуть перед вами своей эрудицией, она не так уж и велика... И не для того, чтобы упрекнуть вас в невежестве. Я хотел лишь предостеречь вас от повторения трагической ошибки Чаадаева...

Соскочив со стула, Мулланур повернулся и пошел к дверям. За ним гурьбой потянулась та часть аудитории, которая в этом резком, непримиримом споре была на его стороне. Многие горячо обнимали его, благодарили, жали руку.

Кто-то затянул песню:

Смело, друзья! Не теряйте
Бодрость в неравном бою,
Родину-мать защищайте,
Честь и свободу свою!

Молодые звонкие голоса подхватили:

Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытают огнем,
Пусть в рудники посылают,
Пусть мы все казни пройдем...

Они шли обнявшись, и мужественная, суровая песня неслась по тихим, пустынным улицам ночного города...

История эта принесла Муллануру известность. На него даже приходили поглядеть студенты других курсов. Да, прав, тысячу раз прав был Хусаин Ямашев, говоря, что, только обладая знаниями, овладев культурой, можно стать настоящим революционером. Как замечательно пригодился Муллануру его интерес к истории, его тяга к гуманитарным наукам...

Однако в той известности, которую принесла ему эта памятная словесная стычка, была и обратная сторона.

Мулланур с этой поры оказался на заметке у институтского начальства. И последствия не замедлили сказаться. Когда летом 1910 года Мулланур уехал домой, к родителям, в Казань пришла бумага из ректората института, где говорилось, что он, Мулланур Вахитов, «отчисляется за невыполнение учебного плана».

«Что за чушь! — подумал он.— Я ведь всегда был в числе успевающих!»

Вернувшись в Петербург, он без труда доказал институтскому начальству, что его учебные дела в полном порядке. На первый раз все обошлось: в ректорате на его прошении наложили резолюцию: «Принять».

Это было 28 июля 1910 года. Муллануру хорошо запомнилась эта дата, потому что как раз в тот день пришло письмо из Тетюшей от дяди Исхака. «Подарок твой получил, большое спасибо»,— писал Исхак Казаков. «Подарком» была партия социал-демократической литературы, отправленная Муллануром в помощь Тетюшскому комитету РСДРП большевиков. Литературу эту по его просьбе выделила социал-демократическая фракция института.

Мулланур тогда еще не знал, что институтское начальство тем временем послало в Казань запрос о его политической благонадежности. Однако, даже не подозревая об этом, он все-таки чувствовал, что тучи над его головой сгущаются. По совету товарищей Мулланур решил написать прошение об отчислении. Просьба его, само собой, была удовлетворена, и в мае 1911 года Мулланур навсегда расстался с Политехническим институтом, где так бурно и интересно началась его студенческая жизнь.

5

Поезд замедлил ход. Заскрипели тормоза. Вагон резко дернулся и остановился.

Мулланур выглянул в мутное окно и увидал все те же бескрайние, заснеженные поля вокруг. Мелькнул неровный свет фонаря. Показались очертания маленького станционного домика.

По проходу застучали чьи-то тяжелые сапоги. В купе, где сидел Мулланур, заглянуло усатое широкоскулое лицо с прищуренными, смешливыми, карими глазами.

— Местечка не найдется у вас? — спросил низкий добродушный голос.

— Милости прошу.— Мулланур подвинулся, давая место новому пассажиру.— Не скажете, что за станция?

— Шихран,— ответил вошедший, тяжело опускаясь на лавку рядом с Муллануром.

— Поселение, верно, чувашское? — спросил Мулланур.

— Да, чувашское.

— И сами вы, если не ошибаюсь, тоже чуваш?

— Угадали. А вы?

— Я татарин.

— Стало быть, соседи... Вы, видно, из Казани?

— Из нее, матушки.

— Я так и понял.

— А вам приходилось бывать у нас в Казани?

— И бывать, и живать.

— Уж не учились ли вы у нас?

— Нет, учился я в Симбирске. В Симбирской чувашской учительской семинарии.

— У Ивана Яковлевича Яковлева?! Знаю, знаю его. Просветитель, создатель чувашской письменности и букваря. Он ведь и открыл вашу учительскую семинарию, ставшую национальной академией целого народа.

— Да-а, из стен нашей семинарии вышли первые чувашские писатели, композиторы, художники, мыслители, правоведы. Можно сказать, возрождение культуры чувашского народа началось с открытия этой самой семинарии, которая вначале называлась просто Симбирской чувашской школой.

— Так вы учитель! Смотрите-ка! А ведь у нас с вами наверняка найдутся общие знакомые. Вы Тимкки Тайра не знали?

— Как не знать,— обрадовался чуваш.— Да ведь мы с ним вместе учились! А потом он вдруг сорвался из Симбирска и отбыл в Казань...

Тимкки Тайр был тихий, задумчивый парень, чуваш, работавший в типографии. Мулланур часто с ним виделся на тех вечерах учащейся и рабочей молодежи, которые

устраивал Хусаин Ямашев. Тимкки писал стихи на своем родном чувашском языке, печатал их в первой чувашской газете «Хыпар», и понимающие люди прочили ему славную поэтическую будущность. Но стихи его все реже и труднее проникали в печать. Причиной была их тематика. Тимкки писал о горькой, нищей жизни трудового народа. И все чаще в его лирику врывались страстные публицистические ноты, откровенные, прямые призывы к сопротивлению, бунту, революции. О том, чтобы публиковать такие стихи в легальной печати, разумеется, не могло быть и речи. И вот Тимкки стал одним из создателей тайной, подпольной типографии: с группой товарищей он решил выпускать вольную чувашскую газету. К несчастью, типография была выслежена полицейскими ищейками, Тимкки схватили и сослали в Нарымский край. Было это, дай бог памяти... да, как раз в том году, когда Мулланур кончил реальное училище. Стало быть, вот уже целых одиннадцать лет о нем ни слуху ни духу. Не иначе, погиб...

— Так вы, стало быть, знали моего друга Тимкки? — все не мог успокоиться сосед Мулланура.— Право, я так рад! Друг моего друга — мой друг...

— А вам что-нибудь известно о его судьбе? Жив ли, по крайней мере?

— Вряд ли. Был бы жив, я б что-нибудь о нем услышал. Одно могу сказать твердо: если погиб наш Тимкки, так наверняка славной смертью настоящего борца за народное дело. А скажите, не доводилось вам в Казани слышать о профессоре Никольском?

С профессором Никольским, первым профессором-чувашом, Мулланур не раз встречался, а однажды — это было уже сравнительно недавно — они с ним вдвоем даже сочинили обращение к учителям и учительницам, призывающее отстаивать политическую платформу Всероссийского Совета рабочих, солдатских и крестьянских де-

путатов. Обращение так и было напечатапо в газете «Кзыл байрак» за их двумя подписями: за председателя губернской земской управы — профессор Николай Никольский, за члена управы — Мулланур Вахитов.

Случайный спутник Мулланура очепь обрадовался, узнав, что Мулланур хорошо знает профессора Никольского и высоко ценит этого замечательного человека.

— Да, человек выдающийся,— радостно кивал оп головой.— Я читал очень интересное его исследовапие о происхождении чувашей и татар. Он считает, что оба эти народа происходят от одних корней.

— От волжских булгар?

— Да... Вам, я вижу, тоже знакома гипотеза профессора Никольского?

— Нет, признаться на эту тему мы с ним не говорили. Не пришлось. И исследование, о котором вы рассказываете, я не читал.

— Немудрено, ведь оно еще не опубликовано. Я знакомился с рукописью. Но каким же образом тогда вы...

— Видите ли,— улыбнулся Мулланур.— Когда-то, лет десять тому назад, я очень увлекался всеми этими проблемами. Однажды даже мы с друзьями предприняли поездку к развалинам города Булгар. Я беседовал там со стариками — татарами и чувашами. И меня, помнится, поразило тогда, что и те и другие считают эти развалины местом обитания своих далеких предков...

Найдя в Муллануре благодарного и заинтересованного слушателя, попутчик восторженно заговорил о чувашских народных легендах, песнях и сказаниях.

— Вам не приходило в голову, что необыкновенная близость татарского и чувашского фольклора не может быть случайной? — спросил он.

Мулланур согласился, хотя и признался, что чувашский фольклор он знает не так хорошо, как татарский.

— Взять хотя бы знаменитую легенду о птице Куп-

гош... Ее-то уж вам наверняка приходилось слышать?

Да, Мулланур, конечно, знал эту прекрасную легенду о вечном, неумирающем стремлении людей к свободе, к свету, к правде.

Давно-давно, в древние незапамятные времена, рассказывает эта легенда, люди жили в степях. Повсюду вокруг простиралась безбрежная ширь. Лишь изредка возвышался невысокий холм, а за ним опять, доколе видит глаз, степь. Бескрайняя, широкая, вольная. И немудрено, что люди, кочующие по этим степям, вольную волю ценили превыше всего на свете. Ценили даже больше, чем самую жизнь.

И жила тогда в степи птица Кунгош. Такая она была красивая, что тот, кому хоть однажды довелось ее увидеть, уж вовек не мог ее позабыть. Только о том и мечтал, чтобы еще хоть разок взглянуть на ее необыкновенные огненно-золотистые перья.

Но не только дивная красота этой чудесной птицы привлекала к ней людские сердца. Птица Кунгош обладала волшебной силой. Человек, которому посчастливилось ее увидеть, мгновенно преображался. Он становился сильнее, добрее и мужественнее, чем был. У злых сразу пропадала вся их злоба. Завистливые тотчас же забывали гнетущую и томящую их зависть. Трус становился храбрецом, потерявший надежду начинал верить в счастье. И даже самый лютый человеконенавистник, увидав хоть краешком глаза прекрасную птицу Кунгош, испытывал вдруг прилив необыкновенной любви к людям.

И вот случилось так, что прослышал об этой волшебной птице страшный одноглазый владыка по имени Черный хан. Дошло до него, что живет в степи удивительная птица Кунгош, приносящая людям счастье.

Позвал Черный хан своих свирепых слуг и приказал им:

— Скачите в степь, изловите там эту птицу, заприте

ее в железную клетку и доставьте сюда ко мне, во дворец.

Свирепые слуги Черного хана нацепили острые кривые сабли, вскочили на быстроногих коней и помчались в степь. Отыскать и изловить птицу Кунгош для них не составило никакого труда: она ведь не привыкла прятаться от людей, ей нечего было их бояться.

И вот заперли они бедняжку в железную клетку и повезли ее во дворец. Напрасно просили их вольные люди, живущие в степи:

— Отпустите Кунгош! Не троньте ее. Она зачахнет в неволе!

Слуги Черного хана были неумолимы. Они покорно исполнили волю своего властелина. И повелел хан всем покинуть его ханские палаты, чтобы ни один человек, кроме него, не мог наслаждаться созерцанием божественной красоты. И, оставшись один, откинул хан покрывало с железной клетки, предвкушая, как засияет сейчас перед ним всеми цветами радуги сказочное оперение волшебной птицы.

Но птица Кунгош, попав в неволю, утратила волшебный свой блеск. Яркие краски ее поблекли, потускнели. Невзрачная серенькая птичка сидела в железной клетке перед ханом, грустно склонив головку, уныло опустив крылья.

«Что за глупые люди! — гневно воскликнул хан.— До чего же падки они на ложь, до чего любят всякие небылицы! Вот это чучело, стало быть, и есть та самая птица Кунгош, о которой слышал я столько сказок? Да ведь на свете тьма-тьмущая птиц, которые во сто крат красивее этой жалкой пичужки!»

Хлопнув в ладоши, хан позвал своих верных слуг и приказал им унести железную клетку вместе со злополучной птицей. Но едва только слуги хана приблизились к клетке, луч солнца коснулся птицы Кунгош, и птица запела. Слуги растерянно замерли на месте. А птица в

клетке вдруг встрепенулась, взмахнула крыльями и... на глазах изумленного хана и его свирепых слуг превратилась в ярко горящее пламя. Языки огня, охватив железные прутья клетки, затрепетали, скользнули вверх и исчезли, растворились в небе.

«Пропала птица! — подумал хан.— Ну и ладно... Так тому и быть. Немного было от нее проку».

Но Кунгош не пропала. Утром следующего дня как ни в чем не бывало появилась она в степи, сверкая белоснежным оперением. А как только занялась заря и выглянуло солнышко, белые перья ее засветились прежним, золотисто-огненным сиянием.

Много раз с той поры слуги Черного хана ловили волшебную птицу Кунгош, запирали ее в железную клетку и приносили во дворец. Все более прочными и непроницаемыми делали они стены клетки, все более сложными и хитроумными запирали ее засовами. Но всякий раз птица превращалась в огонь, ярким пламенем уносилась в небо, а наутро появлялась в степи — такая же прекрасная, как прежде...

— Удивительная легенда! — сказал Муллапур.— В ней выразилась вековая мечта народа о свободе, о бессмертии народной души, которой не страшны никакие стальные засовы, никакие железные клетки. Будь моя воля, я изобразил бы птицу Кунгош на нашем знамени, сделал бы ее символом нашей революции...

— Это вы хорошо сказали,— задумчиво проговорил попутчик Мулланура.— Птица Кунгош — символ революции... Да, лучше не скажешь...

Поезд замедлил ход, как видно приближаясь к станции.

— Мне очень жаль,— сказал попутчик,— но я, к сожалению, должен вас покинуть. Мне здесь выходить. Чрезвычайно рад был познакомиться. Надо бы сделать это раньше, но лучше поздно, чем никогда... Позвольте представиться: меня зовут Пиктемир Марда...

Он протянул Муллануру руку.

— Я тоже очень рад нашей неожиданной встрече,— тепло сказал Мулланур.

— Как говорится, гора с горой не сходится, а человек с человеком... Кто знает, быть может, мы еще с вами как-нибудь и продолжим нашу интереснейшую беседу...

— Будем надеяться,— улыбнулся Мулланур и крепко пожал протянутую руку.

Попутчик ушел. Мулланур откинул голову и прикрыл глаза. Разговор со случайным попутчиком придал его мыслям несколько иное направление. «Кто знает,— с чувством внезапного острого сожаления подумал он,— может быть, я совершил великую ошибку, отказавшись от своей детской мечты стать историком. К тому же ведь инженером я все равно так и не стал...»

Да, инженером он не стал. Политехнический институт ему пришлось оставить навсегда. Он решил поступить в Психоневрологический институт. Добился даже свидания с самим профессором Бехтеревым.

Институт этот в ту пору славился как одно из самых передовых учебных заведений столицы. А возглавляющий его знаменитый профессор был известен помимо своих выдающихся научных заслуг еще и тем, что мужественно и решительно ограждал своих студентов от любых посягательств полиции и жандармов. Во многом именно благодаря Бехтереву Психоневрологический институт приобрел заслуженную славу чуть ли не последнего оазиса студенческой независимости и свободы.

Так Мулланур снова стал студентом первого курса.

Это обстоятельство его ничуть не обескуражило. Вольный дух его новой alma mater пришелся ему по душе. На этот раз он еще быстрее приспособился к незнакомой обстановке. И учение давалось ему легко. Пожалуй, легче, чем в Политехническом. Если что его и беспокоило, так разве только высокая плата за обучение. Сто рублей в год — это было для него немало.

Первые годы он еще как-то перебивался, хотя то и дело приходилось просить об отсрочке. Жил скудно. Ютился сперва на частной квартире, потом в дешевых номерах гостиницы «Болгар». Но и самая строгая экономия не спасала: денег все равно не хватало. Как-то летом он даже нанялся инженером в изыскательскую партию, отправляющуюся в его родные места, на Каму. Но и эта отчаянная попытка сняться с финансовой мели не помогла. За четвертый курс он так-таки и не смог уплатить очередной взнос. Пришлось ему в 1916 году покинуть и этот институт...

Неужто так и суждено ему остаться недоучкой?

«А попади я на исторический факультет, займись своим любимым делом, так уж ни за что не остановился бы на половине пути»,— снова с невольной грустью подумал он. Но тут вдруг эта привычная мысль сделала совершенно неожиданный поворот.

На губах Мулланура появилась озорная, чуть хитроватая усмешка.

«В конце концов,— подумал он,— творить историю, пожалуй, даже интереснее, чем ее изучать. Так что, может быть, я вовсе и не изменил своему истинному призванию».

...Припомнилось самое незабываемое — вооруженное восстание в Казани, установление в городе Советской власти.

Он хорошо помнит тот день...

К 25 октября были приведены в боевую готовность все части гарнизона, поддерживающие большевиков, и отряды Красной гвардии. Контрреволюция всеми силами пыталась противостоять революционному городу: в Казани начались аресты большевиков, обстрелы воинских гарнизонов.

Днем 25 октября артиллеристы, расположившиеся на Арском поле, открыли огонь по контрреволюционным

частям. Одновременно пошли в наступление отряды Красной гвардии. Юнкера вынуждены были отступить. Не помогли даже броневики, высланные им на помощь.

Вооруженное восстание в Казани закончилось почти бескровно. В этом была большая заслуга казанских большевиков и Мусульманского социалистического комитета, возглавляемого Вахитовым.

И когда над кремлем взвился красный флаг, крики «ур-ра!» сотрясали его древние стены.

Ольказицкий, взобравшись на насыпь, едва успокоил людей и зачитал телеграмму, только что полученную из Петрограда. До сих пор помнит Мулланур ее текст: революция победила, Временное правительство низложено, вся власть перешла в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов...

Начиналась новая страница истории...

ГЛАВА III

1

Поезда давно уже ходили не по расписанию, и состав, в котором ехал Мулланур, прибыл в Петроград с опозданием на целые сутки.

Выйдя на перрон, Мулланур растерянно огляпулся: суета, шум, многолюдье. Но лица у людей были совсем не праздничные. У одних — растерянные, озабоченные, даже хмурые. У иных — просто равнодушные. Кое-где, правда, мелькали улыбки, звучал смех. Но — ни красных флагов, ни плакатов...

Да, на праздник не похоже. А ведь этого дня Россия ждала много лет. Впрочем, не этого, а вчерашнего. Открытие Учредительного собрания было назначено на 5 января, а нынче уже 6-е... И все-таки странно. Уж не случилось ли что-нибудь?

Неожиданно кто-то хлопнул его по плечу. Мулланур оглянулся, думая, что его по ошибке приняли за кого-то другого. И сразу кинулась ему в глаза знакомая белозубая улыбка, знакомые оспины на смуглом скуластом лице, знакомые узкие карие глаза.

— Шариф! — радостно крикнул он.— Вот молодчина! Как хорошо, что ты меня встретил.

Это был Шариф Манатов, молодой башкир, давний друг Мулланура, как и он, тоже депутат Учредительного собрания.

Мулланур решил, что Шариф, приехавший в Петроград заранее, специально примчался на вокзал, чтобы встретить его, опоздавшего, и ввести в курс дела.

Но оказалось, что Манатов и сам только что вышел из вагона: оренбургский поезд, как и казанский, тоже опоздал на сутки.

Они вместе покинули перрон и вышли на привокзальную площадь. Здесь тоже было неспокойно. Народу было много, но держались люди как-то странно: не единой, слитной толпой, как бывало обычно во время митингов и других народных сборищ, а небольшими отдельными группами.

Мулланур и Шариф подошли к одной из таких групп и постарались протиснуться в самую ее гущу, туда, откуда доносился голос человека, громко что-то выкрикивавшего.

— Зря удивляетесь, господа! — услышали они.— Другого от этих бандитов нечего было и ожидать!

— Как ты сказал? А ну повтори! — Невысокий коренастый матрос рванулся к говорившему и взял его сильной, мускулистой рукой за грудь.

— Погоди, дорогой! — положил ему руку на плечо Мулланур.— Еще успеешь подраться. Объясни лучше, что тут у вас происходит?

— А ты кто такой? — обернулся к нему матрос.

— Мы депутаты Учредительного собрания,— вмешался, улыбаясь своей белозубой улыбкой, Шариф.— Только что с поезда...

— Ах, депута-аты,— насмешливо протянул матрос.— Опоздали, господа хорошие!

— Да, мы опоздали к открытию,— сказал Мулланур.— Но все же...

— Не к открытию, а вообще опоздали. Совсем. Ясно? Нет больше вашего Учредительного собрания. Было, да сплыло... Тю-тю. Амба!

— Что за глупые шутки! — возмутился Мулланур.

— К сожалению, гражданин депутат, это не шутка, а грустная истина,— обернулся к Муллануру высокий, худой господин в тяжелой шубе с бобровым воротником и в такой же бобровой шапке. Он неторопливо расстегнул шубу, достал ослепительно белый носовой платок и, сняв очки в тонкой золотой оправе, стал медленно протирать стекла, запотевшие от мороза. Или от слез? Да, пожалуй, от слез.

— Учредительное собрание, открытия которого с надеждой ждала вся Россия, разогнано! — с рыданием в голосе торжественно объявил он.

— Какая чушь! — воскликнул Шариф.

— Как разогнано? Кем? — перебил его Мулланур.

— Большевиками.

Сразу стало так тихо, что у Мулланура даже зазвенело в ушах. Впрочем, может быть, это ему показалось...

Смысл сказанного не сразу дошел до его сознания. Но вскоре шоковое состояние прошло, и мысль заработала с прежней четкостью. Вот оно, значит, как обернулось дело! Ну что ж, в конце концов этого надо было ожидать. Страна необъятная, сколько в России еще глухих, темных мест. Многие простые люди только-только пробудились от вековой спячки. Политического опыта у них никакого. Выборы в Учредительное собрание прохо-

дили в тревожной, неспокойной обстановке. Немудрено, что среди депутатов оказалось множество краснобаев, либеральных болтунов, единственным политическим капиталом которых было традиционное адвокатское красноречие. Немало, вероятно, проникло туда и представителей правых партий, скажем кадетов.

Мулланур и раньше отдавал себе отчет в том, что Учредительное собрание вряд ли будет проходить гладко. Он прекрасно понимал, что всем настоящим революционерам, пекущимся об интересах простого, трудящегося народа, предстоит тяжелая, упорная борьба с представителями правых партий и их приспешниками. Но он все-таки не сомневался, что дело народа победит. Правые поговорят, погалдят да и отступят: вынуждены будут признать, что самой надежной и твердой силой в стране, последовательно отстаивающей интересы рабочих и крестьян, являются большевики.

— Разогнали, говорите? — медленно проговорил он.— Что ж, стало быть, поделом.

— Туда ему и дорога! — беспечно улыбнулся Шариф.

— Верно говоришь, братишка! Туда ему и дорога! — поддержал Шарифа матрос.

Увлеченный разговором, он невольно ослабил свою железную хватку, и человек, схваченный его мощной короткопалой рукой, снова оживился.

— Господа! — завизжал он.— Да неужто вы сразу не поняли, кто это такие? Ведь это же большевистские прихвостни! Или на худой конец левые эсеры! Все они одной миррой мазаны! Одного поля ягоды...

— Что ты сказал? Ну-ка повтори, что ты сказал! — снова обернулся к нему матрос.

— Ну, ну, полегче! — Два дюжих молодца зажали матроса в клещи и стали медленно оттеснять от оратора. Но на помощь матросу уже протискивался сквозь толпу солдат-пехотинец в шинели и серой смушковой папахе.

Стало ясно, что теперь уж драки не миновать. Воспользовавшись суматохой, оратор, кричавший про бандитов-большевиков, улизнул. Ушел и высокий господин в шубе, сообщивший Муллануру о разгоне Учредительного собрания.

— Пойдем-ка, брат, отсюда и мы,— сказал Мулланур Шарифу.— Я думаю, у нас сейчас найдутся дела поважнее уличной потасовки.

— Куда же мы? В Таврический дворец? — спросил Шариф.

— Да нет, если это правда, что Учредительное собрание разогнано, в Таврическом нам делать нечего. Я думаю, в Смольный...

2

Мулланур хорошо знал это изящное здание, построенное Кваренги. В бытность свою студентом он часто им любовался, как, впрочем, и другими изумительными творениями зодчих Петрограда.

Но нынче Смольный выглядел не так, как в те далекие мирные времена.

Решетчатые ворота распахнуты настежь, напротив них дежурил броневик. Вокруг здания нагромождены штабеля дров,— очевидно, предполагалось, что в случае вооруженного нападения они будут служить укрытием. Снизу, у колоннады, темнели стволы двух шестидюймовых орудий. Тут же разместилось несколько пулеметных расчетов.

Часовой с красной повязкой на рукаве преградил им путь:

— Пропуск!

Он долго разглядывал их депутатские мандаты, медленно шевеля губами, словно читал по складам. Наконец церемония проверки была закончена, винтовка, прегра-

дающая вход, отведена в сторону, приклад тяжело клацнул о каменный пол.

— Проходите!

Трудно было даже вообразить, что совсем недавно по этим длинным гулким коридорам важно плыли классные дамы и робко приседали в почтительных книксенах чинные смолянки — воспитанницы Института благородных девиц.

Рябило в глазах от серых солдатских шинелей, черных матросских бушлатов, перепоясанных пулеметными лентами, красных нарукавных повязок. Из комнат доносился треск «ундервудов». Плотное облако сизого махорочного дыма висело в воздухе.

Потолкавшись в коридорах Смольного, Мулланур и Шариф вскоре увидели, что впечатление хаоса и беспорядка было обманчиво. В этой вроде бы беспорядочной сутолоке царила жесткая и строгая система. Приглядевшись, можно было увидеть, что все эти люди не просто суетятся без толку, а уверенно спешат куда-то по своим, хорошо им известным и, как видно, неотложным делам. Праздных зевак здесь не было. Лица выражали озабоченность и целеустремленность.

Казалось, только они двое в этом людском потоке растерянно плывут наугад, не зная, к какому берегу им надо причалить.

— Стой! Погоди! — окликнул Мулланура Шариф.— Так ведь и заблудиться недолго. Давай спросим у когонибудь... Хотя что спрашивать-то? Мы ведь даже толком не знаем, что нам нужно...

— Нам нужно найти Ленина,— сказал Мулланур.

— Скажешь тоже...— засмеялся Шариф.— Других забот у него нету, как с нами разговаривать.

Он подумал было, что его друг шутит. Но Мулланур и не думал шутить. Еще там, на вокзальной площади, предложив идти прямо в Смольный, он принял твердое

решение во что бы то ни стало встретиться с Лениным. В Смольном это его решение, правда, слегка поколебалось: он вдруг на миг ощутил себя крохотной песчинкой в стремительном вихре. Но беспомощное лицо Шарифа, его растерянность вернули ему прежнюю уверенность в безусловной правильности принятого решения.

— Пошли, пошли,— дружески подтолкнул он Шарифа, словно и впрямь знал, куда идти.

— Может, сперва поедим чего-нибудь? — робко предложил Шариф.— Со вчерашнего вечера ведь во рту и маковой росинки не было...

У него было такое жалкое, страдальческое лицо, что Муллануш невольно расхохотался. Однако Шариф был прав: Мулланур вдруг и сам ощутил волчий аппетит.

— Ладно,— сказал он. — Будь по-твоему. На сытый желудок и голова лучше работает... Эй, братишка! — окликнул он пробегавшего мимо матроса.— Где тут у вас поесть можно?

Матрос на бегу махнул рукой в сторону лестницы, ведущей куда-то вниз. Мулланур с Шарифом спустились по ней и очутились в помещении, где раньше, судя по всему, размещался обслуживающий персонал Института благородных девиц. Теперь тут была столовая: во всю длину зала установлены длинные столы, покрытые клеенкой, в стене устроено окно для выдачи пищи. Дверь столовой все время открывалась и со стуком захлопывалась, в воздухе пахло капустой и ржаным хлебом.

— Может, нас здесь еще и не покормят? — усомнился Мулланур.

— Поко-ормят,— уверенно ответил Шариф. Запах еды мгновенно вернул ему всю его прежнюю бодрость и энергию. Уверенно кинувшись к окошку, он быстро все разузнал и радостно доложил Муллануру: — Это из какого-то полка привезли походную кухню. Кормят всех. Обед стоит три рубля.

— Ну, это нам по карману,— сказал Мулланур.

Сунув в окошко две мятые зеленые трешки, они взяли причитавшуюся им еду. Обед был незатейлив. Он состоял из щей, каши и солидного ломтя свежего ржаного хлеба. Зато сервировка была более чем затейлива. Были тут и миски, и тарелки, и солдатские котелки, и глина, и фаянс, и жесть, и фарфор. Напротив Мулланура сидел конопатый солдатик и степенно хлебал серебряной ложкой щи из грубой глиняной миски. А матрос рядом с ним деревянной ложкой уписывал свою порцию каши из тонкой, изящной тарелки какого-то старинного и, видно, очень ценного фарфора.

— Проголодались, товарищ? — услышал вдруг Мулланур.

Не сразу сообразив, что вопрос обращен к нему, Мулланур медленно поднял голову от своей тарелки. На него, весело прищурившись, глядели удивительно молодые и смешливые глаза.

— Советую вам взять еще одну порцию. Возьмите, возьмите, не стесняйтесь! — настойчиво посоветовал обладатель веселых глаз. И тут Мулланур увидел, что он не так уж молод, как сперва показалось. Однако и не стар. Лысина? Но лысеют, бывает, и смолоду. Бородка? Тоже не признак старости. Разве только эти густые темные тени под глазами. Но это скорее следы усталости, быть может, бессонных ночей. Хотя, с другой стороны, усталым он тоже не выглядит. От плотной фигуры веет спокойствием и силой. А глаза так и светятся острым интересом ко всему окружающему, живым, неиссякаемым любопытством.

Мулланур обратил внимание, что тарелка, стоящая перед его собеседником, отодвинута в сторону, а на ее месте лежат листочки мелко нарезанной бумаги, на которых он быстро что-то записывает. Но вот и листки бумаги отодвинуты в сторону. Собеседник всем корпусом повернулся к Муллануру.

— Издалека приехали? — прозвучал новый вопрос.

— Из Казани,— ответил Мулланур. — Я из Казани,— повторил он, — а товарищ мой из Оренбурга.

— Ну и как встретил вас Питер?

Почувствовав, что тут не просто праздное любопытство, Мулланур задумался. В двух словах разве расскажешь?

— Как обухом по голове,— улыбнулся он. — Ехали на открытие Учредительного собрания. Депутаты мы. А приехали и...

Он не договорил.

— И узнали, что Учредительного собрания больше нет? — весело перебил его собеседник. — Очень интересно! Очень... А как вы узнали о разгоне Учредительного собрания? Когда?

— На вокзале. Как только сошли с поезда, так сразу и узнали,— вмешался Шариф.

— От кого? Выкладывайте, пожалуйста, все подробности. Это ведь очень интересно.

— Нам сказал об этом один матрос,— стал вспоминать Мулланур.

— Да? И как же он вам это сообщил? В каких выражениях? — не унимался сосед по столу.

— Он сказал: «Опоздали, господа хорошие!.. Тю-тю... Амба!.. Нету,— говорит,— больше никакого Учредительного собрания. Было да сплыло!»

— Замечательно! Так и сказал?.. Просто великолепно!.. Спасибо вам, большое спасибо. Мы с вами еще увидимся. Непременно увидимся! А вторую порцию каши все-таки возьмите. Очень рекомендую!

Он встал, пожал Муллануру и Шарифу руки и, спрятав свои листочки в карман пиджака, быстро пошел к выходу.

Друзья, посмеявшись, решили последовать совету своего собеседника и умяли еще по порции каши.

— Ну как? — спросил Муллануp, когда с кашей было наконец покончено. — Теперь, я надеюсь, ты сыт?

Шариф провел пальцем по горлу, показывая, что наелся до отвала.

— Тогда пошли. Нам надо во что бы то ни стало найти Ленина.

И вот они снова идут все по тому же бесконечному коридору. Но теперь на их лицах совсем иное выражение — упрямое, целеустремленное, такое же, как у всех этих людей, снующих по коридорам Смольного. Они уже не растерявшиеся зрители в этом стремительном людском потоке. У них, как у всех, теперь своя цель, свое дело.

Внезапно распахнулась высокая белая дверь, и из комнаты, откуда доносился особенно громкий треск «ундервудов», быстрым, упругим шагом вышел черноволосый смуглый человек в кожанке. Неловко повернувшись, он больно толкнул Мулланура локтем в грудь.

— Виноват,— пробормотал он привычной скороговоркой и хотел было уже двинуться дальше, но что-то заставило его придержать шаг.

— Муллануp! Ты?! — крикнул он, все еще не веря своим глазам.

— Галимзян! — обрадовался Муллануp.

— Ибрагимов! Вот это удача! Вот это повезло, так повезло! — заулыбался Шариф. — Хоть одну родную душу встретили.

Галимзян Ибрагимов был депутатом Учредительного собрания от Уфимской губернии. Муллануp хорошо знал этого энергичного, живого, смелого человека. Он был левым эсером, и они, бывало, частенько спорили, резко расходясь друг с другом по важнейшим вопросам революционной тактики. Но сейчас они обрадовались ему, как родному.

— Это замечательно, что вы все-таки приехали,— сказал Галимзян после первых объятий.

— Замечательно? — удивился Шариф. — Да что ж тут замечательного? Знали бы, что так будет, сидели бы дома.

— Нет, Шариф, дорогой. Очень хорошо, что вы здесь, — покачал головой Ибрагимов.— Ты даже не представляешь себе, как здесь сейчас нужны такие люди, как вы.

Без долгих разговоров он затащил их обоих в комнату, из которой только что вышел. Там тоже было полно народу, но все-таки не так людно, как в коридоре. Примостившись на подоконнике, они наперебой заговорили о том, что их волновало больше всего,— о событиях вчерашнего дня.

— Наконец-то мы все узна́ем из первых рук,— сказал Мулланур. — Ведь ты был там?

— От начала и до конца. То есть почти до самого конца. Вот этими глазами все видел...

— Ну тогда рассказывай скорее, пока не улетучилось из памяти.

— Такое не улетучится. Пока жив, каждую подробность помнить буду...

— Ладно, не томи. Рассказывай!

— Вчера,— начал Галимзян,— с самого утра чувствовалось, что в воздухе, как говорится, пахнет грозой. Собственно, началось это даже накануне, позавчера вечером. На Невском только и слышалось: «Завтра...», «Ну, слава тебе господи!..», «Конец Совдепии!» Наутро все буржуазные газеты вышли с шапкой: «Вся власть Учредительному собранию!» На улицах, прилегающих к Таврическому, толпились какие-то щеголеватые молодые люди — похоже, что переодетые в штатское офицеры. У многих из них в руках были свернутые знамена, изредка красные, но в большинстве белые. И опять отовсюду неслось: «Конец Совдепии! Конец большевикам!»

— А почему они вдруг так оживились? Я не понимаю,— удивленно спросил Шариф.

— Что ж тут непонятного? — поморщился Ибраги-

мов. — Большинство ведь получили правые эсеры... Ну вот все и решили, что власть большевиков, что называется, дышит на ладан... Ты бы поглядел, как они появились в зале...

— Кто?

— Эсеры. Вошли как хозяева. Шумною толпой расселись на правых скамьях. Правее них расположилось лишь несколько кадетов. А слева — фракция меньшевиков. За ними уселись левые эсеры, а уж потом, последними, вошли большевики. Они заняли крайнюю левую часть зала. Представляете? Зал построен амфитеатром, так что весь расклад сразу стал ясен, ну прямо как на ладони. У меня дух захватило: ну, думаю, сейчас начнется. И началось... На правых скамьях вскочил эсер Лордкипанидзе и выкрикнул, что от имени правых эсеров он предлагает, чтобы Учредительное собрание открыл старейший из депутатов...

— Это кто же? — не выдержал Шариф.

— Швецов. Правый эсер, конечно. Грузный, седой, он взобрался на председательское место... Ну, что тут началось... Слева стали топать ногами, кричать: «Долой! Самозванец!» Справа кричат: «Позор! Как вы смеете! Дайте ему говорить!» Швецов схватил колокольчик и отчаянно трезвонил, призывая собрание к порядку. Вдруг вижу — по ступенькам, ведущим к председательскому месту, поднимается Яков Михайлович Свердлов. Спокойно так поднимается, ровным, будничным шагом, словно не беспуется перед ним тысячная толпа. Подходит он к Швецову, спокойно эдак вот,— Галимзян показал,— отодвигает его плечом и... Ох, друзья мои! В жизни своей не слыхал я такого голоса! С виду он такой субтильный. И роста не слишком высокого, и сложения скорее хрупкого. Одним словом, не богатырь. А голосище... Ну прямо труба архангела, да и только... «Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депута-

тов поручил мне открыть Учредительное собрание...» — спокойно сказал он. Даже вроде и не так уж громко сказал. Но как только раздался под сводами этот гулкий бас, сразу в зале стало тихо...

— И эсеры замолчали? — спросил Муллануp.

— Ну, не сразу, конечно. Правые скамьи еще бесновались некоторое время, пытались согнать Свердлова с трибуны. Но не тут-то было... Спокойно, размеренно, все тем же громовым своим голосом предложил он Учредительному собранию принять декларацию, которая объявляла Россию Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, учреждаемой на основе свободного союза свободных наций... Земля отбирается у помещиков и без выкупа передается крестьянам, говорилось в этой декларации. Банки передаются государству. На фабриках и заводах вводится рабочий контроль. Советское правительство разрывает тайные договоры и во что бы то ни стало добивается справедливого демократического мира. «Если Учредительное собрание правильно выражает интересы народа,— закончил свою речь Свердлов,— оно присоединится к этой декларации. Объявляю Учредительное собрание открытым и предлагаю выбрать председателя...»

— Кого же выбрали председателем? — снова не выдержал нетерпеливый Шариф.

— Ну, тут опять шум поднялся. Снова вскочил все тот же Лордкипанидзе и потребовал, чтобы председателем выбрали Виктора Чернова.

— Лидера правых эсеров?

— Ну да... Пошумели-пошумели и стали голосовать. Голосовали шарами. Наконец Яков Михайлович объявил результаты: большинство голосов получил Чернов. «Прошу занять место»,— спокойно сказал Свердлов, и вот Чернов взобрался на председательскую кафедру и начал свою речь.

— И что же он говорил?

— Говорил он около трех часов, так что пересказать вам его речь подробно я не берусь. Могу только сказать, что за эти три часа он ни словом не обмолвился о той декларации, которую вынес на обсуждение товарищ Свердлов.

— Интересно! — сказал Мулланур. — О чем же все-таки он тогда говорил?

— Ну обо всем на свете. О своей партии, например. О том, как она свято блюла всегда интересы трудового народа.

— А что же они не вывели страну из войны? Не отдали крестьянам землю? Даже попытки такой не сделали! — возмутился Шариф.

— Погоди, дай все-таки досказать. Что дальше-то было? — прервал его Мулланур.

— Когда поток черновского красноречия наконец иссяк,— продолжал рассказ Галимзян,— был поставлен вопрос: намерено Учредительное собрание принять Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа или же не намерено?.. Намерено оно принять декреты Советской власти? Декрет о мире? Декрет о земле? Ну а поскольку такого намерения выражено не было, фракция большевиков заявила, что она покидает Учредительное собрание. Потом за большевиками ушли и левые эсеры, а за ними — левая группа фракции мусульман.

— И ты, значит, тоже ушел? — спросил Мулланур.

— Конечно!

— И что было дальше, уже не видел?

— О том, что было дальше, мне рассказал мой товарищ.

— Из правых, что ли? Из тех, кто остался?

— Нет, он не из правых. Просто он не депутат, пришел по гостевому билету, сидел не в зале, а на хорах. Ну и решил доглядеть весь спектакль до конца.

— Ну, ну, и что же он рассказал?

— Опять начались речи. После Чернова слово взял Церетели, после Церетели еще кто-то. Пробило полночь. Час ночи, два часа, три, четыре, а они все говорят, говорят, говорят... Но вот за спиной у Чернова появился матрос. «Караул устал,— сказал он.— Предлагаю всем присутствующим покинуть зал заседаний!» — «Кто вы такой?» — спросил Чернов. «Я,— ответил он,— начальник караула Таврического дворца». Чернов с пафосом произнес: «Учредительное собрание разойдется только в том случае, если будет применена сила. Только через наши трупы!..» Но тут начал медленно гаснуть свет. Сначала погасли боковые лампы, потом стала меркнуть и центральная люстра. Зал погрузился в темноту. Во мраке еще некоторое время звучал голос Чернова. «Мы обратимся к цивилизованному миру!» — кричал он. Но всем уже было ясно, что это конец...

— Поделом этим историческим мертвецам,— подытожил рассказ Галимзяна Мулланур.— Ну их к черту, забудем про них.

— Вот те на! — усмехнулся Ибрагимов.— Стоило мне так стараться...

— Ты меня неправильно понял, Галимзян. Ты замечательно нам все рассказал. Огромное тебе спасибо! Но сейчас, как я понимаю, это все уже вчерашний день нашей революции... Скажи, что ты теперь делаешь здесь, в Смольном?

— Ищу соратников,— улыбнулся Ибрагимов.

— Ну что ж, считай, что двоих уже нашел,— сказал Мулланур.

— Я в этом не сомневался. Потому и обрадовался, что вы приехали. Вчера вечером группа депутатов-мусульман имела разговор с наркомом по делам национальностей. Наркомнац сказал, что нам надо подумать об организации центрального мусульманского учреждения. Идея эта принадлежит товарищу Ленину...

— Ну, ну? И что ты ответил?
— Сказал, что я целиком за это предложение.
— А остальные?
— То-то и беда, что остальные депутаты-мусульмане меня не поддержали. Мекали, бекали, а потом прямо объявили, что не хотят быть марионетками в руках большевиков.
— Ну конечно,— жестко усмехнулся Мулланур.— Они предпочитают быть марионетками в руках туктаровых.
— Вот-вот!.. Но, как бы то ни было, вчера я остался в полном одиночестве. Сегодня нас, правда, уже трое...
— И что же ты думаешь делать? — спросил Мулланур.— Идея-то хорошая, да как ее осуществить? Вернее, с какого конца нам за это дело взяться?
— Я думаю, прежде всего надо найти человека, которому трудящиеся мусульмане будут верить безоговорочно, безраздельно. Возглавить центральное учреждение, которое сосредоточит в своих руках дела всех трудящихся мусульман, может только тот, кто пользуется настоящим авторитетом...
— Да, такого человека найти будет нелегко,— задумчиво сказал Мулланур.
— Ты думаешь? — лукаво улыбнулся Ибрагимов.— А мы тут, представь, такого человека уже нашли.
— В самом деле? Кого же?
— Тебя.
— Меня?! — Мулланур от волнения соскочил с подоконника.
— Да, Мулланур. Поверь, дорогой, лучше тебя никто с этим не справится. А за тобой без колебания пойдут все трудящиеся мусульмане.
— Верно говоришь, Галимзян,— поддержал Шариф.— Я тоже считаю, что во главе такого дела должен стоять Мулланур Вахитов.
— Ну вот, я рад, что моя идея нашла поддержку.

6 Заказ 633

Ведь это я вчера предложил твою кандидатуру... Сейчас мы это окончательно уладим. Пошли!

— Куда? — не понял Мулланур.

— К Ленину!

Мулланур почувствовал, что сердце его бешено забилось.

Странное дело! Еще секунду назад он мечтал как можно скорее встретиться с Лениным. А сейчас, когда эта встреча вдруг стала такой реальной, он неожиданно заколебался.

— А это удобно? — неуверенно спросил он.

— Мало сказать — удобно. Это совершенно необходимо,— решительно ответил Ибрагимов и, не слушая никаких возражений, двинулся вперед.

Они поднялись по белой мраморной лестнице на другой этаж, долго шли по такому же широкому и светлому, но уже не такому людному коридору и остановились перед высокой белой двустворчатой дверью.

Ибрагимов уверенно повернул фигурную бронзовую ручку и исчез за дверью. Мулланур и Шариф остались в коридоре. Но вот дверь распахнулась, и Ибрагимов сделал приглашающий жест рукой:

— Прошу!

Мулланур с бьющимся сердцем переступил порог и быстро огляделся, стараясь найти глазами товарища Ленина. Но это была еще только приемная. Два обыкновенных канцелярских стола, два стула. За одним столом сидела немолодая женщина с усталым, изможденным лицом и быстро печатала что-то на пишущей машинке. За другим расположился молодой блондин в гимнастерке. Но он быстро встал и, кивнув им, исчез за другой, внутренней дверью. Мулланур успел заметить, что в широком трехстворчатом окне установлен пулемет «максим». Рядом с пулеметом примостился невысокий коренастый солдат. Он равнодушно оглядел вошедших и, отвернувшись от

них, стал внимательно глядеть туда, куда глядел ствол его пулемета, то есть на улицу.

Опять отворилась внутренняя дверь, и блондин в гимнастерке сказал:

— Пожалуйста, товарищи. Владимир Ильич ждет вас. «Как, однако, быстро сбываются мои желания,— подумал Мулланур.— Прямо как в сказке».

— Владимир Ильич,— услышал он голос Ибрагимова.— Позвольте представить вам депутатов Учредительного собрания. Товарищ Вахитов, депутат от Казанской губернии. Товарищ Манатов, депутат от Оренбургской...

Человек, сидевший за столом и быстро что-то писавший на маленьких листках бумаги, поднял голову.

— Если не ошибаюсь, я с этими товарищами уже знаком,— услыхал Вахитов удивительно знакомый голос.

И тут он вдруг понял, что навстречу ему с протянутой рукой идет их давешний сосед по столу, тот самый, который с таким любопытством расспрашивал их, кто они такие, откуда приехали и как встретил их Питер.

— Здравствуйте, товарищи! Рад вас приветствовать. Я ведь предупреждал, что мы с вами еще непременно встретимся... Как, вы говорите, он сказал: «Опоздали, господа хорошие!.. Тю-тю!.. Амба!» — И, повернувшись к Ибрагимову, он объяснил: — Это им сегодня на вокзале один матрос в такой своеобразной форме сообщил о разгоне Учредительного собрания...

— «Нету,— говорит,— больше вашего Учредительного собрания. Было да сплыло»,— вспомнил еще раз Мулланур слова матроса.

— Вы, стало быть, считаете, что мы правильно сделали, что разогнали «Учредилку»? — спросил Ленин.

— У нас сейчас как раз был разговор про это,— сказал Шариф.— И товарищ Вахитов, я думаю, правильно оценил обстановку. Это, сказал он, уже вчерашний день

нашей революции. И нечего больше об этом разговаривать.

— Гм... вчерашний день...— задумчиво повторил Ленин.— Да, верно... Но история учит нас, что день вчерашний частенько тесно переплетается не только с сегодняшним, но даже и с завтрашним днем.

Ленин задумался.

Мулланур и Шариф выжидательно молчали, надеясь, что он сейчас пояснит свою мысль. Но он словно бы уже забыл о ней.

— Скажите, товарищ Вахитов... Вот вы уезжали из Казани в Питер, на Учредительное собрание. Ведь вас, верно, провожали? Напутствовали?

— А как же,— сказал Мулланур.— Чуть не полгорода собралось.

— И не только буржуи, я думаю, собрались? Были, наверно, и простые люди? Рабочие? Крестьяне? Солдаты?

— А как же,— повторил Мулланур.

— Значит, они вам верили? Надеялись на вас? Рассчитывали, что в своей роли депутата Учредительного собрания вы будете отстаивать их интересы, не правда ли?

— Думаю, что так,— подтвердил Мулланур.— Один старик даже кучтэнэч мне сунул в дорогу. По-русски сказать — гостинец...

— Вот видите! — подхватил Ленин.— Даже гостинец вам поднесли как депутату Учредительного собрания. И вдруг, представьте себе, все эти люди, которые вас провожали, узна́ют, что никакого Учредительного собрания больше нет и в помине. Было да сплыло, как выразился ваш матрос... Вы не подумали, как они отнесутся к этому факту?

— Я думаю, поймут, почему так получилось,— сказал Мулланур. И, помявшись немного под пронизывающим взглядом ленинских глаз, добавил: — Не все, конечно...

— Во-от! — удовлетворенно выбросил Ленин руку вне-

ред.— Вот и я тоже думаю, что не все. Во всяком случае, не один день пройдет, пока даже единомышленники наши поймут, что мы не могли, не имели права поступить иначе. И как это ни грустно, среди таких вот, непонимающих, будут не только буржуи и буржуйские прихвостни. Неизбежно в их числе окажутся и многие наши друзья... Вот почему я склонен думать, что вы несколько... погорячились, товарищ Вахитов, утверждая, что на эту тему нам больше нет смысла разговаривать.

Мулланур хотел оправдаться, объяснить, что он совсем другое имел в виду, но Ленин внезапно круто переменил тему.

— Стало быть, вы товарищ Вахитов, представляете Казанскую губернию? — обратился он к Муллануру.

— Да, товарищ Ленин.

— А вы, товарищ Манатов, Оренбургскую?

— Так точно,— улыбнулся Шариф.

— А вы,— повернулся он к Ибрагимову,— Уфимскую, не так ли?

Ибрагимов молча кивнул.

— Таким образом,— подвел итог Ленин,— вы трое представляете три крупные губернии, в которых проживает основная масса мусульман внутренней России...

— Совершенно верно,— кивнул Ибрагимов.

— Я понял, товарищи, что вы согласны заняться организацией центрального мусульманского учреждения при Народном комиссариате по делам национальностей. Так?

— Так,— сказал Мулланур.

— Мы как раз сегодня беседовали на эту тему. И пришли к выводу, что дела мусульманских трудящихся должны вести сами мусульмане. Разумеется, стоящие на платформе Советов. Вот мы и решили создать такое учреждение, которое отвечало бы интересам всех мусульман внутренней России.

— Мы полностью согласны с вами,— сказал Мулланур.

— Ну что ж, обменяемся некоторыми соображениями. Прежде всего, насколько влиятельны у вас буржуазные партии? Ведь мусульманская буржуазия, я думаю, успела за эти месяцы завоевать довольно сильные позиции, не так ли?

Ленин обернулся к Манатову, очевидно желая и его тоже втянуть в разговор. Но Шариф кинул на Мулланура взгляд, полный отчаянной немой мольбы: «Отвечай ты! Прошу! У тебя лучше выйдет».

— Буржуазия в наших краях действительно имеет пока сильное влияние,— заговорил Мулланур.— И это, конечно, не случайно. Во-первых, они научились по всякому поводу щеголять красивой революционной фразой. И кое-кто, к сожалению, все еще верит, что наши пустобрехи, вроде Туктарова, и впрямь защищают интересы революции, трудящегося народа... А он ведь всего-навсего пронырливый маклер политического базара.

— Как вы сказали? Маклер политического базара? — засмеялся Ленин.— Меткая характеристика!

Муллануру после этой реплики сразу стало легко, напряжение ушло, речь полилась живо и свободно, как это бывало всегда, стоило только ему заговорить на волнующую тему.

Он стал рассказывать о созданной казанской буржуазией контрреволюционной организации под названием «Мусульманский комитет», о том, что в противовес ему демократические силы Казани создали свою организацию.

С увлечением Мулланур говорил о том, как Мусульманский социалистический комитет буквально с первого дня своего существования развернул борьбу с пантюркистами, панисламистами и всеми прочими оголтелыми националистическими направлениями, непримиримую борьбу за единство всех трудящихся мусульман — татар, башкир, азербайджанцев, горцев... Он рассказал о создании в Казани рабочего клуба, об оживленной переписке, кото-

рую они вели с Центральным Комитетом партии большевиков, о выступлениях членов МСК на съезде татарских крестьян, о созданной ими газете «Кзыл байрак».

— А как товарищи Шейнкман и Олькеницкий? — спросил Ленин.— Помогали они вам в вашей работе?

— Да, мы всегда могли на них опереться. А в иных случаях руководители казанских большевиков умело и тактично поправляли нас, учили, как исправить допущенные ошибки,— ответил Муллануp.

Ленин задавал все новые вопросы, и Муллануpа поразило, как легко и свободно он ориентируется в их, казалось бы, таких запутанных делах. Он расспрашивал и о движении в Башкирии, и о позиции атамана Дутова, окопавшегося в Оренбурге, и о настроениях уральского казачества...

С особым интересом слушал Ленин Муллануpа, когда он рассказывал о Харби шуро.

— Военный совет мусульман занял лицемерную позицию,— решительно сказал Муллануp.— Формально он признает Советскую власть. Но тайно делает все, чтобы мусульманские воинские части были подчинены Мусульманскому комитету, иначе говоря, мусульманской буржуазии, националистам. У нас есть данные, что Харби шуро втайне создает свои воинские формирования, которые рано или поздно будут использованы против нас. Поэтому мы у себя в МСК поставили цель: полностью разоблачить двурушническую деятельность Харби шуро, объяснить народу, что эта военная организация по существу враждебна интересам трудящихся мусульман...

Ленин одобрительно кивнул и быстро отметил что-то в своем блокноте.

Разговор о башкирском национальном движении сильно задел Шарифа. Ему, вероятно, показалось, что здесь, в Петрограде, относятся к этому движению с настороженностью и даже с опаской как к силе, враждебной Сове-

там. И вот, мгновенно забыв свою недавнюю стеснительность и робость, он решительно вмешался в разговор:

— Если кто пытался представить вам башкирское движение как контрреволюционное, не верьте, товарищ Ленин! Только провокатор может так говорить! Настоящий провокатор!.. Да, у нас очень сильно движение за башкирскую автономию. Но не надо забывать, что у башкир, в сущности, нет капиталистов, нет крупной, организованной буржуазии, как у русских или у татар. Поэтому можете не сомневаться, что, если башкирская автономия будет признана центральной властью, башкиры не только не будут против Советов, но и станут главной силой в борьбе против Дутова и всей контрреволюции на Урале и в Оренбуржье.

— Мы примерно так и представляли себе обстановку на местах, товарищ Манатов,— сказал Ленин.— Мы исходим из того, что надо очень внимательно подходить к оценке любого национального движения. И мы вовсе не думаем, что башкирское движение направлено против революции. Но увлекаться особенно тоже не следует. Надо постоянно помнить, что наши враги будут рады любому поводу вбить клин между Советами на местах и центральной властью.

— Это мы хорошо понимаем, товарищ Ленин,— сказал Шариф.— И лучшим примером для нас тут всегда будет Казанский МСК.

— Теперь несколько слов о вашем комитете,— Ленин снова обернулся к Муллануру.— Насколько я понимаю, он является своеобразной формой массовой организации с широким политическом спектром. Ни в коем случае не отталкивайте от себя людей, за которыми идет хоть какая-то часть трудящихся мусульман,— сказал Ленин.— Но забывайте основной тактический принцип нашей партии: массы должны на собственном политическом опыте убедиться в правильности наших лозунгов. А господа мень-

шевики и эсеры рано или поздно сами разоблачат себя в глазах тех, кто слепо им верил и пошел у них на поводу. И еще одно: не спешите каждого, кто с нами в чем-либо не согласен, объявлять нашим заклятым врагом. Ошибающимся надо разъяснять их ошибки, стараться привлечь их на свою сторону. Только так, и не иначе. Вы меня понимаете?

— Да, это я очень хорошо понимаю, товарищ Ленин,— кивнул Мулланур.— Спасибо вам за добрый совет.

— Ну что ж,— сказал Ленин.— Считайте, товарищи, что вы первые сотрудники центрального учреждения по делам мусульман. Все трое. Начинайте действовать!

Ленин встал, давая понять, что разговор подошел к концу.

— Соберите всех, на кого вы можете опереться, обменяйтесь мнениями, обдумайте как следует ваши предложения и сообщите нам.

— Хорошо, товарищ Ленин,— сказал Мулланур, крепко пожимая протянутую ему руку.— Мы немедленно соберем своих товарищей.

Выйдя из здания Смольного, Мулланур радостно вдохнул холодный, морозный воздух.

— Вот это человек! — восхищенно говорил Шариф.— Ну и голова! И как только в ней все помещается? А главное, такой душевный...

Мулланура тоже поразил Ленин. До этой встречи вождь революции представлялся ему человеком необыкновенным, непохожим на простых смертных. И он был обрадован, что Ленин оказался таким участливым и внимательным человеком.

ГЛАВА IV

1

Первое совещание они провели втроем.

— С чего начнем? — обратился Муллануp к друзьям.

— Я думаю, прежде всего нам надо решить, как будет называться наше учреждение,— сказал Шариф.

— Ну, название — это как раз самое последнее дело.

— Не скажи,— задумчиво возразил Галимзян.— Не зря говорится: вначале было слово... От названия зависит очень многое.

— По мне-то главное — конь, да телега, да сбруя. Запрягай и кати! Но раз уж ты придаешь такое значение вывеске... Ладно, будь по-твоему,— согласился Мулланур.

— Дело не в вывеске. От точного, правильного названия во многом будет зависеть, поймет ли нас народ, пойдет ли за нами. Оно определит и функции, и основные задачи будущего учреждения.

— Уговорил! Уговорил! — Мулланур поднял руки вверх, показывая, что сдается.— Итак, какие предложения?

— Комитет по мусульманским делам! — с ходу выпалил Шариф.

— Комитет по мусульманским делам, Мусульманский комитет... Тех же щей, да пожиже влей... Нет, не годится. Тут надо что-то другое, более весомое. И чтобы сразу чувствовался советский дух учреждения...

— Может быть, Совет по делам мусульман? — уже не так уверенно предложил Шариф.

— Лучше уж тогда, пожалуй, комиссариат,— раздумчиво сказал Мулланур.— От этого слова веет революцией.

— Комиссариат по делам мусульман,— словно пробуя название на вкус, медленно произнес Галимзян.— Хорошо! Я бы только добавил: «Центральный».

— Центральный комиссариат по делам мусульман,—

сказал Мулланур.— Великолепно! Кстати, «по делам мусульман» и по смыслу лучше, чем «по мусульманским делам».

— Какая разница? — поднял брови Шариф.

— «По мусульманским делам» можно понять так, что это организация, объединяющая сторонников по религиозному признаку. А мы не ставим перед собой такую цель, не правда ли?

— Как сказать,— задумался Шариф.— Ведь люди, для которых мы будем работать,— мусульмане. То есть все, кто исповедует ислам. По этому принципу мы и выделили их из остальной массы народов России. Разве не так?

— Не так, дорогой! Совсем не так! — горячо заговорил Мулланур.— Словом «мусульмане» мы определяем несколько разных этнических групп только потому, что слово это не требует особых пояснений, всем сразу ясно, какие народы конкретно мы имеем в виду. Но из этого вовсе еще не вытекает, что создаваемое нами учреждение собирается блюсти интересы ислама и шариата. Мы, революционеры, решительно отвергаем всякий религиозный дурман...

— При чем тут религиозный дурман? — заволновался Шариф.— Я надеюсь, никому и в голову не придет, будто наш Центральный комиссариат по делам мусульман — религиозная организация. Дело не в этом. Я просто хочу сказать, что мы ни в коем случае не должны кричать на всех углах, что собираемся разоблачать ислам и шариат... Этак ведь мы сразу оттолкнем от себя многих честных людей, сами бросим их в объятия наших злейших врагов.

— Ну, до этого дело не дойдет,— сказал Галимзян.— Одно только имя нашего славного председателя будет надежно защищать от этой беды.

— Что ты хочешь сказать? — не понял Мулланур.

— Ну как же. Разве ты не знаешь, что означает твое имя? «Мулла» — это значит «святой», «священный». А «нур» — луч света. Услыхав, что во главе Комиссариата по делам мусульман[1] стоит человек с таким почтенным именем, толпы правоверных сразу так и кинутся под наши знамена!

Пошутив еще немного на эту тему, друзья разошлись, договорившись встретиться на другой день, чтобы конкретно обсудить план работы комиссариата, четко определив его функции и задачи.

2

С утра Мулланур решил пройтись по городу, чтобы хоть немного остудить голову, так и пылавшую от обилия впечатлений.

День был морозный, ясный, солнечный. Здесь, в Питере,— Мулланур знал это по опыту — редко выпадают такие славные деньки.

На улицах было безлюдно. Только у мясной лавки выстроилась озябшая очередь, да десятка два буржуев под надзором красногвардейцев скалывали лед. Работали они плохо: мужчинам мешали длинные меховые шубы, а дамы неуклюже поскальзывались в своих фетровых ботах на высоких каблуках.

Мулланур медленно шел по Литейному, погруженный в свои мысли, как вдруг в глаза ему бросилась фигура старого татарина, сидящего, поджав ноги, прямо на обледеневшем тротуаре. Седые волосы старика беспорядочно падали ему на лоб. Ветхий азям и старая драная шапка, едва прикрывающая голову, вполне могли принадлежать одному из тех нищих, что вечно бродят по улицам, прося

[1] В дальнейшем назывался Татаро-Башкирским комиссариатом, Центральным мусульманским комиссариатом.

подаяния. Но старик ничего ни у кого не просил. Да и не был он похож на нищего. И вместе с тем поза его выражала такую скорбь, такое беспредельное отчаяние, что Мулланур не мог пройти мимо.

— Что с тобой, бабай? — наклонился он к старику.

Услыхав родную речь, старик удивленно поднял голову.

Не сразу Муллануру удалось заставить беднягу поделиться своим горем. Но мало-помалу старик разоткровенничался. История его была проста, даже банальна. Много лет он служил дворником в богатом доме неподалеку отсюда. Была у него своя каморка, да получал он за свою работу время от времени какую-никакую одежонку. Ну и, конечно, кормили его с хозяйского стола. Так что голодать он не голодал. Однако жалованья никакого не платили, хотя, когда нанимался, уговор был такой, чтоб платить. Разве только изредка, по большим праздникам, хозяин совал ему в руку серебряный рубль. Так он жил много лет, и так ему, видать, и надо было жить дальше. Но вот грех попутал. Услыхал он, что власть вроде как переменилась, что новая власть стоит будто бы за бедняков — таких вот, как он. И решил пойти к хозяину, попросить, чтобы тот дал ему хоть сколько-нибудь деньжонок. Не все, конечно, что он заработал за долгие годы, а хоть малость какую-нибудь. Тем более что азям его старый совсем истрепался, а новой одежды хозяин давно уж ему не справлял. Но стоило только старику заикнуться про жалованье, как хозяин ужасно рассердился. «Совсем обнаглели! — закричал он.— Вот к чему приводит революционная демагогия! Вон! Ни одного дня не потерплю больше тебя в своем доме!» И велел немедленно убираться прочь из каморки. Вот и остался он на старости лет без крова, без еды, без работы. Куда теперь идти? Что делать? Где голову преклонить?

— А ты требовал, чтобы он тебе заплатил? Или про-

сил? — поинтересовался Мулланур, выслушав горестный рассказ старика.

— Какое там «требовал»! Конечно, просил! Кланялся даже! Видно, зря поверил тем, кто говорил, что власть переменилась. Мало-мало ошибся. Маху дал.

— Да, бабай,— сказал Мулланур.— И впрямь ты ошибся. И впрямь маху дал.

При этих словах старик и вовсе понурился. Он было сперва оживился, надеясь, что незнакомец, заговоривший с ним по-татарски, как-то ему поможет. Но вот и этот добрый господин тоже говорит, что он, старый Абдулла, совершил тяжкую, непростительную ошибку. Стало быть, ни на какую помощь и от него рассчитывать не приходится.

— Тебе, бабай, не кланяться надо было,— сказал Мулланур,— и не просить униженно, а требовать свое, заработанное по праву! Понял?

Старик глядел во все глаза, но смысл слов, сказанных Муллануром, как видно, не доходил до него.

— Ну ничего. Не горюй. Сейчас мы это дело уладим. Где он живет, этот твой буржуй?

— Во-он! Недалеко... Вон в том переулке...

— Веди меня к нему.

— Что ты! Что ты! — испуганно замахал руками старик.

— Веди, говорю... Ну, смелее!

Сделав несколько шагов, старик вдруг остановился.

— Послушай, сынок! А ты, часом, не комиссар будешь?

От этого неожиданного вопроса Мулланур слегка смутился. Ему почему-то показалось, что, ответив утвердительно, он выступит чуть ли не в роли самозванца. Однако и разочаровывать старика тоже не хотелось.

— Считай, что комиссар,— улыбнувшись, ответил он.— Мы, революционеры, все сейчас комиссары.

Они остановились у подъезда.

— Здесь,— сказал старик.

Красивый двухэтажный особняк был строг и величествен. Окна зашторены. Тяжелая дверь казалась неприступной, словно ворота средневекового рыцарского замка.

— Звони! — сказал Мулланур.

Старик нерешительно топтался перед дверью.

— Ну? Что же ты?

— Сколько здесь живу, ни разу в эту дверь не входил. Все с черного хода...

— А сейчас вот войдешь с парадного! Звони, говорю!

— Э, была не была! Аллах не выдаст — свинья не съест! Хуже, чем сейчас, мне все равно не будет! — сказал старик и осторожно, словно к начиненной динамитом бомбе, прикоснулся к бронзовой ручке дверного звонка.

Дверь приоткрылась, показалось миловидное личико горничной в белой наколке. Увидав старика, она испуганно залепетала:

— Ой, Абдулла! Что ты! Что ты! Зачем пришел? Уходи скорей!

Она чуть было не захлопнула дверь перед самым их носом, но Мулланур, оттеснив ее, ступил через порог. Следом за ним в раскрытую дверь робко протиснулся и старик.

Не глядя на горничную, Мулланур стал подыматься по лестнице. Ноги его утопали в чем-то мягком и глубоком: устилавший лестницу ковер пружинил, словно мох в старом хвойном лесу. Сквозь распахнутую настежь дверь он увидал просторную высокую комнату с окнами, затянутыми парчовыми занавесями, матовый блеск полированного дерева, рамы потемневших старинных картин, зеркала, ковры.

— Куда вы? Куда? — еле поспевала за ним горничная.— Не велено! Никого не велено пускать!

— Кем не велено? — спросил Мулланур.

— Хозяин не велел,— испуганно ответила она.

— Так вот, девушка, поди и скажи своему хозяину, чтобы он спустился сюда, к нам. А если спросит, кто зовет, скажи: Советская власть. Все поняла?

Горничная испуганно упорхнула.

Хозяин не заставил себя долго ждать. Не прошло и трех минут, как по лестнице медленно спустился тучный, дородный господин в халате и домашних туфлях. Глаза его под стеклами пенсне, казалось, метали молнии.

— Я же сказал тебе, Абдулла, что больше не нуждаюсь в твоих услугах! Никакие просьбы, никакие мольбы тебе не помогут. А-а... Ты не один?..— Сделав вид, что только сейчас заметил Муллануpa, он надменно проронил: — С кем имею честь?

— Моя фамилия Вахитов,— спокойно сказал Мулланур.— Пришел похлопотать за своего земляка...

— К сожалению, я ничем не могу помочь вам, господин Вахитов... Ни вам, ни вашему... гм... компатриоту... Наглые вымогатели и шантажисты мне в моем доме не нужны.

— Ах, вот как?! — вспыхнул Мулланур.— Бедного старика, который осмелился попросить свои, честно заработанные деньги, вы называете вымогателем и шантажистом? В таком случае послушайте, что я вам скажу. Вы сейчас же... Поняли?.. Сейчас же полностью рассчитаетесь с вашим бывшим служащим Абдуллой. Это — первое. Теперь второе. Он немедленно вернется в свою каморку и будет занимать ее до тех пор, пока новая власть не отберет у вас эти роскошные апартаменты. Когда это произойдет, а я думаю, что произойдет это довольно скоро, Абдулла получит здесь новое жилье, полагающееся ему как трудящемуся... Вам все ясно? И не вздумайте, пожалуйста, мстить бедному старику. Не далее как завтра я навещу вас, чтобы проверить, выполнили ли вы мое предписание!

— В-вы не смеете!.. Кто вы такой?.. От чьего имени

вы тут распоряжаетесь? — залепетал хозяин особняка.

— От имени Центрального комиссариата по делам мусульман,— отчеканил Муллануp.

И тут вдруг этот дородный, респектабельный, самоуверенный господин сразу сник. Муллануру даже показалось, что он съежился и стал меньше ростом. Впрочем, он еще пытался сохранить остатки апломба.

— Что ж,— буркнул он надменно.— Я подчиняюсь грубой силе.

— Так-то лучше,— кивнул Мулланур, повернулся и ушел.

...Вернувшись к друзьям, он не без удовольствия пересказал им всю эту сцену.

— Таким образом,— заключил он свой рассказ,— наш комиссариат уже приступил к работе. Не смейтесь, я не шучу. Защищать справедливость — это ведь первейшая наша обязанность!

— И ты веришь, что буржуй сделает то, что ты ему приказал? — спросил Шариф.

— Еще как сделает! Как миленький!

— Ну, это мы проверим,— заметил Галимзян.— Теперь это уже не одного Мулланура касается. Дело идет о репутации целого учреждения.

— Непременно проверим,— кивнул Мулланур.— А сейчас, друзья, за работу!

И до самого вечера они говорили, обсуждали, записывали, пытаясь поточнее определить программу деятельности будущего комиссариата. Спорили до хрипоты, иногда даже кричали друг на друга, но неизменно приходили к соглашению, и после всех криков и споров на белом листе бумаги, исписанном мелким, убористым почерком Мулланура, появлялась новая строчка — очередной пункт или параграф, определяющий одну из функций, целей или задач, которые призван будет решать Центральный комиссариат по делам мусульман.

3

Когда план работы комиссариата вчерне был составлен, Мулланур решил, что настала пора осуществить совет Ленина и попытаться привлечь к делу представителей других партий. Надо было срочно, пока они еще не разъехались, встретиться с наиболее влиятельными членами мусульманской фракции Учредительного собрания.

Начать решили с двух самых крепких орешков — с Алима Хакимова и Ахмета Цаликова.

Особенно важно было завязать контакт с Цаликовым, который пользовался большим влиянием и в кругах татарской интеллигенции. Не говоря уже о том, что сейчас Цаликов ни больше ни меньше как председатель исполкома Всероссийского мусульманского совета. Организация эта до Октября была весьма авторитетна, да и сейчас еще, пожалуй, сохраняет немалое влияние, в особенности среди зажиточной части мусульманского населения внутренних губерний России. Если бы удалось привлечь Цаликова к работе комиссариата, влияние Всероссийского мусульманского совета практически было бы сведено на нет.

Решили, что к Цаликову пойдет Галимзян. А Мулланур направился к Алиму Хакимову.

Такая расстановка сил была принята ими по очень простой причине. С Цаликовым Мулланур не был даже знаком, а с Хакимовым встречался, и не раз. В свое время тот даже весьма одобрительно отозвался о статье Муллануpа «Тернистый путь», опубликованной в декабре прошлого года. Статья язвительно обличала Туктарова и его приспешников. Надо сказать, что Хакимов к числу сторонников Туктарова отнюдь не принадлежал. Напротив, он то и дело резко выступал против него, именуя и его самого, и его соратников лакеями татарской буржуазии.

«Чем черт не шутит,— подумал Мулланур.— Может, мне и удастся найти с ним общий язык».

Хакимов жил в маленькой гостинице на краю города. Муллануру он как будто обрадовался. Пожалуй, если учесть все обстоятельства, радость его была даже несколько преувеличенной. Быть может, притворялся. А может, и в самом деле обрадовался, истолковав приход Мулланура как визит парламентера с белым флагом.

— Садись, дорогой друг! Садись... Рад, душевно рад тебя видеть! — захлопотал он.— Я знал, верил, что ты не отступишься от родного народа.

Хакимов был высок, представителен. Окладистая черная борода придавала его крупному горбоносому лицу благообразие, даже важность. И странно было видеть этого самоуверенного, надменного человека, еще недавно прочившего себя в вожди, услужливо и даже подобострастно суетящимся перед гостем в тесном, непрезентабельном номере захудалой петроградской гостиницы.

Еще не совсем понимая, куда тот клонит, Мулланур спокойно сел на предложенный ему стул и стал слушать.

— Как страшно, как ужасно мы ошиблись, дорогой Мулланур! — Хакимов говорил несколько театрально, словно обращался не к одинокому собеседнику, а выступал перед многолюдной аудиторией.— Увы! Это уже очевидно для всех. Мы ошиблись, веря в благие намерения большевиков. Но теперь... Теперь они наконец сорвали с себя маску! Показали миру подлинное лицо... Варварски разогнать Учредительное собрание... Так нагло попрать волю революционного народа... Народные избранники... Беззаконие... Народ не потерпит...

«Кажется, зря пришел»,— подумал Мулланур. Однако он попытался все-таки прорваться сквозь этот поток ораторского красноречия.

— Погоди, Алим,— спокойно сказал он.— Мы ведь с тобой не на митинге. Поговорим спокойно, по-деловому...

— Ты прав. Речи тут не помогут. Надо действовать... Но все мое существо восстает...

— Мне кажется, ты не совсем правильно оцениваешь ситуацию.

— Не совсем... правильно? Да разве тут могут быть два мнения?.. А ты... Ты что же, одобряешь это вопиющее беззаконие?

— Помнишь,— спокойно продолжал Мулланур,— в декабре прошлого года в Казани, на Третьем губернском съезде Советов крестьянских депутатов, я говорил, что долг Учредительного собрания состоит в том, чтобы закрепить законодательно революционные завоевания народа. Помнишь?

— Помню. Ну и что?

— К сожалению, Учредительное собрание не пошло за революционным народом, не пожелало стать выразителем его воли.

— Нет, Мулланур, ты мне прямо скажи: ты-то одобряешь этот варварский разгон Учредительного собрания или не одобряешь?

— Это случилось пятого. А я приехал в Петроград шестого. Я там не был. А ты был. Вот ты и расскажи мне, что произошло. Почему эти твои народные избранники отказались принять декларацию, предложенную Свердловым? Там ведь говорилось о немедленной передаче всей помещичьей земли крестьянам. Почему не утвердили Декрет о мире? Декрет о земле?

— Крестьяне должны получить землю не из рук кучки террористов, узурпировавших власть, а в результате законодательного акта...

— Вот вы, народные избранники, и приняли бы такой законодательный акт.

— Только народ в лице его полномочных представителей может решать...

— Перестань, Алим! Ты прекрасно знаешь, что народ

уже выразил свою волю. Народ довольно-таки ясно высказал свое отношение к войне: фронт сам развалился, без всяких большевиков. Народ ясно выразил свое отношение к помещичьему землевладению: не зря ведь крестьяне, не дождавшись ваших законодательных актов, отобрали землю у помещиков...

— Ты пришел ко мне для того, чтобы отстаивать эту анархическую идею?

— Нет,— тихо сказал Мулланур.— Я пришел предложить тебе войти в новое центральное мусульманское учреждение. В только что созданный Центральный комиссариат по делам мусульман.

— Кем созданный?

— Левой группой мусульманской фракции.

— По указке большевиков?

— Созданный для осуществления ближайших задач социалистической революции при поддержке Советского правительства,— отчеканил Мулланур.

— Ни за что! — выкрикнул Алим.— Никогда не войду я в этот ваш марионеточный комиссариат! Никогда не призна́ю ваше так называемое Советское правительство.

— Ну что ж,— Мулланур встал.— Больше нам с тобой говорить не о чем.

— Погоди,— остановил его Алим.— Прежде чем ты уйдешь, я хочу сказать тебе несколько слов. Помнишь ли ты, как совсем недавно, всего полгода назад, большевики сами же требовали: «Немедленный созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Всеобщая амнистия. Свобода стачек и собраний. Немедленное издание новых законов, определяющих права человека и гражданина...» Именно так все и было сделано. Депутатов избрали на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. В полном соответствии с требованиями большевиков. Созвали Учредительное собрание. Тоже в полном соответствии с требова-

ниями большевиков. Так в чем же дело? Почему понадобилось его разогнать? Что произошло за эти полгода? Я тебе отвечу! — все больше распаляясь, говорил Алим.— Большевики захватили власть. Вот что произошло за эти месяцы! Они взяли власть, они уже на коне! И теперь мы им больше не нужны, нас можно выбросить на свалку, как падаль!

— Ах вот оно что,— сказал Мулланур.— Тут, стало быть, вопрос самолюбия. Кто первый сказал «э». Вы хотели, чтобы крестьяне получили землю от вас, а теперь вышло, что они получат ее от большевиков... А тебе не приходит в голову, Алим, что, если бы ты был настоящим революционером, душа твоя болела бы за крестьян. И тебе было бы все равно, от кого они получат землю. Важно, чтобы они ее получили.

— Смотри, как повернул! — растерялся Алим. Он подошел к Муллануру и заглянул ему в глаза.— Скажи честно: хитришь или от души говоришь?

— От души, Алим.

— Ну что ж, посмотрим. Жизнь покажет... Расскажи, какая программа у вашего комиссариата?

Мулланур давно понял, что с Алимом каши не сваришь. Но все-таки решил сделать еще одну, последнюю попытку.

— Информирование Советской власти о нуждах всех мусульман России,— стал он перечислять параграфы и пункты программы, которую они составили вместе с Шарифом и Галимзяном.— Информирование мусульман о всех шагах и мероприятиях Советской власти... Удовлетворение культурно-просветительных нужд мусульманских трудящихся... Широкая массовая агитация и пропаганда идей Советской власти среди мусульман на их родных языках... Улаживание всякого рода конфликтов, которые могут возникнуть на местах между органами Советской власти и мусульманами...

— Иными словами, без Советов — ни шагу? Советы будут дергать за веревочку, а вы, как послушные куклы, как марионетки...

— Опять не то говоришь, Алим. Мы не будем работать, как ты выражаешься, по указке Советов. Мы сами будем полномочным учреждением Советской власти.

— Понятно, понятно. А если сказать прямо, без обиняков, ты предлагаешь мне пойти в полную кабалу к большевикам. Нет, Мулланур,— он покачал головой.— Не выйдет. На такое предательство я не способен.

— Ну что ж,— сказал Муллануp.— Не будем больше препираться, обмениваться сомнительными любезностями. Прощай!

— Почему же «прощай»? — вдруг злобно ощерился Алим.— Я думаю, мы с тобой еще встретимся. Мы сейчас по разные стороны баррикады. А люди, стоящие по разные стороны баррикады, рано или поздно встречаются.

— Я не стану уклоняться от такой встречи.

— Такие встречи, как учит история, происходят обычно с оружием в руках.

— Оружие у нас найдется!

Эти последние слова он кинул уже с порога. И бегом... И бегом по лестнице, на свежий воздух, поскорее прочь отсюда, из этого склепа, где остался один из тех, кого Ленин назвал «пришельцами с того света».

4

Поделившись с друзьями печальными результатами похода к Хакимову, Муллануp стал жадно расспрашивать, каковы их успехи.

— У меня то же самое,— криво усмехнулся Шариф.— Был у двоих. С пеной у рта орут, что мы предатели. Один так побагровел, кровью налился, я думал — сейчас его кондрашка хватит...

— А у тебя как? — обернулся Муллапур к Галимзяну.— Неужели тоже без толку?

На встречу Ибрагимова с Ахметом Цаликовым он все-таки возлагал кое-какие надежды. Во-первых, Галимзян был искушеннее Шарифа в делах такого рода: ему и раньше приходилось выполнять различные дипломатические миссии. Да и Цаликов, что ни говори, был на десять голов выше всех своих коллег.

— Да нет, не сказал бы. Принял он меня хорошо. Выслушал. Ни разу не перебил... Ну а на прямой вопрос, согласен ли он сотрудничать с нами, так ничего и не ответил. Сказал, что подумает и сообщит нам свое решение позже.

— Ну что ж. Я считаю, что это не так уж плохо. Чем черт не шутит! Может, еще и пойдет этот старый конь с нами в одной упряжке! —обрадовался Шариф.

— Перетащить на свою сторону такого человека, как Ахмет-бек Цаликов,— это задача поважнее, чем привлечь десяток болтунов и демагогов вроде Хакимова,— задумчиво сказал Мулланур.— Надо ковать железо, пока горячо... Надо поговорить с ним еще раз.

— Опять Галимзяна пошлем? — спросил Шариф.

— Нет уж, увольте,— покачал головой Галимзян.— На этот раз пусть кто-нибудь другой попробует.

— Может быть, ты? — обернулся Мулланур к Шарифу.

— Я думаю, лучше всего пойти тебе, Муллапур,— мягко сказал Шариф.

Подумав, Мулланур согласился. Шариф был слишком резок, порывист, он мог сгоряча наговорить лишнего. Галимзян свои дипломатические ресурсы, пожалуй, уже исчерпал. Делать нечего, придется идти ему.

Цаликов жил у дальнего родственника неподалеку от Исаакиевского собора. Он сам открыл Муллануру дверь, учтиво пропустил его вперед и сделал широкий гостепри-

имный жест, приглашая пройти в одну из дальних комнат старой и, как видно, весьма просторной петербургской квартиры.

Муллапур назвал себя.

— О, как же, как же. Наслышан. Прошу вас! — Он усадил гостя в глубокое вольтеровское кресло, а сам уселся напротив.— Догадываюсь, что пришли вы не для того, чтобы просто поболтать о том о сем.

— Да, вы угадали. Я по тому же поводу, по которому к вам приходил вчера бывший депутат Учредительного собрания Галимзян Ибрагимов...

— Гм... Бывший?.. Это не совсем точно сказано. Да, я знаю, Учредительное собрание разогнано. Но депутат, что бы там ни было, остается депутатом до тех пор, покуда его не отзовут те, кто его избрал. Уж простите старика, но я себя бывшим депутатом отнюдь не считаю.

— Не будем спорить о словах.

— Не будем. Вы решили, если не ошибаюсь, создать некий комиссариат...

— Центральный комиссариат по делам мусульман.

— Вот-вот... Центральный... Центральный — это ведь примерно то же, что Верховный. Или, скажем, Главный. Следовательно, вы собираетесь выступать от имени всего мусульманского населения России. Не так ли? А кто, собственно, дал вам такие полномочия?

— Советская власть,— спокойно сказал Мулланур.

— Сильное это слово — «власть». Ничего не скажешь... Итак, вам дала полномочия Советская власть. А народ как же? У народа-то ведь не спросили?

— Мы исходим из того, что Советская власть — это и есть власть народа. Она выражает самые коренные, самые насущные интересы всех народов России.

— Как же именно осуществляет она эти насущные интересы? Уж не тем ли, что разогнала законно из-

бранное полномочное собрание народных представителей?

— Давайте смотреть правде в глаза,— сказал Мулланур.— Народ хотел мира, и Советская власть дала ему мир. Крестьяне хотели получить землю, и Советская власть в первый же день своего существования приняла Декрет о земле. Какая другая власть способна была сделать это?

— Гм... Ничего не скажешь,— вздохнул Цаликов.

— Вы же видите,— пошел в наступление Мулланур.— Народ пошел за Лениным. Это факт. А с фактами надо считаться. Кто во всей России заступился за Учредительное собрание? Кто выразил свой протест — не на словах, а на деле — по поводу его разгона? Признайте реальность, не отворачивайтесь от жизни. Россия пошла за Лениным, а не за вами!

Эти слова, Мулланур видел, произвели на Цаликова сильное впечатление. Во всяком случае, он надолго замолчал.

— Дорогой мой молодой друг,— наконец заговорил он.— Выслушайте меня внимательно и постарайтесь не отмахиваться от того, что я вам скажу. Я привык верить в то, что свобода есть высший дар, высшая ценность. Каждый человек рождается свободным, и он имеет священное, неотъемлемое право быть независимым, думать и чувствовать так, как это ему свойственно, как велит свободное развитие его духа.

— И я в это верю,— сказал Мулланур.

— Тем больше у меня оснований надеяться, что вы меня поймете... Так вот... то, что я сказал о человеке, в полной мере относится и к каждому народу. Велик народ или мал, силен или слаб, достиг ли он вершин человеческой культуры или едва только сделал на этом тернистом пути самые первые шаги — это все неважно. Каждый народ вправе сам решать свою судьбу, жить по своим зако-

нам и обычаям, ходить по родной отцовской земле и быть на ней хозяином, а не рабом, не чьим-то покорным слугой... И чтобы звучали вокруг не чужие слова иноземцев, огнем и мечом покоривших землю его предков, а родная материнская речь...

— Так ведь и мы хотим того же! — сказал Мулланур.

— Кто это «мы»? — спросил Цаликов.

— Мы, большевики-ленинцы. Именно такова наша программа. Полная свобода, полное равноправие и самоопределение всех наций. Это ведь главная установка Ленина в национальном вопросе...

— Ах, милый вы мой,— устало вздохнул Цаликов.— Вам не приходилось слышать старую солдатскую песню, которую, по слухам, сложил во время севастопольской кампании Лев Николаевич Толстой: «Гладко писано в бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить...»? В том-то и беда, мой юный друг, что ходить вам придется по оврагам.

— Ну ладно. Оврагами нас не испугаешь...— сказал Мулланур, с трудом скрывая раздражение: ему уже слегка надоели эти длинные, уклончивые монологи старика.—Я бы хотел, господин Цаликов, получить от вас определенный ответ: согласны вы принять участие в работе нашего комиссариата? — Мулланур постарался вывести из задумчивости Цаликова.

— Я пока не скажу вам ни да, ни нет,— наконец ответил тот.— Мне надо подумать. Я сообщу вам свое решение в самое ближайшее время...

— Хорошо. Мы будем ждать.— Мулланур поднялся. «Все-таки жаль будет,— подумал он,— если старик откажется работать с нами!»

Но в глубине души он чувствовал, что дело это решенное. Им явно не по пути. Слишком уж круто разошлись их дороги..,

5

С нетерпением ждал Мулланур новой встречи с Владимиром Ильичем.

Ожидание это не было пассивным: что ни день, он встречался то с какими-нибудь мусульманскими деятелями, то с ходоками — татарами, башкирами, киргизами, горцами, которых нужда заставила добраться аж до самого Петрограда. Он аккуратно записывал все их просьбы, пожелания, обещал поддержку и помощь.

И вот снова знакомый скромный кабинет, всю обстановку которого составляют два простых стола и несколько стульев. И Владимир Ильич опять ведет с ними быстрый, деловой разговор. На этот раз уже как с давними знакомыми.

Ленин достал из ящика небольшой листок бумаги и подвинул его через стол Муллануру. Лиловые печатные буквы так и запрыгали у Вахитова перед глазами.

Сделав усилие, он взял себя в руки и прочел вслух:

— «Учреждается Комиссариат по делам мусульман внутренней России при Народном комиссариате по национальным делам.

Комиссаром по делам мусульман назначается член бывшего Учредительного собрания от Казанской губ. Мулланур Вахитов; товарищами его — члены бывшего Учредительного собрания от Уфимской губ.— Галимзян Ибрагимов и от Оренбургской губ.— Шариф Манатов.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Вл. Ульянов (Ленин).
Народный комиссар по делам национальностей
Джугашвили-Сталин.
Управляющий делами Правительства
Вл. Бонч-Бруевич.
Секретарь Совета Народных Комиссаров
Н. Горбунов».

— Ну, как ваши дела, товарищи? — спросил Ленин.— Что остальные члены мусульманской фракции? Вы с ними встречались? Так-так... Ну и каков результат? Согласны они работать с нами?

— К сожалению, пока ничего не выходит, Владимир Ильич,— сказал Мулланур.— Мы говорили почти со всеми, кто еще остался в Петрограде. Одни наотрез отказываются сотрудничать с Советской властью, другие темнят, третьи колеблются, тянут, не дают окончательного ответа.

Ленин нахмурился. Спросил:

— Есть еще какие-нибудь вопросы?

— Нет... Разве вот только...— замялся Мулланур.

— Да? Слушаю вас, товарищ Вахитов...

— Мы пока еще не знаем, где нам обосноваться.

— Об этом мы уже подумали. Сегодня же будет от моего имени направлено предписание комиссару гостиницы «Астория». Комнат пять вашему комиссариату на первых порах хватит?

— С лихвой,— сказал Мулланур.— И канцелярию там разместим, и приемную для ходоков. И даже, я думаю, еще и для клуба место останется...

Выйдя из Смольного, они, как и в прошлый раз, долго не могли успокоиться. Особенно шумно выражал свои чувства Шариф.

— Неужто он всю Россию вот так же в голове держит? Все губернии, уезды, волости... Ему ведь не об одних только мусульманах думать приходится.

— Ты прав, Шариф,— поддержал друга Мулланур.— Однако это все же не дело — стоять тут да махать руками. Пошли!

— Куда?

— Как куда? К себе. В «Асторию».

ГЛАВА V

1

Весть о создании в Петрограде Комиссариата по делам мусульман в Казань привез Алим Хакимов.

В тот же день руководители Мусульманского комитета созвали экстренное совещание, чтобы обсудить новость, определить свое отношение к этому событию, решить, как им теперь действовать.

После отъезда Вахитова в Петроград деятельность Мусульманского комитета очень оживилась. Пользуясь тем, что МСК, оставшись без руководителя, несколько ослабил свою работу, националисты стали действовать решительнее и активнее. Военный совет — Харби шуро — лихорадочно формировал свои отряды, рассылал обращения во все войсковые части, где были мусульмане. Правые газеты ежедневно трубили о том, что большевики надругались над демократией, разогнав Учредительное собрание, что необходимо свергнуть власть Совета Народных Комиссаров и создать национальное татарское правительство по образу и подобию Украинской рады.

События последних недель внушили националистам уверенность в несомненном торжестве их планов. Она покоилась на убеждении, что центральная власть, власть большевистского Совнаркома, что бы там они про себя ни говорили,— это власть русских. И как только это станет ясно основной массе мусульман, они отшатнутся от нее и кинутся в объятия истинно мусульманских организаций. Таких, как Мусульманский комитет и Харби шуро.

Создание Центрального комиссариата по делам мусульман спутало все их карты. Центральная власть наглядно продемонстрировала, что она всерьез хочет представлять интересы всех народов России.

Не мудрено, что известие о создании комиссариата, да еще с Вахитовым во главе, произвело на лидеров буржу-

азных татарских партий впечатление разорвавшейся бомбы.

Мрачно выслушали они сообщение Алима Хакимова. Собственно говоря, это была не объективная информация, а сплошной поток злобной брани, перемежающейся истошными бессильными протестующими воплями.

— Самозваное учреждение, созданное этими тремя гиенами,— кричал он,— не что иное, как орудие в руках большевиков, направленное в самое сердце нашей национальной революции! Ни один уважающий себя революционер, ни один демократ не войдет в это грязное логово. Не зря они вынуждены были, как шакалы, жадно ловящие кость, стучать в двери всех членов мусульманской фракции Учредительного собрания, умоляя нас о сотрудничестве. Но тут — я говорю об этом с гордостью за себя, за своих коллег,— с пафосом воскликнул Хакимов,— тут мы все оказались на высоте! Мы вышвырнули их за дверь, мы прямо сказали им, что у нас с ними нет и не может быть одной дороги!

— А как относится к этому новому учреждению наш Всероссийский мусульманский совет? — спросил кто-то из присутствующих.

— Разумеется, он тоже против этих самозванцев! — высокомерно пожал плечами Хакимов.

— Да иначе и быть не может! — послышались голоса.

— Там настоящие мусульмане сидят!

— Я кончил, господа,— сказал Хакимов.— Теперь слово за вами! Давайте вместе решать, как нам нанести этим самозванцам такой сокрушительный удар, чтобы и мокрого места от них не осталось!

— Позвольте мне,— поднялся худой, узколицый, рано начавший лысеть Баттал, редактор газеты «Алтай».

— Мусульмане, — начал он тихим, вкрадчивым голосом. — Мы с вами живем в историческое время. Именно сейчас, быть может, на столетия вперед решается коренной вопрос нашего национального бытия...

Голос его стал набирать силу. Слезливая интонация постепенно сменилась высокой патетикой, которая, в свою очередь, опять уступила место мягкому тону проникновенной доверительности.

— Быть или не быть! — с пафосом провозгласил он. — Да, именно так стоит вопрос! Если сейчас мы не сумеем противостоять натиску русских, то никогда, повторяю, никогда впредь татары, башкиры, мещеряки и прочие мусульмане не смогут отстоять свою национальную самобытность. Наша святая обязанность — копить силы и ждать. Ждать, чтобы потом, когда настанет наш час, одним мощным ударом сбросить вековое иго и создать независимое демократическое мусульманское государство!

Вслед за Батталом поднялся редактор газеты «Курултай». Этот был не так красноречив. Он ограничился кратким заявлением:

— Мусульмане не допустят, чтобы их национальные интересы представлял самозваный комиссариат, созданный тремя предателями.

Затем вскочил какой-то бородатый краснощекий купец-татарин, невесть кем приглашенный на это сборище.

— Изменник Вахитов нанес нам удар в спину! Предательский удар лучшим силам мусульманского движения! — вылупив глаза, кричал он.

После этого выступления собрание уже окончательно утратило последние признаки благообразия. В многоголосом шуме и гомоне лишь с трудом можно было разобрать отдельные выкрики:

— Долой комиссариат!

— Позор предателям!

— Ноги их не будет здесь, в Казани!

Пошумев, приняли резолюцию: не признавать Центральный комиссариат по делам мусульман и саботировать все его решения и декреты.

2

Ночью в дверь Алима Хакимова постучали. Стук был условный, и хозяин без колебаний впустил неурочного гостя. Крупный, широкоплечий мужчина в теплой куртке, добротной меховой шапке и валенках представился:

— Эгдем Дулдулович.

Алим предложил гостю раздеться и провел его в свой кабинет.

— Мне вас рекомендовали с самой лучшей стороны, господин Дулдулович,— сказал он, когда они уселись друг против друга.

Дулдулович молча наклонил голову.

— Рекомендовали как человека надежного, бесконечно преданного нашему святому зеленому знамени,— продолжал Хакимов.

— Я высоко чту зеленое знамя мусульман и готов это доказать,— ответил гость. — И я сам, и мои друзья.

— А кого вы называете своими друзьями, если не секрет?

— Не секрет. Я имею в виду членов федерации анархистов-индивидуалистов.

— Давно вы у нас в Казани?

— С одной стороны, недавно, с другой — очень давно.

— Простите, не понял...

— Я хотел сказать, что приехал сюда сравнительно недавно. Но Казань — моя родина. Мои предки жили здесь еще в незапамятные времена. Потомки их бежали в Турцию, служили крымскому хану. Позже перебрались в Литву...

— Понимаю. Стало быть, родители ваши — литовские татары?

— Да. Но может быть, мы перейдем к делу? Я бы хотел знать, для чего я вам понадобился.

Хакимов встал, прошелся по комнате. Наконец решился.

— Ты слыхал, что в Петрограде организован Центральный комиссариат по делам мусульман? — Перешел он на «ты», давая понять, что полностью доверяет собеседнику.

— Слыхал.

— И знаешь, кто назначен главным комиссаром?

— Мулланур Вахитов.

— Ты с ним знаком?

— Нет. Только видел однажды.

— Когда?

— В начале января. Был на вокзале, когда его провожали в Петроград.

— Небось и речь его слышал?

— Слышал.

— И какое он произвел на тебя впечатление?

— Двойственное.

Дулдулович был немногословен. Вот и сейчас, дав этот не слишком внятный ответ, он не проявил ни малейшего желания пояснить свою мысль. Подождав немного, Хакимов не выдержал и спросил:

— Что значит «двойственное»?

— Лозунги его показались мне чистой демагогией, рассчитанной на то, чтобы сыграть на самых низменных чувствах толпы...

— Во-от! Вот именно! — удовлетворенно сказал Хакимов.

— А сам он произвел на меня впечатление человека убежденного. И безусловно честного.

На этот раз Хакимов промолчал. Сделав еще несколько шагов по комнате, он вновь остановился перед Дулдуловичем.

— Скажи, Эгдем, тебе случалось бывать в Петрограде?

— Нет, не случалось.

— А как бы ты отнесся, если бы мы предложили тебе туда поехать?

— Право, не знаю. Я ведь специально приехал в Казань, чтобы...

— Да, да, чтобы служить зеленому знамени. Это все так. Но суп варится именно там, в Петрограде... Короче говоря, мы, руководители Мусульманского комитета, решили направить тебя в Петроград.

— С какой же целью?

— Это выяснится позднее. По ходу дела. А пока поезжай, если не возражаешь. Присмотрись, что к чему. Подыщи друзей... Одним словом, поживи там в свое удовольствие.

— Я не настолько богат, чтобы жить такой жизнью.

— О деньгах не думай. Деньги мы найдем, за этим дело не станет.

Дулдулович бросил на Хакимова быстрый пронзительный взгляд.

— Вероятно, мне будет дано какое-то задание?

— Все в свое время,— уклончиво ответил Алим.

— Хорошо. Я не настаиваю. Но я хотел бы иметь твердую уверенность, что это задание, о котором мне дадут знать в свое время, не будет идти вразрез с моими взглядами.

— Дорогой друг,— сладко заулыбался Хакимов. — Поверь мне, ты не найдешь других людей, конечные цели которых были бы так сходны с твоими святыми идеалами.

— Ну что ж, в таком случае я согласен,— сказал Дулдулович. — Можете считать, что мы договорились.

На другой же день он уехал в Петроград, увозя в чемодане толстую пачку только что отпечатанного номера газеты «Курултай», на первой полосе которого было опубликовано совместное заявление всех буржуазно-националистических партий. В заявлении говорилось, что татары никогда не допустят, чтобы их дела решал комиссариат, созданный при большевистском правительстве.

ГЛАВА VI

1

— Что с тобой сегодня, Мулланур? — спросила Галия. — Давно не видала тебя таким мрачным.

Галия Ланина была сотрудницей Мулланура по комиссариату. Взяли ее на должность технического секретаря, но она оказалась таким толковым и энергичным работником, а главное, столько души вкладывала в исполнение своих обязанностей, что вскоре стала едва ли не ближайшим помощником Мулланура.

Галия была полукровка: отец ее был из касимовских татар, а мать русская. Родилась она в Петербурге, оба языка — и язык отца, и язык матери — были для нее родными. Она скоро овладела всеми техническими навыками, необходимыми в работе, легко и свободно печатала на машинке, быстро и толково могла переложить на язык официальной бумаги самую сложную и запутанную просьбу какого-нибудь малограмотного ходока. Короче говоря, очень скоро Мулланур заметил, что без Галии он как без рук. У них сложились простые и непринужденные отношения. Муллануру даже в голову не приходило, что эти отношения могут принять какой-то иной характер. Вот и сейчас, когда она взяла его за руку и задала этот чуть тревожный вопрос: «Что с тобой, Мулланур?», он воспринял это как естественное дружеское участие.

— Если что-то личное, можешь не отвечать,— добавила Галия.

— Нет, не личное,— ответил Мулланур.— Я все думаю о разговоре, который у меня был нынче в Смольном.

— А что за разговор? С кем?

— С Лениным. Это по поводу тех двух декретов.

Галия хорошо знала, о чем идет речь: она сама печатала проекты декретов. Дело касалось знаменитой башни Суюмбике в Казани и не менее знаменитого Оренбургско-

го Караван-сарая. Комиссариат по делам мусульман решил передать эти выдающиеся памятники древней национальной культуры их исконным хозяевам — татарам и башкирам.

— И что же Владимир Ильич? Он против?

— Да нет. Что ты! Решение наше он одобрил целиком и полностью. Но сказал, что нечего нам по каждому такому вопросу бегать в Смольный. Вы, говорит, Центральный комиссариат по делам мусульман. А это значит, что все дела мусульман должны решать сами. Полно, говорит, на помочах ходить. Пора привыкать к самостоятельности.

— Но ведь в этом нет ничего обидного. — Галия остановилась и потуже затянула свой платок: они шли вдоль Невы и с реки дул холодный, сырой ветер. — Сам подумай, разве он не прав?

— Ты что же, считаешь — я обиделся, что мне выговор сделали? — вскинул голову Мулланур.

— Выговор не выговор, а все-таки... пожурили немножко, вот ты и обиделся.

— Ты не понимаешь... Мне обидно, что Владимир Ильич может подумать, будто я бегаю к нему по каждому вопросу из робости, из боязни взять на себя ответственность... А я ведь совсем не поэтому.

— А почему же?

— Ну как же ты не понимаешь! Попробуй-ка не подчинись, если сам Ленин декрет подписал! А нашим декретам местные Совдепы могут и не подчиниться. Наш комиссариат пока еще недостаточно авторитетен.

— А ты сказал про это?

— Сказал, конечно.

— Ну и что?

— Владимир Ильич резонно мне возразил: этак, милый друг, у вас никогда своего авторитета не будет, ежели вы все время будете за нашу спину прятаться. Нет авторитета, так постарайтесь, говорит, его завоевать. Добей-

тесь, чтобы вас слушались, чтобы вам подчинялись. Это, говорит, теперь ваша первоочередная задача.

— Вот и отлично! — тряхнула головой Галия. — Очень хороший разговор. И нет никаких причин впадать в черную меланхолию. Расскажи мне лучше, эта башня Суюмбике и правда красивая? И про саму Суюмбике расскажи, я ведь почти ничего про нее не знаю.

— Как? Совсем не знаешь?

— Слышала только, что была такая княжна Суюмбике, которая выстроила эту башню в память то ли о женихе своем, то ли о муже, погибшем на войне в чужих далеких краях. Отец рассказывал. Но что тут правда, а что легенда — понятия не имею.

— Легенда гласит, что Суюмбике не хотела верить, что муж ее погиб. Была она редкая красавица, многие добивались ее руки, но она до конца дней оставалась верна своей первой любви. И в знак того, что ее верность священным супружеским обетам крепка и нерушима, она и велела возвести эту каменную башню.

— Красивая легенда... — вздохнула Галия.

Некоторое время они шли молча. Мулланур был еще целиком во власти своих мыслей и чувств, а Галия думала об удивительном человеке, который шел сейчас рядом с нею. «Какой он умный! — думала она. — И как много знает... Когда только он успел прочесть такую уйму книг. Ведь он же совсем еще молодой».

Ей вдруг стало обидно, что Мулланур замолчал, погрузился в какие-то свои мысли. Словно бы невзначай тронув его за локоть, она спросила:

— Ты думаешь о Суюмбике?..

Высокий человек в стареньком азяме вышел из-за угла и двинулся им навстречу. Подойдя поближе, он остановился и стал пристально вглядываться в Мулланура, словно опасаясь, не обознался ли. Но, как видно, уверившись, что не ошибся, сорвал с головы рваную шапку и низко

поклонился. Белой изморозью мелькнула перед глазами Мулланура густая седина. Однако на вид мужчина был еще совсем не стар.

— Салам алейкум,— поздоровался он.

Мулланур и Галия остановились, вежливо ответили на приветствие. Лицо прохожего показалось Муллануру знакомым, но, как ни старался, он не мог вспомнить, где видел этого стареющего, но еще вполне крепкого и сильного человека.

— Не признал? — заговорил прохожий. — А я тебя сразу узнал, еще издали. Уж больно обличье у тебя заметное. Абдулла я. Абдулла... Неужели не помнишь?

— Абдулла? — удивился Мулланур, догадавшись, что это тот самый старик татарин, за которого он заступился от имени только что организованного Комиссариата по делам мусульман. Замотавшись, он так до сих пор и не удосужился зайти и проверить, не выгнал ли хозяин снова своего старого дворника из дому. Краска стыда бросилась ему в лицо. — Здравствуй, Абдулла! — обрадовался он. — Все собирался зайти к тебе, узнать, как живешь. Очень рад, что вот так, ненароком встретились. А не узнал я тебя, потому что ты словно бы помолодел. Сейчас тебе и пятидесяти не дашь.

— Что ты, что ты... Мне пятьдесят шестой уже,— заулыбался Абдулла.

— Совсем молодой еще. А в тот раз я было подумал, что тебе все семьдесят.

— Горе у меня тогда было. А горе знаешь как сгибает человека.

— Ну а теперь как твои дела? Хозяин как? Не обижает?

— Что ты! Что ты! Как ты ему приказал, так все и сделал. И в комнату пустил, и матрац новый дать велел, и жалованье платить стал. Совсем другой человек. Ну прямо что твой Сахар Медович!..

— Понял, значит, что с Советской властью шутки плохи.

— Как не понять!.. А ты и вправду комиссар? Или просто припугнул его? Только не обижайся, пожалуйста. Я потому спросил, что комиссары — они все русские. А ты татарин.

— Дорогой ты мой Абдулла,— засмеялся Мулланур.— Вот в том-то как раз и состоит Советская власть, что при ней каждый может стать комиссаром: и татарин, и башкир, и чуваш. Лишь бы только предан был всей душой революции, честно служил интересам трудового народа... Нет, я не обманул твоего хозяина, я и в самом деле комиссар. Комиссар по делам мусульман. Стало быть, и по твоим делам тоже. Комиссариат наш находится на улице Жуковского, дом четыре. Приходи, когда захочешь. Поговорим. А понадобится помощь какая — поможем! Спросишь комиссара Вахитова. Это меня так зовут: Мулланур Вахитов.

— Спасибо тебе, добрый человек! — низко поклонился ему Абдулла.— Нужда будет — приду. А не будет нужды — все равно приду. Как не прийти? Кабы не встретился ты мне тогда, даже и не знаю, что бы сейчас со мною было.

Уходя, он еще раз поклонился Муллануру чуть не до земли.

— Кто это такой? — удивленно спросила Галия.

— Это первый человек, которому наш комиссариат помог стать полноправным гражданином Российской республики,— ответил Мулланур, провожая удаляющуюся фигуру Абдуллы долгим задумчивым взглядом.

2

С того дня, как этот строгий молодой татарин привел его назад в дом, где он прожил столько лет и откуда его чуть

было не выгнали, жизнь Абдуллы круто переменилась. Хозяин, Август Петрович Амбрустер, который прежде, даже в лучшие времена, еле удостаивал его взглядом, теперь обращался с ним так ласково, словно узнал в нем долго пропадавшего и наконец отыскавшегося единокровного брата. Да, видно, этот молодой татарин, назвавшийся комиссаром, и впрямь большой человек.

Август Петрович не только позволил Абдулле вновь занять его прежнюю каморку под лестницей, но даже распорядился, чтобы ему принесли туда новую, удобную кровать с пружинным матрацем. Больше того! Он самолично принес и вручил Абдулле теплое ватное одеяло.

— Возьми, Абдулла. На дворе зима, морозы сейчас стоят лютые, недолго и простудиться. Знаешь, как тибетцы говорят? Простуда — мать всех болезней.

Кто такие тибетцы, Абдулла знать не знал и ведать не ведал. Но видно, неглупые они люди, если так говорят. Уж ему ли, Абдулле, забыть, что такое простуда и какие могут быть от нее напасти. Ведь его жена, веселая голубоглазая Селима, оставила его вдовцом именно потому, что простыла на ветру в тот окаянный день... Аллах, как давно это было... Абдулла жил тогда со своей молодой красавицей женой далеко-далече от здешних мест — на Волге, в маленьком городке Буинске. Там он родился, там вырос, там и женился на своей Селиме. Сыграв свадьбу, они нанялись в услужение к богатому купцу, такому же татарину, как они. Такому же, да не совсем. Купец был мужчина видный. Было ему тогда, наверно, уже за шестьдесят — побольше, чем Абдулле сейчас. Но никому и в голову не пришло бы назвать его стариком. Высокий, статный, он летом ходил в легком камзоле, сатиновых шароварах, мягких сапогах, на голове — расшитая серебром тюбетейка. Зато уж зимой он надевал на себя такие одежды, что Абдулла даже и сказать не мог бы, из чего они сшиты. Шапка и шуба из какого-то невиданного серебрис-

того меха; говорили, что где-то на далеком севере водятся зверьки, шкурки которых пошли на эту роскошную шубу. И каждая такая шкурка ценится на вес золота.

У купца было три жены. Так полагалось по мусульманскому закону — по шариату. Свою младшую жену он любил без памяти, ни на один день с нею не расставался. Если случалось ему уезжать куда-нибудь по своим торговым делам, всякий раз непременно брал ее с собой.

И вот как-то раз вернулись они из очередной такой поездки. Абдуллы, как на грех, не было дома. А Селима в тот час стирала. И в чем была, полуодетая, распарившаяся от горячей воды, побежала на мороз встречать хозяина с молодой хозяйкой. Вот и прохватило ее на ветру.

Вернулся Абдулла домой, а жена в жару мечется. Так, не приходя в сознание, в ту же ночь и отдала она богу душу. Остался Абдулла один.

Не мил стал ему с той поры белый свет. И не мог уж он оставаться жить в своем родном городишке. Собрал нехитрый скарб, распростился с хозяином и уехал куда глаза глядят. Скитался по разным городам и весям, пока не привела его судьба сюда, в самую столицу, в Петербург. Поступил в дворники к нынешнему своему хозяину, к Августу Петровичу, верой и правдой служил ему, почитай, три десятка лет. И вот дослужился до того, что тот взял да и выставил его на улицу. Спасибо, нашелся добрый человек, не позволил совершиться такому злому делу.

Ну, теперь-то все, слава аллаху, обошлось. Теперь хозяин его не обижает. Чуть ли не каждый день спрашивает: как живешь, Абдулла? Не нужно ли чего? Не стесняйся, скажи!..

Денег дал. Немного, правда. Но ему много и не надо. Жены у него нет, детей тоже. На что ему деньги? Была бы каморка, где голову приклонить, да кусок хлеба, да чтобы обращались с ним уважительно, как подобает обращаться со старым человеком.

Хотя, если правду сказать, он даже и не чувствует себя теперь таким уж старым. Совсем помолодел Абдулла. Даже ходить и то стал по-другому. Раньше, бывало, сгорбившись идет, как старик, а теперь и спину разогнул, и голову высоко держит, и глаза блестят новым, молодым блеском: интересно стало ему жить на белом свете. Совсем как в те далекие времена, когда еще жива была его ненаглядная Селима.

Одна только мечта была теперь у Абдуллы: хотелось ему опять повстречать того молодого комиссара, отблагодарить его за добро. И вот наконец эта мечта сбылась. Теперь он знает его адрес, знает, как найти своего спасителя. Не знает только, как выразить ему свою благодарность.

Думал, думал Абдулла, и вот его осенило. Когда-то, в молодые годы, занимался он резьбой по дереву. И считался неплохим мастером. Но после смерти жены он совсем было забросил это занятие. А тут — вспомнил.

Решил Абдулла вырезать для своего друга комиссара комиссарский знак, красную звезду. Но не такую, как у всех комиссаров, а особенную. Он ведь не простой комиссар, не обыкновенный. Комиссар по делам мусульман. А мусульманский знак — полумесяц. И вот Абдулла надумал вырезать на дереве пятиконечную большевистскую звезду, а сверху над ней полумесяц.

Работа спорилась. Трудился Абдулла над своим подарком вечерами. Но в последнее время вечера стали какие-то беспокойные. Как только стемнеет, так у хозяина гости. Только усядешься, да возьмешься за дело — звонок. И опять надо вставать, отворять дверь, встречать очередного гостя, провожать его наверх, в господские покои. Что они там делают всю ночь напролет — один аллах знает. Может, в карты играют, может, вино пьют. В конце концов, это их, господское дело. У них свои заботы, а у него, у Абдуллы, свои.

Но один из таких ночных гостей Абдуллу сильно удивил. Он сразу узнал старого приятеля Августа Петровича — долговязого, длиннолицего полковника Сикорского. В прежние времена полковник был здесь довольно частым гостем. Однако вот уже несколько месяцев, как о нем не было ни слуху ни духу. Абдулла знал, что летом прошлого года Сикорский командовал войсками, стрелявшими в рабочих. Он отлично помнил, как, заявившись на другой день к Августу Петровичу, полковник орал на весь дом, что большевики губят Россию и его долг — долг русского офицера — стрелять, стрелять и стрелять в них до тех пор, пока останется жив хоть один из этих подлых вражеских шпионов, продающих родину за немецкие деньги.

Абдулла не сомневался, что полковник перестал бывать в доме его хозяина неспроста. Он был уверен, что Сикорский арестован. Но вот, оказывается, жив курилка... Пришел как ни в чем не бывало. Правда, не в старой своей полковничьей шинели, а в гражданском платье.

Сикорский явился не один. Спутник его, далеко не первой молодости, был тоже в штатском. Но особая, неповторимая манера держаться, разворот плеч, посадка головы — все это говорило о том, что и на нем офицерская шинель выглядела бы естественнее, чем штатское пальто с бархатным воротничком и мягкая фетровая шляпа.

Раздеваясь в прихожей, они говорили не по-русски.

Но, услыхав произнесенное спутником Сикорского слово «капут», Абдулла догадался, что тот — немец.

«Как же так? — подумалось невольно. — Такой патриот и вдруг как ни в чем не бывало, дружески беседует с немцем, своим заклятым врагом?»

Никогда прежде Абдулла не интересовался делами хозяина и его гостей. Но загадочное появление полковника Сикорского, ненавидевшего немцев, рука об руку с переодетым немецким офицером не давало ему покоя. Тут была какая-то тайна. Уж не заманил ли проклятый Сикор-

ский немца в этот уютный старый дом, чтобы здесь втихомолку его зарезать?

Погасив внизу свет, Абдулла тихонько, на цыпочках, черным ходом поднялся на второй этаж. Он и сам еще толком не знал, зачем идет туда. Подумал было даже, что не худо бы предупредить Августа Петровича, чтобы тот не доверял Сикорскому: этот головорез еще втянет в какую-нибудь беду.

Нельзя сказать, чтобы Абдулла сильно был предан своему хозяину, особенно после того, как тот поступил с ним так бессердечно. Однако десятилетия, проведенные в этом доме, долгая привычка честно исполнять свои обязанности, служить хозяину верой и правдой — все это не прошло для него даром.

Абдулла все еще колебался, не зная, как ему поступить. И вдруг он услышал шаги. Кто-то спускался вниз по черной лестнице. Пришлось спрятаться за выступ стены.

— Он ждет от нас немедленного ответа? Или нам дадут время подумать?

Это был голос Августа Петровича.

Второй голос принадлежал Сикорскому.

— О чем тут раздумывать! — раздраженно сказал он.— Наши германские друзья вправе узнать, каковы наши ресурсы. Достанет ли у нашей организации сил, чтобы раз и навсегда покончить с большевиками.

— Я думаю, что такая возможность у нас есть. В особенности если использовать фактор внезапности. До поры надо держать планы в тайне. Но как только будет дан сигнал... Это будет вторая варфоломеевская ночь! Вырежем товарищей комиссаров всех до единого...

Абдулла обомлел... Они хотят вырезать всех комиссаров? Значит, и его молодого друга тоже — того, кто спас от голодной смерти, кто был с ним так ласков и добр. Нет! Этого не будет! Он, Абдулла, не допустит, чтобы это кровавое преступление совершилось!

Организация. Он сказал, что у них организация. Значит, целая шайка таких же головорезов, как этот Сикорский. Как быть? Что может сделать он, маленький человек, беспомощный, слабый?

И тут его осенило. Немедленно туда, к этому молодому комиссару! Улица Жуковского, дом четыре. Скорее, скорее! Рассказать ему все! Предупредить о грозящей опасности!

Абдулла изо всех сил прижался к стене и затаил дыхание. Сикорский и Амбрустер прошли мимо. Глухо стукнула дверь черного хода.

Уверившись, что на лестнице больше никого нет, Абдулла выскользнул из своего укрытия, бесшумно сбежал по щербатым, потемневшим ступеням и вышел на улицу, в промозглую, ледяную ночную мглу.

3

Проводив Сикорского, Амбрустер вернулся в круглую гостиную: неудобно было надолго оставлять важного гостя одного.

Немец сидел у курительного столика, прямой, как палка: спина его не касалась спинки стула. Он молча поднял голову и вопросительно поглядел на хозяина дома. Амбрустер сел напротив, раскрыл коробку дорогих сигар.

— Угощайтесь.

Немец коротко, одной головой, поклонился. Взял сигару.

— А господин полковник? — после паузы спросил он.

— Господин полковник должен встретить и привести сюда еще двоих-троих наших друзей. Мы хотим, чтобы наше совещание было как можно более представительным.

Немец снова молча наклонил голову. Сидели курили. Молчание становилось тягостным. Заводить с немцем

деловой разговор до прихода Сикорского Амбрустер не хотел. А к непринужденной светской беседе гость, судя по всему, был не слишком расположен.

Но вот наконец стукнула входная дверь. Послышались быстрые, энергичные шаги. Вошел Сикорский и с ним еще двое: один, как и все, в штатском, другой — в офицерском кителе без погон.

— Беспечно живешь, Август Петрович! — сказал Сикорский. — Дверь нараспашку, никакой тебе охраны... А ну как господа комиссары пожалуют? Мы тут даже и пикнуть не успеем.

— Ну, ну, без паники! Как это «нараспашку»? Ведь вас Абдулла впустил?

— Я тебе говорю — дверь настежь. Никакого Абдуллы там нет и в помине. Сколько раз уж было говорено: гони ты этого старого дурака в шею, а вместо него возьми когонибудь помоложе да понадежнее.

— И рад бы в рай, да грехи не пускают. У Абдуллы нынче большая рука в правительстве. Да, по правде говоря, лучше Абдуллы сейчас никого и не найти. Он все равно что хорошо вышколенный пес. А глупость его нам только на пользу: старик бесхитростный, по-русски еле разумеет. С ним не надо все время быть начеку, постоянно соображать, что можно говорить, чего нельзя.

— Все это очень мило,— раздраженно сказал Сикорский,— однако я все-таки хотел бы знать, почему этот вышколенный пес вдруг исчез невесть куда.

— Как это исчез? — изумился Амбрустер.

— Да я тебе уже битый час толкую, что твоего дворника нет на месте!

— Быть не может!

Амбрустер, забыв о гостях, кинулся по лестнице вниз.

— Абдулла! — громко позвал он. — Абдулла!

Никто не отозвался.

Парадная дверь и впрямь была не на запоре. А дверь,

ведущая в каморку дворника под лестницей, распахнута настежь. Дворницкая была пуста. На глаза Августу Петровичу попался странный предмет. Он наклонился, поднял. Это была какая-то деревяшка. Толстый брусок дерева. Август Петрович поднес его к самым глазам, близоруко прищурился. Перед ним была искусно вырезанная ножом по дереву ненавистная пятиконечная звезда.

— Комиссарский знак! У меня! В моем доме!

— Вот он каков, твой вышколенный пес,— прозвучал за спиной желчный голос Сикорского.

На лбу Амбрустера проступили крупные капли холодного пота. У него было такое чувство, словно жесткая петля уже захлестнула его горло.

Как юноша, взбежал он по лестнице, перепрыгивая через две-три ступеньки.

— Господа! — взволнованно обратился к собравшимся. — Нас предали! Слава богу, еще есть время. Мы должны немедленно покинуть этот дом!

Все встали и, не сказав ни единого слова, молча двинулись вслед за хозяином к лестнице черного хода.

4

Мулланур любил работать ночами. Нередко он засиживался за своими бумагами чуть не до рассвета. Днем было шумно, хлопотливо: трещал «ундервуд», звонил телефон, непрерывным потоком шли люди. А ночью — тишина, покой. И какая-то особенная ясность приходила к нему в эти часы: мысли словно сами собой укладывались в слова, в четкие, непреложные формулы и параграфы.

Вот и сегодня он засиделся до глубокой ночи: работал над декретом о мусульманских школах. Главная идея декрета состояла в том, чтобы обеспечить всем мусульманским народам образование на родном языке. Тут было много сложностей. Особенно трудно было с учителями, ко-

торые могли бы вести преподавание на языках, родных для их учеников.

Было уже далеко за полночь, когда Мулланур вдруг почувствовал, что устал, и решил выйти на улицу. Ночь холодная, сырая, но все-таки славно было выбраться из душного помещения на волю, глотнуть свежего морозного воздуха.

Улица была пустынна. Вот раздался гулкий топот сапог, звон оружия — прошел патруль. И снова тишина. Ни души, ни одного прохожего не встретишь в эти часы на улицах. Огромный город словно вымер.

И вдруг Мулланур увидел человека, идущего ему навстречу. Самое удивительное было даже не то, что нежданно-негаданно он встретил такого же одинокого прохожего, каким был сам в этот неурочный час. Удивительно было другое. Человек, идущий ему навстречу, не гулял. Он шел быстрой, торопливой походкой. Шел так, словно у него было какое-то неотложное и важное дело. Поравнявшись с Муллануром, он остановился и, тяжело дыша, спросил:

— Не знаешь, добрый человек, дом четыре далеко будет?

Приглядевшись, Мулланур сразу узнал старика татарина, которому недавно дал адрес своего комиссариата.

— Абдулла-бабай, ты? — неуверенно спросил он.

— О, аллах! Ты милостив ко мне! — патетически поднял глаза к нему старый татарин.

— Что с тобой, Абдулла? Сейчас ведь ночь, глубокая ночь. Что ты ищешь здесь так поздно?

— Тебя, добрый человек! Тебя!

— Что-нибудь стряслось?

— О, да! Стряслось. Беда, сын мой. Страшная беда! Слава аллаху, еще не случилась, но может случиться с часу на час. Бежать тебе надо, сынок! Зарезать тебя хотят... И ведь зарежут, разбойники, с них станется...

— Зарезать? Меня? — удивился Мулланур.

— Не одного тебя, всех комиссаров. Ну и тебя тоже, конечно. Сам слышал. Так что ты не мешкай, сынок! Беги скорее, пока ноги целы.

— Постой, постой,— Мулланур сразу стал серьезен.— Кто это собирается комиссаров резать? Где ты слышал такие речи? Успокойся и расскажи все по порядку.

Абдулла собрался с мыслями и, стараясь не пропустить ничего существенного, подробно пересказал весь подслушанный им разговор.

«Так,— подумал Мулланур. — Заговор. Тайная явка. Надо спешить, а то уйдут. Что же делать?»

Вдалеке опять послышались гулкие, тяжелые шаги, звон оружия; это возвращался патруль. Вот удача!..

— Товарищи! — крикнул Мулланур. — Сюда! Ко мне!

Патрульные двинулись к нему. Их было пятеро: трое рабочих и два матроса.

— В чем дело? — строго спросил матрос с огромным парабеллумом в деревянной кобуре. — Это вы кричали, товарищ?

— Я комиссар Центрального комиссариата по делам мусульман Вахитов. Вот мой мандат.

Посветив фонариком, матрос, шевеля губами, прочел удостоверение Мулланура.

— Слушаю вас, товарищ комиссар,— козырнул он. — Что случилось?

— Я только что узнал о контрреволюционном заговоре. Это здесь, недалеко, на Литейном. Там у них тайная явка. Надо во что бы то ни стало успеть задержать заговорщиков!

— Номер дома? — быстро спросил патрульный.

— Абдулла! — крикнул Мулланур. — Веди нас к твоему хозяину, быстро!

— А ты тоже пойдешь? — спросил Абдулла.

— Конечно!

— Ну тогда пошли!

Абдулла мелкой рысцой затрусил впереди. Мулланур широко шагал рядом, стараясь не отставать от старика. Сзади, гремя плохо пригнанным снаряжением, тяжелой поступью шли патрульные.

Вот он, знакомый подъезд. Парадная дверь открыта. Гулко разносятся шаги подкованных тяжелых сапог по мраморным ступеням.

Одна комната, вторая, третья... А вот и круглая гостиная... В бронзовой пепельнице еще тлеет недокуренная сигара, вьется голубоватый дымок. Но ни хозяина, ни дорогих гостей нет и в помине. Видно, что-то почуяли. Ушли...

ГЛАВА VII

1

Трудовой день Мулланура начинался рано. Ровно в семь утра он уже был в кабинете. И не успел он расположиться за своим стареньким письменным столом, разложить бумаги, просмотреть свежую почту, как вошла Галия и сказала, что к нему посетитель.

— Откуда?

— Говорит, что из Казани.

— Из Казани?! — Мулланур вскочил и кинулся навстречу раннему гостю.

Это был Ади Маликов — давний его приятель. Мулланур познакомился с ним еще в те далекие времена, когда он, совсем мальчишкой, вместе с дядей Исхаком осматривал развалины столицы древних булгар. Они с дядей остановились перед руинами какого-то старинного дворца, как вдруг из-под обломков вылез высокий смуглый юноша в рваной рубашке.

— Эй! Что ты там делаешь? — удивленно крикнул Мулланур.

— Ищу следы своих прадедов,— улыбнулся тот. И по-

казал обломок изразца с причудливым, красивым орнаментом.

— Каких еще прадедов? — еще больше удивился Мулланур.

— По нашим семейным преданиям, этот дворец принадлежал моему далекому предку Малик-ходже,— ответил веселый оборванец. — Знатный был человек. И весьма ученый. Говорят, был другом самого хана...

Мулланур так и не понял, шутит он или говорит серьезно. Но парень ему понравился. Они подружились. Ади был родом из деревни Булгары, раскинувшейся неподалеку от развалин великого древнего города. Удивительно легко нашли они с Муллануром общий язык. Вероятно, потому, что оказались единомышленниками. Потом Ади исчез из поля зрения Мулланура: началась война и он оказался на фронте, в действующей армии. А после революции их пути снова сошлись. Ади жил в Тетюшах и часто писал Мулланypy, тот ему отвечал. После октябрьских дней Ади по совету Мулланура переехал в Казань, и они стали вместе работать в МСК.

Мулланур был душевно рад встрече со старым другом. Он, конечно, изменился со времени их первой встречи. Худой, нескладный юноша превратился в высокого, мускулистого, уверенного в своей силе мужчину. Лицо его огрубело, лоб перерезала глубокая поперечная морщина, а в живых, быстрых, некогда озорных глазах нет-нет да и мелькала какая-то затаенная печаль. Однако они и сейчас, как в добрые старые времена, отлично поняли друг друга, едва только заговорили о том, что их обоих волновало больше всего на свете.

— К сожалению, я не привез тебе добрых вестей, дорогой Мулланур,— сказал Ади. — Влияние толстосумов у нас после твоего отъезда усилилось. Алкин, Туктаров, Баттал и вся их компания с пеной у рта кричат на всех перекрестках, что ты продался русским, изменил своему

народу. Не только ты, конечно, а все, кто работает в Центральном комиссариате по делам мусульман.

— Само собой,— пожал плечами Мулланур. — Чего еще можно ждать от этих демагогов? Обидно только, что среди трудового народа находятся еще люди, которые им верят.

— Кое-кто верит, конечно. Но большинство, я думаю, за ними не пойдет.

— Скажи, а дошло до вас постановление Наркомнаца об организации при местных Совдепах отделений нашего комиссариата?

— Какое постановление? — удивился Ади. — Нет, я ничего об этом не слышал.

— Вот оно, взгляни,— сказал Мулланур, протягивая другу листок бумаги с отпечатанным текстом постановления.

Маликов прочел:

— «В интересах объединения рабочих, крестьян и солдат мусульман предлагается организовать при Советах отделения Центрального комиссариата по делам мусульман внутренней России с отделами труда, крестьянским, военным и культурно-просветительным. Организацию отделений комиссариата поручить леворевслюционным мусульманским организациям.

Исполнительным органам Советов предлагается оказывать всяческое содействие немедленной организации отделений Мусульманского комиссариата.

Народный комиссар по делам национальностей
И. Сталин
Комиссар по делам мусульман
Мулланур Вахитов».

— Неужели трудящиеся Казани ничего не знают об этом документе? — спросил Мулланур.

— Ни одна мусульманская газета его не опубликовала.

— Так я и знал. Ох до чего же боятся нас эти батталы и алкины! Боятся, что мы наберем силу: тогда от них и мокрого места не останется.

— Алкин кричит всюду, что комиссаров, и русских и своих, в мусульманские районы он не пустит,— сказал Ади.

— Как «не пустит»? Каким это образом?

— Силой. Выставит заградительные отряды из воинских частей, подчиненных Харби шуро.

— Ну, мы тоже не будем сидеть сложа руки. Комиссариат уже приступает к созданию мусульманских частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Ладно, все это мы с тобой еще обсудим. Скажи лучше, как там наши? Какие новости у казанских большевиков? Как Шейнкман?

— От Шейнкмана тебе письмо.

Ади вытащил из кармана гимнастерки конверт, запечатанный сургучной печатью.

Председатель Казанского Совдепа писал, что большевики Казани приветствуют создание Центрального комиссариата по делам мусульман, обещал всяческую поддержку. Коротко охарактеризовал сложную обстановку, которая создалась в городе и во всей губернии после отъезда Мулланура.

— Поеду,— сказал Мулланур, дочитав письмо до конца. — Придется бросить все дела и ехать в Казань.

И он подумал, что не мешало бы, съездив в Казань, побывать потом в Уфе, в Оренбурге, в Перми, на Кавказе, у горских мусульман... «Между районами, где живут мусульмане, и комиссариатом должна быть постоянная, непрекращающаяся связь»,— подвел он итог своим размышлениям.

2

Утро следующего дня тоже ознаменовалось приездом гостей — военной делегации. Делегатами были татары — чле-

ны исполнительного комитета мусульманских солдат Северного фронта. Приезд их оказался как нельзя более кстати: давно уже назрел вопрос о создании военного отдела Комиссариата по делам мусульман. Самое время было теперь обсудить это с прибывшими военными и перейти от слов к делу.

О прибытии делегатов Мулланур был извещен загодя. Он знал, что все они горячие сторонники большевиков. Поэтому, не тратя времени на всякие дипломатические ухищрения, он сразу заговорил о главном.

— Товарищи, жизнь требует, чтобы мы немедленно приступили к созданию национальных воинских формирований под эгидой нашего комиссариата. Мы, сторонники Советской власти, должны как можно скорее противопоставить Всероссийскому мусульманскому военному совету свою военную силу.

— Этот вопрос уже согласован в Смольном? — спросил один из приехавших военных, Юсуф Ибрагимов.

Мулланур кивнул.

— В таком случае, — заговорил Ибрагимов, — я предлагаю немедленно приступить к практическим мерам по созданию мусульманской Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

— Я думаю, — сказал Мулланур, — нам надо начать с создания военного отдела при нашем комиссариате.

— Правильно, — поддержал Юсуф. — Этот военный отдел будет непосредственно руководить работой местных мусульманских комиссариатов, помогать им формировать воинские соединения.

Сразу заговорили о структуре будущего отдела. Посыпались уточняющие вопросы, предложения.

Когда все высказались, Мулланур встал и, заглядывая в свой блокнот, где он помечал главное в выступлении каждого оратора, подвел итоги:

— Итак, товарищи, будем считать, что на этом на-

шем совещании мы приняли решение о создании военного отдела при Центральном комиссариате по делам мусульман. Исходя из ваших пожеланий, я предлагаю разделить его на несколько подотделов. Первый подотдел — строевой. В его ведении будут находиться пехотные и кавалерийские части. Второй — артиллерийский. Третий — интендантский. Четвертый — мобилизационный. Пятый — инженерный. И наконец, шестой — агитационно-организационный. Возражений нет? Принято. Прошу сегодня же обсудить кандидатуры товарищей, которые, по вашему мнению, могут возглавить работу перечисленных подотделов. В этом вопросе мы целиком доверяем вам, членам исполкома воинов-мусульман армий Северного фронта. А в помощь вам от нашего комиссариата предлагаю товарища Ади Маликова...

И Мулланур представил делегатам своего друга, приехавшего из Казани.

Решили сразу же, без промедления, начать запись мусульман в ряды Красной Армии.

— Надо дать объявление,— предложил Юсуф Ибрагимов.

— Правильная мысль,— поддержал его Мулланур.— И не где-нибудь, а в «Правде»... Пиши!

И он с ходу стал диктовать Юсуфу текст:

— «Сим доводится до сведения мусульман, сочувствующих идее социализма, что при военном отделе Комиссариата по делам мусульман внутренней России при Совете Народных Комиссаров (улица Жуковского, д. 4) производится запись в ряды мусульманской Красной Армии. Записывающиеся граждане должны иметь при себе удостоверение от местного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов или левых социалистических организаций мусульман»... Записал?

— Записал,— ответил Юсуф. И спросил: — Как подписать? Комиссар Вахитов?

— Я думаю, лучше будет, если это объявление пойдет под двумя подписями,— сказал Мулланур.— Комиссар Центрального комиссариата по делам мусульман Мулланур Вахитов. Заведующий Военным отделом комиссариата Юсуф Ибрагимов.

3

Мулланур принимал депутацию петроградских мусульманских общин.

Обычно он держался на таких встречах легко и непринужденно. Какой бы оборот ни принял разговор, был сдержан, нетороплив, а главное, спокоен. Да, спокойствия ему было не занимать, он давно уже научился владеть собой.

Но нынче обычная сдержанность ему изменила. Сильное душевное волнение теснило грудь, мешало находить уверенные, ясные, четкие слова. Глава советской правительственной делегации Троцкий прервал переговоры с немцами. Он объявил, что Советская республика демобилизует свою армию и войны вести не будет. Над молодой Советской республикой нависла смертельная опасность.

— Товарищи! — с трудом сдерживая волнение, говорил Мулланур.— Положение в высшей степени тревожное. Германцы вероломно нарушили условия перемирия. Они хотят победным маршем войти в революционный Петроград, хотят потопить в крови народа все завоевания нашей революции...

— А где же русская армия? Куда она девалась? Разве русские солдаты разучились воевать? — крикнул кто-то из депутатов.

— Старая русская армия не может быть опорой для новой власти, она полностью развалилась,— сказал Мулланур.— Если мы не хотим погибнуть, нам с вами необ-

ходимо немедленно создать новую, боеспособную Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Вопрос стоит так: или мы ее создадим, или нас уничтожат. Мусульманские отряды должны стать надежной частью этой новой армии. Запись в них уже началась, но пока идет слабо. Видно, не все трудящиеся мусульмане понимают, насколько серьезно положение...

— Нету сил воевать, так мириться надо. Почему не подписываете мир? — мрачно сказал пожилой седобородый татарин.

— Ленин делает все, чтобы мирный договор с немцами был заключен,— устало ответил Мулланур.— Центральный Комитет партии большевиков принял решение о немедленном подписании мира. Послана радиограмма правительству Германии.

— Так что же им еще нужно-то, этим германцам проклятым?

— У германских милитаристов разыгрался аппетит. Они хотят задушить нашу революцию. Понимая, какое трудное сейчас положение у нашей республики, они выдвинули новые, тяжелейшие условия. Требуют, чтобы мы отдали им всю Прибалтику, большую часть Белоруссии и Украины...

— Вах!.. А что же Ленин про это думает?

— Ленин сказал, что Советское правительство вынуждено согласиться и с этими, новыми требованиями Германии. Но беда в том, что немцы, не дожидаясь ответа на их новые требования, уже захватили Псков, Ревель и движутся на Петроград... Переговоры переговорами, но если мы не остановим их силой оружия, мы погибли! Поэтому я и прошу вас, товарищи, ускорить формирование мусульманских отрядов Красной Армии. Еще раз повторяю: дело пока идет плохо. Медленно идет... А промедление для нас все равно что смерть...

— Да ведь мы сами только что про все это узнали! —

крикнул из зала низкорослый рыжебородый татарин.— А население и посейчас ничего не знает.

— Всем мусульманским общинам сообщить надо было,— сказал худой высокий башкир, похожий на муллу.

— В газетах надо было напечатать!

Мулланур улыбнулся: вот оно! Наконец-то! Прорвало!

— Товарищи! — уже увереннее, спокойнее заговорил он.— Объявление в газете уже напечатано. Вот у меня номер «Правды» от 14 февраля. Видимо, не все из вас успели прочесть его.

— Да где ее возьмешь, «Правду»-то? — крикнули из зала.— Не хватает газеты! Мало печатаете!

— На каждую общину хоть по несколько газеток бы!

На это возразить было нечего. Бумаги не хватало, газеты выходили крохотным тиражом.

Мулланур вышел из-за стола, распахнул дверь, крикнул:

— Ади! Давай сюда «Правду» с нашим объявлением. Сколько ни есть, все тащи сюда!

Вошел Ади Маликов, неся на вытянутых руках увесистую кипу номеров «Правды».

— Ознакомьте с нашим объявлением всех, кого только сможете! Очень прошу! — говорил он, вручая номер газеты депутатам.

Все повскакали с мест, сгрудились вокруг него: газет было мало и депутаты опасались, что всем не достанется.

Вновь отворилась дверь: вошел Юсуф Ибрагимов, новоиспеченный заведующий Военным отделом. Подошел к Муллануру, наклонился к самому уху, тихо сказал:

— Совет Народных Комиссаров по предложению Владимира Ильича принял декрет «Социалистическое отечество в опасности!».

— Текст у тебя?

— Да, вот он.

Быстро пробежав глазами текст декрета, Мулланур сказал вполголоса:

— Немедленно собери всех. Экстренное заседание комиссариата, военного отдела и представителей трудящихся...

4

Мусульманская мечеть в Петрограде была построена незадолго до революции. Выстроил ее эмир Бухарский для своих единоверцев, проживающих в столице Белого Царя.

Единоверцев у эмира Бухарского в Петрограде было немало. И не только среди именитых граждан этого сверкающего великолепием города, но и среди городской бедноты. Впрочем, бедняки, хоть и посещали порой красавицу мечеть, делали это отнюдь не регулярно: слишком много было у них других забот и обязанностей. И тем не менее всякий раз, оказавшись среди молящихся, Абдулла неизменно находил среди них кого-нибудь из своих давних знакомцев. Вот и сейчас еще издали он углядел в толпе мусульман, окруживших мечеть, двух земляков — толстогубого бородатого Махмута и Габдрахмана; оба они, как и Абдулла, были родом из Буинска.

— Давно не видал я тебя здесь, друг Абдулла,— сочувственно вздохнул Габдрахман.

— Верно, верно. Давно уже не доводилось мне помолиться в нашей большой мечети. Да простит мне это всемогущий аллах! — ответил Абдулла.

И только тут он заметил, что в мечети нынче все было не так, как обычно. Никто не сидел у дверей на коврике, не возносил свои молитвы аллаху. Собравшиеся толпились у входа и, задрав головы, к чему-то прислушивались.

«Не иначе мулла решил обратиться к правоверным с каким-то святым напутствием»,— подумал Абдулла.

Однако по выражению лиц собравшихся он понял, что слушают они не муллу.

— Кто это там? — спросил он у соседа, хмурого одноглазого татарина.

— Комиссары,— мрачно буркнул тот.

— О, аллах! — запричитал Махмут.— Безбожники-комиссары осквернили нашу святую мечеть!

— Молчи, Махмут! — сердито сказал Абдулла. — Не смей ругать комиссаров!

Махмут удивленно пожал плечами. «Совсем рехнулся, старый!» — подумал он. Однако спорить с приятелем не стал. Молча протиснулись они вперед, поближе к оратору.

— Граждане! — гремел под гулкими сводами мечети голос человека, привыкшего выступать перед тысячными толпами, на широких площадях, под открытым небом.— Товарищи мусульмане! Братья! Я обращаюсь к вам от имени Советской власти! От имени Центрального комиссариата по делам мусульман! Российская Советская Республика переживает момент грозных, тяжких испытаний! Нашей свободе, завоеванной ценой героических усилий и неисчислимых жертв, грозит величайшая опасность. Германские воинские части заняли Псков и, несмотря на телеграмму Советского правительства, подтверждающую согласие на любые условия мира, продолжают свое наступление на Петроград!

Голос оратора показался Абдулле знакомым. «Не может быть!» — мелькнула мысль. Однако, приподнявшись на цыпочки, он убедился, что не ошибся: это был он, «его» комиссар, его молодой друг.

— Над красным городом революции собрались темные тучи международной реакции! — гремел голос Вахитова.— Социалистическая республика в опасности! Суровое, беспощадное наказание понесет тот, кто в минуту грозной опасности дерзнет ядовитым дыханием раздуть

пламя контрреволюции!.. Братья мусульмане! Я призываю вас вступить в ряды мужественных защитников крепости нашей революции, на стенах которой алеет кровь рабочих и солдат, павших в геройской борьбе за радость и счастье грядущих поколений!

За спиной комиссара вдруг появился мулла. Воздев руки к небу, он прокричал, заикаясь от волнения:

— В-вон из мечети, сын шайтана! Н-не смей произносить в этих святых стенах п-проклятые речи!

Но комиссар, отодвинув муллу плечом, как ни в чем не бывало продолжал.

— Я призываю вас,— гремел как колокол его низкий голос,— вступить в ряды мусульманской социалистической армии!

Мулла, ошалев от невероятного кощунства, потерял последние остатки всякой благопристойности.

— Мусульмане! Единоверцы! — запричитал он, трясясь от гнева.— Долго еще вы будете сносить это глумление над нашей святыней? Гоните п-прочь этого нечестивца!

— Гнать его!

— Гнать отсюда! — послышались возбужденные, негодующие голоса.

И тут Абдулла не выдержал.

— Братья единоверцы! — крикнул он во весь голос.— Пусть комиссар говорит! Это наш, мусульманский комиссар!

Схватив за руки Махмута и Габдрахмана, он стал сбивчиво объяснять им:

— Что ж вы молчите? Это ведь он! Тот самый! Помните, я вам про него говорил? Это он самый и есть...

— Мусульманский комиссар? — спросил Махмут.

— Тот самый, который тебя спас? — догадался Габдрахман.

— Ну да! Я же говорю вам, это он!

— Пусть говорит! — громко крикнул Габдрахман.

И в тот же миг его поддержали другие голоса:

— Пусть говорит!

— Говори, комиссар!

— Говори, Мулланур! Мы слушаем тебя!

Видно, здесь, в мечети, не один Абдулла знал оратора. Оказалось, знали даже, как его зовут.

Улыбаясь, Мулланур оглядел взбудораженную, шумную толпу и поднял руку, прося тишины.

— Друзья мои! Братья! — заговорил он, слегка понизив голос.— Сейчас вот здесь, на площади, мы начнем запись в мусульманскую социалистическую армию. Я верю, что вы все, как один человек, выразите желание вступить в ряды защитников нашей свободы.

Выждав минуту, он крикнул в толпу:

— Ну?.. Кто первый?.. Выходи! Я начинаю запись!

Абдулла оглянулся. Все стояли, не шелохнувшись. Быть первым — ох как это нелегко! Но Абдулла все-таки решился. Расталкивая толпу, он вышел вперед:

— Записывай меня, комиссар!

И как же обрадовался он, увидав, как засияли глаза молодого комиссара.

— Пиши! — уже совсем уверенно крикнул он.— Абдулла Ахметов... А вы что же? — обернулся он к своим землякам.— Махмут! Габдрахман! Чего стоите? Это же наш комиссар, в нашу армию записывает!

И вот, расталкивая людей, вышел вперед Махмут. А за ним — Габдрахман.

— И меня запиши, комиссар!

И тут словно прорвало:

— И меня пиши тоже!

— И меня!..

Вечером сотрудники Центрального комиссариата по делам мусульман собрались вместе, чтобы подвести итоги сделанному за день. Формирование первых мусульманских

социалистических отрядов повсюду шло хорошо. Трудящиеся мусульмане охотно записывались в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

— Завтра будем продолжать запись и начнем формирование первых батальонов,— закончил совещание Мулланур.— Руководителей Военного отдела прошу подумать о назначении командиров и комиссаров. Список кандидатур вручить мне завтра утром в восемь поль-поль.

5

С утра Мулланур решил написать обращение к трудящимся мусульманам с призывом записываться добровольцами. Озаглавить он решил его так: «Обращение к мусульманскому революционному народу».

Однако дальше заглавия дело не пошло. Долго сидел он над чистым листом бумаги, покусывая карандаш: нужные слова не приходили. Обычно он писал легко, слова будто сами ложились на бумагу. Но тут словно заклинило. Мулланур чувствовал особую важность такого документа: каждое слово должно быть взвешено, тщательно продумано. Вот это повышенное чувство ответственности, вероятно, и парализовало его.

И вдруг представилась ему вчерашняя сцена в мечети. Ожили перед глазами лица напряженно слушающих его людей. Зазвучал в ушах голос Абдуллы: «Это наш человек! Пусть говорит!» И тот же голос, прокричавший с радостным упоением: «Записывай меня, комиссар!» И другие голоса, заглушающие и перебивающие друг друга: «И меня запиши!», «И меня!», «И меня тоже!»

И тут сами собой полились слова — те самые, что были им сказаны там, в мечети. Перо быстро побежало по бумаге, едва успевая записывать фразы, теснившиеся в разгоряченном мозгу:

«Часы грозных испытаний переживает Российская

Республика. Ценою колоссальных усилий и неисчислимых жертв завоеванной свободе грозит величайшая опасность...

Товарищи мусульмане!..»

Скрипнула дверь. Муллануp досадливо поднял голову: на пороге, смущенно улыбаясь, стоял солдат.

— Не ругай меня, комиссар. Вижу, что помешал. Я проститься пришел...

— Абдулла! — удивился Мулланур.— Заходи, дорогой! Извини, сразу тебя не узнал. Да и немудрено: ты совсем другой стал.

Абдуллу и впрямь очень изменила солдатская форма. Шинель, правда, была чуть коротковата, а смушковая солдатская шапка слегка мала, отчего сидела на голове как-то набекрень. Но быть может, как раз это и придавало бывшему дворнику особенно бравый и даже чуть-чуть залихватский вид.

— Ну хорош! — удовлетворенно сказал Мулланур, оглядев своего «крестника» со всех сторон.— Однако не слишком ли тяжелую ношу взвалил ты на себя, друг? Что ни говори, а ведь ты уже немолод. Боюсь, трудно тебе будет на фронте.

— Воевать за свою власть годы не помешают,— степенно ответил Абдулла.

— Ну гляди,— улыбнулся Мулланур.— Тебе виднее.

— Я к тебе проститься пришел,— повторил Абдулла.— Хочу одну вещь на память о себе оставить.

Он скинул с плеч и медленно стал развязывать свой солдатский сидор.

— Какую еще вещь? Что ты! Мне ничего не надо! — запротестовал было Мулланур.

— Не обижай. Это тебе от меня подарок,— сказал Абдулла, извлекая из вещевого мешка какой-то странный предмет.

Это была вырезанная по дереву красная пятиконеч-

ная звезда. Сверху ее окаймлял зеленый мусульманский полумесяц.

— Вот,— сказал Абдулла.— Комиссарская звезда. А я к ней добавил наш мусульманский знак. Уж не знаю, понравится тебе, не понравится, но я хотел как лучше. От души.

— Абдулла! — растроганно воскликнул Мулланур.— Абдулла, дорогой! Да ведь это же... Это же просто великолепно! Ты и сам небось не понимаешь, как здорово ты это придумал. Да ведь это же символ! Великолепный символ единения мусульманских народов с мировой революцией. Спасибо тебе, друг!

Он крепко обнял Абдуллу.

— Лучшего подарка ты мне сделать не мог! Эта звезда с полумесяцем будет сиять на знаменах нашей мусульманской Рабоче-Крестьянской социалистической Красной Армии!

ГЛАВА VIII

1

Красногвардейская часть, в которую влился отряд Абдуллы, занимала позиции северо-восточнее Нарвы. Немцы продолжали наступать. Среди бойцов пронесся слух, что командование приняло решение любой ценой остановить врага именно здесь, на этом рубеже.

Бойцы рыли окопы, строили укрепления.

Абдулла сперва боялся, как бы ему не осрамиться перед опытными, бывалыми солдатами: он ведь никогда прежде не служил в армии, не знал толком, что такое военная служба. Но работа — любая работа — была ему не в новинку. И он справлялся с делом не хуже, а, пожалуй, даже лучше других: рыл окопы, ходы сообщения. Тут, как и в его работе дворника в Петрограде, вся суть

была в том, чтобы делать свое дело честно, старательно, не отлынивать, не жалеть себя.

Немецкого наступления ждали с минуты на минуту.

Бок о бок с бойцами мусульманского отряда располагались отряды питерских рабочих. Среди них немало было и старых фронтовиков, прошедших «огонь, воду и медные трубы».

— Ну и дела,— ухмыляясь, качал головой один из них, широкоскулый солдат.— Недавно только братались мы с германцами. Обнимались, миловались, вместе спирт пили. А сейчас опять воевать! Эх, герман, герман! До чего же ненадежный ты, брат, оказался!

— Молчал бы! — прикрикнул на него кто-то из молодых.— Зачем бередишь душу? И без тебя тошно!

— Ишь ты, какая нежная она у тебя, душа-то! — оскалился солдат.— Небось уже вся в пятки ушла? Трясется, что твой заячий хвост? Ну ничего. Не робей... Не так страшен черт, как его малюют. Я, брат, с ними, с германцами этими, уже четвертый год воюю. Привык.

— Брататься привык? — не без ехидства спросил молодой.

— Не только брататься,— без обиды, спокойно ответил ветеран.— Всякое бывало. Я, брат, много чего повидал. Не дай бог тебе такое увидеть. Одно могу сказать: ты его не бойся. Германец — он только сперва бойко идет. И тут главное — удержаться. Ну а потом, коли ты первую атаку выдержал, он хвост подожмет. Это я тебе верно говорю...

По снежному полю прямо на их окоп ветром несло обрывок газетного листа. Абдулла, вытянув винтовку, ловко насадил его на штык. Это был обрывок «Правды». Бережно разгладив его, Абдулла медленно, по складам прочел:

— «Со-вет На-род-ных Ко-мис-саров пос-тапов-ляет...»

— Ну-кася, дай сюда! — сунулся к нему широкоску-

лый. И, взяв газетный клочок, стал бойко читать вслух: — *«Все силы и средства страны целиком предоставляются на дело революционной обороны... Всем Советам и революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови...»*

— Кто пишет-то? — спросил молодой.

— Ленин.

— Ну да?

— А ты как думал? Он самый, кто ж еще. О защите каждой позиции — это он по-нашему выразил, по-солдатски. Ну-кася, дай я еще разок прочту!.. «Всем Советам и революционным...»

Но конец фразы никто не услышал: раздался жуткий, леденящий кровь вой, а затем грохот, от которого у непривычного Абдуллы заложило уши. Снаряд, перелетев окопы, разорвался позади них, за их спинами.

— Началось,— сказал старый фронтовик.— Ну, ребятки, теперь держись!

И он проворно улегся на дно окопа.

Разорвалось еще несколько снарядов. Перелет. Недолет. Снова перелет... Абдулла, не шелохнувшись, лежал на дне окопа. Замирая, он ждал, что новый снаряд, вылетевший из жерла германской пушки, накроет его и его товарищей. Но следующего выстрела не последовало. Артиллерийская подготовка была закончена. И тут вдруг началось непонятное: зазвучала какая-то веселая, бодрая музыка. Сперва Абдулла даже не сообразил: что это? Откуда? Но музыка все приближалась, становилась громче, и он наконец понял, что это звуки военного марша. Осторожно выглянув из окопа, Абдулла увидал приближающиеся немецкие цепи. Солдаты шли в полный рост, как на параде, держа наперевес винтовки с короткими, широкими ножевыми штыками.

— Внимание! — раздался звонкий голос командира.— Ни шагу назад, товарищи! Будем держаться до последнего! Приготовиться!.. Без команды не стрелять!

Немцы приближались. Абдулла уже отчетливо различал их лица. Как завороженный глядел он на одного из них — рослого, здорового, сильного. Тот вышагивал прямо на него, и Абдулле казалось, что дуло его винтовки нацелено прямо ему в лоб.

«Как же так? Почему не стреляем? — мелькнула мысль.— Еще минута, и они ворвутся в наш окоп, и тогда...»

Сзади послышался громкий топот чьих-то ног.

«Неужели наши бегут?» — успел подумать Абдулла. Но, оглянувшись, он увидал человека, бегущего не от них, а к ним. Человек был в кожаной тужурке, с револьвером в вытянутой руке.

— Комиссар! Комиссар с нами! — пронеслось по цепи.

«Какой комиссар? Неужто наш, мусульманский?» — удивленно подумал Абдулла. Но, вглядевшись в бегущего человека, понял, что это комиссар их отряда.

А рослый немец со своей винтовкой, нацеленной прямо на Абдуллу, был уже совсем близко.

«Не иначе, это сам Азраил! Мой ангел смерти! — мелькнула мысль.— Ну, все... Пропал, Абдулла! Настал твой конец!»

Руки его одеревенели, холодный пот застилал глаза. «Стрелять надо! Стрелять! Почему нет команды? Может, командира убило?» — лихорадочно думал он. И тут заговорил пулемет: та-та-та-та-та-та-та-та...

Поняв, что от волнения он не услышал команды, Абдулла усилием воли заставил себя нажать на курок. И в тот же миг он увидел, как рослый солдат, который шел прямо на него, остановился, словно наткнувшись на какое-то невидимое препятствие, рухнул наземь, как подрубленный.

Весь страх Абдуллы мгновенно прошел. Медленно взял он на мушку другого солдата. Снова спустил курок. И вот уже второй немец, сраженный его выстрелом, покачнулся и упал на землю шагах в тридцати от бруствера их окопа.

А пулемет все продолжал откуда-то сбоку свою лающую, захлебывающуюся речь: та-та-та-та-та-та...

И немцы, прижатые огнем, падали на землю — одни, чтобы потом вскочить и бежать дальше в атаку, а другие, чтобы навсегда остаться в этой заснеженной, мерзлой земле, которую они хотели завоевать.

— Ага, не нравится! — оскалившись, крикнул старый солдат, орудуя у пулемета.— А ну, комиссар! Что же ты? Давай готовь новую ленту!

Немецкий офицер поднялся во весь рост и прокричал жесткие слова команды. Прильнувшие к земле солдаты один за другим стали подниматься, чтобы кинуться в новую, решающую атаку.

Та-та-та-та!..— заговорил опять пулемет и вдруг смолк. Воспользовавшись передышкой, немцы кинулись вперед и приблизились вплотную к окопам.

— Пулемет! — отчаянно закричал кто-то.

Абдулла оглянулся и увидел, что старый солдат-пулеметчик уже не орудует около пулеметного щитка, а лежит, раскинув руки, залитый кровью. Комиссар быстро оттащил раненого назад. Абдулла кинулся к нему помогать.

— Ленту! — закричал комиссар.— Ленту давай! Быстро!

— Где? — растерянно спросил Абдулла.

Но комиссар уже лежал за пулеметом и стрелял.

— Где лента? Где? — крикнул Абдулла, сам не зная, к кому обращен его вопрос.

И тут раненый пулеметчик зашевелился.

— Там,— с тихим стоном прошептал он, указывая окровавленной рукой в сторону зарядных ящиков.

Абдулла со всех ног кинулся к ним.

К полудню немцы отступили, так и не сумев выбить красных бойцов с их позиций и понеся большие потери.

К вечеру прибыло подкрепление — отряд революционных матросов из Кронштадта. Матросы были рослые, молодцеватые, все словно на подбор. Они принесли весть, что готовится наступление.

— Завтра атакуем,— подмигнул Абдулле молодой матрос с щеголеватыми белокурыми усиками колечком.— Пойдем в рукопашную. Знай наших, пехота! Ну да не нам учить вас штыком орудовать. Так, что ли?

— Да что ты, нет,— смущенно ответил Абдулла.— Я нынче первый раз пороху понюхал. А про рукопашную так даже и помыслить боюсь.

— Ишь ты,— удивился матрос.— Новичок, стало быть? А я-то думал — старослужащий, всю войну отгрохал. Как же так, брат? Такая мировая заваруха обошла тебя стороной?

— В царскую не брали.

— А теперь вот, значит, привелось все же с неприятелем встретиться. Доброволец, что ли?

— Доброволец.

— Ну ничего. Сегодня вот не сробел, так авось и завтра не сробеешь. Дашь им прикурить. Вон ты какой здоровый!

— Страшно в рукопашную идти. Это ведь штыком надо. В живого человека. Даже подумать про такое нельзя...

— Ох, уморил! — захохотал матрос.— Вот это сказанул! Штыком, говоришь? В живого? Ну, не хочешь штыком, дай ему кулаком! Эвон у тебя кулачище-то какой... Дашь раз — он сразу и с копыт долой...

Но, отсмеявшись, матрос вдруг погрустнел и неожиданно сказал:

— Нравишься ты мне, пехота! Мы тут все фигуряем друг перед другом, а ты честно сказал. Страшно, брат! Конечно, страшно штыком в живого-то! Ну да что поделаешь? Только штыком и приходится. Кулаком тут не совладать... Ладно, старина! Не робей! Держись за меня, авось не пропадем...

2

Утром пошли в атаку.

Абдулла старался ни на шаг не отставать от своего матроса.

Противник сопротивлялся отчаянно. Впрочем, сперва Абдулла никаких немцев не видел. Трещал пулемет, раздавались отдельные винтовочные выстрелы. Ухали орудия. С воем и грохотом падали снаряды, взрывая землю перед цепями атакующих красных бойцов.

— Ур-ра-а-а-а! — исступленно кричал молодой матрос, несясь с винтовкой наперевес вперед в своей лихо заломленной бескозырке.

— Ур-ра-а! — хрипел, задыхаясь, Абдулла, стараясь не упускать его из виду. О том, чтобы бежать с ним рядом, нога в ногу, нечего было и мечтать: где ему, старому, поспеть за таким молодцом...

Вдруг впереди, где мелькала знакомая бескозырка, грохнуло. Абдулла инстинктивно отшатнулся в сторону, упал. И сразу вскочил, ища глазами своего матроса.

Но... матроса не было. Только бескозырка, несомая ветром, одиноко катилась вниз, под гору.

Абдулла остановился, озираясь вокруг, пытаясь понять, где же его друг матрос. Убит? Или, может быть, ранен?

Но мимо бежали с винтовками наперевес другие бойцы, и, увлекаемый этим мощным движением, Абдулла ринулся вслед за ними. Ярость и боль захлестнули его. Он уже ни о чем не думал, ничего не чувствовал. Ноги сами несли его все вперед и вперед, изо рта его, раздираемого криком, неслось хриплое, прерывистое, мощное «Ур-ра-а-а-а!».

Впереди мелькнуло алое полотнище.

«Знамя!» — сверкнуло в мозгу. Знамя впереди. Значит, надо туда. И он бежал дальше, стараясь не упускать из виду знамя, как минуту назад он старался не потерять из виду бескозырку своего друга матроса.

Но что это? Знамя вдруг покачнулось, упало.

Раздался отчаянный крик:

— Знаменосца убило!

На секунду в поле зрения Абдуллы попал щупленький паренек-знаменосец. Он лежал на земле, обливаясь кровью, и изо всех сил пытался поднять слабеющими руками древко.

— Знамя вперед! — раздался откуда-то слева звонкий голос командира.

Абдулла подбежал к раненому, выхватил из его рук упавшее знамя, подхватил его, поднял, стараясь, чтобы полотнище развевалось как можно выше, и побежал вперед.

— Ура-а-а! — прокатилось по цепи атакующих красных бойцов.

Они мощной лавиной ринулись вперед, чтобы схватиться с врагом в рукопашном бою. А навстречу им бежали люди в серо-зеленых шинелях, в касках. Секунда — и две шеренги сошлись, сомкнулись, и вот уже не различить, кто где. Только алое знамя реет в вышине, приветствуя своих защитников, зовя и вдохновляя их.

Но вот люди в касках и серо-зеленых шинелях дрогнули. Иные из них полегли прямо здесь, на снегу. А дру-

гие, обороняясь, отстреливаясь, стали медленно отходить назад — туда, откуда пришли. Еще минута-другая, и вот они уже бегут вразброд, кто куда, позабыв о том, что еще недавно составляли стройную воинскую часть, подчиненную строгому порядку и железной воинской дисциплине. Теперь это всего-навсего беспорядочная толпа бегущих, обезумевших от страха людей.

И только тут Абдулла вдруг почувствовал резкую боль в левой руке. Глянул — рукав шинели весь намок от крови. Рука повисла безжизненной плетью.

В пылу боя он даже не заметил, что его ранило.

Рана Абдуллы оказалась нетяжелой. Но от потери крови он совсем обессилел.

В лазарете хирург, извлекая из предплечья пулю, сказал:

— Ну, солдат, отвоевался.

— Как — отвоевался? — не понял Абдулла.

— А вот так. Счастлив твой бог. Демобилизуют.

— Меня нельзя демобилизовать,— сказал Абдулла.— Я не мобилизованный. Я доброволец.

— Бывает, что и добровольцы гибнут. А бывает, что и добровольцев приходится увольнять вчистую,— усмехнулся врач.— С таким ранением я не имею права держать тебя на передовой. Был бы ты помоложе, можно было бы надеяться, что все пройдет бесследно. А так... Что ни говори, тебе ведь уже не тридцать.

— Как же так? — не мог прийти в себя Абдулла.— Я ведь только-только начал воевать.

— Повоюешь в тылу. Война у нас нынче такая, что и там враги найдутся. Так что ты не отчаивайся, дружище. На твой век недругов хватит.

Врач был, как видно, человек веселый. Во всяком случае, за словом в карман не лез.

В Петрограде уже пахло весной. Но настроение у бывшего добровольца Рабоче-Крестьянской Красной Армии Абдуллы Ахметова было совсем не весеннее.

«Ну и дела,— думал он.— Не дай бог мне теперь попасться на глаза моему другу комиссару. Прямо сгорю со стыда. И месяца не прошло, как он провожал меня на фронт. И вот на тебе... Уже отвоевался герой...»

Абдулла живо представил себе, как встречает его молодой мусульманский комиссар, как укоризненно качает головой да приговаривает: «Эх, Абдулла, Абдулла! И как же ты подвел меня, друг Абдулла! А ведь я-то на тебя надеялся...»

От этих мыслей ему стало совсем тошно.

Навстречу по торцовой мостовой проковылял солдат-инвалид на костылях. Правой ноги у него не было,— видно, отхватило снарядом. А может, в лазарете отрезали. Абдулла уже кое-что знал про то, какие бывают ранения на свете. Веселый хирург, который удалял ему пулю, сказал: «Счастлив твой бог, старина! Привезли бы тебя на денек позже — началась бы гангрена, пришлось бы всю руку отнять аж до самого плеча. Так что молчи да радуйся!»

Выходит, ему еще повезло. А вот этому безногому солдатику хуже пришлось. Жаль парня!

А рука... Что ж, рука цела, хоть и на перевязи. Доктор сказал, что это ненадолго. А пока что правая потрудится и за себя, и за свою левую сестру.

Работа для его правой руки скоро нашлась. Вернее, он сам нашел ее. Подойдя к своему дому, Абдулла увидал стайку детей: с веселым писком и гомоном они катались на салазках с ледяной горки, той самой, которую он соорудил для них, уходя на фронт. Горка за это время

стала совсем плоха, и ребятишки, скатываясь с нее, часто падали, катились кубарем, ушибались.

Увидев незнакомого человека в солдатской шинели, детвора разбежалась в разные стороны.

— О-хо-хо,— вздохнул Абдулла, оглядев со всех сторон пришедшую в негодность горку.— Сразу видно, что дом без присмотра остался...

И пошел разыскивать свою старую деревянную лопату.

Лопата оказалась на своем обычном месте — в сарайчике. Скинув вещевой мешок и шинель, Абдулла принялся выравнивать горку. С непривычки работать одной рукой было трудновато, и он быстро устал. «Однако ничего,— подумал он.— Постепенно привыкну. Обойдется».

Подошла крохотная девчурка лет пяти в огромных старых валенках. Долго глядела, как он работает. Потом спросила:

— Дядя Абдулла, тебя на войне ранили?

— Ах ты касаточка моя! — обрадовался Абдулла.— Узнала, значит, дядю Абдуллу! Ну-ка поди ко мне!

Бросив лопату, он присел на корточки, погладил девочку по голове. Потом, развязав свой мешок, вытащил оттуда кусочек сахару, бережно завернутый в бумажку.

— На-ка вот, возьми.

— А что это? — спросила девочка.

— Сахар, доченька.

— Сахар? А на что он нужен?

У Абдуллы невольно навернулись слезы. Сердце защемило от жалости: вот живет на свете маленькое существо, которое даже не знает, что есть такая вкусная хрустящая белая штуковина под названием «сахар».

— Его едят, доченька. Попробуй-ка! Съешь! Он сладкий-сладкий.

Девочка робко взяла кусочек сахару в рот.

— Ну как? — спросил Абдулла.— Вкусно?

Девочка кивнула:

— Вкусно.

— Ну вот, видишь. На-ка еще. Поди домой да поешь всласть. А еще лучше с чаем, с кипятком, с горяченькой водичкой. Поняла?

И он легонько подтолкнул девчонку в спину.

— Спасибо,— прошептала она и пошла, еле передвигая ноги в своих огромных старых валенках.

А Абдулла, повздыхав, взял вещевой мешок, накинул на плечи шинель и отправился в свою каморку.

3

Дулдулович устроился в Петрограде совсем недурно. Деньги у него были. Приехав в столицу, он снял дешевый номер в небольшой гостинице у Московского вокзала. Бродил по городу, приглядывался к людям. Обедал в маленьких дешевых ресторанчиках.

Помня напутствие Алима, он никуда не лез. Затаился. Ждал, когда наконец разыщет его связной с заданием от тех, кто его сюда направил.

Но дни шли, а связной все не появлялся.

Дулдулович стал томиться от вынужденного безделья. Его кипучая натура требовала деятельности.

Однажды, обедая в старом ресторанчике под названием «Чулпан», завсегдатаем которого он успел стать, он увидал на столе газету. Это была «Правда». Дулдулович лениво перелистал ее, ничуть не рассчитывая найти там что-нибудь такое, что представляло бы для него какой-то интерес. И вдруг... В глаза бросилось объявление, а под ним две подписи: «Комиссар Вахитов, Зав. Военным отделом Ибрагимов».

«Эге,— подумал он.— На ловца и зверь бежит... Вахитов... Да ведь это же тот самый Вахитов, о котором у нас в Казани было столько разговоров! Ну-ка, ну-ка, почитаем, про что пишет в газете «Правда» комиссар Вахитов!»

Прочитав текст объявления, Дулдулович удовлетворенно хмыкнул, аккуратно сложил газетный листок и бережно спрятал его в боковой карман.

«Интересно! — думал он.— Очень интересно. Не зря я сказал себе тогда в Казани, что этот господин далеко не так прост, как кажется... Армия!.. Армия — это ведь сила. У кого в руках армия, у того и власть».

Первый его порыв был немедленно идти по этому объявлению на улицу Жуковского, в дом номер четыре, чтобы записаться добровольцем в мусульманскую Красную Армию. С его головой да с его энергией он очень скоро там выдвинется. Надо пользоваться случаем, ловить момент. Ситуация самая подходящая. Именно в такие времена талантливые молодые прапорщики становятся генералами. А там чем черт не шутит! Глядишь, можно попасть и в первые консулы...

Но с другой стороны, Алим ведь предупреждал: не влезать ни в какие авантюры. Приглядываться, изучать. И главное, ждать. Терпеливо ждать связного.

Но до каких же пор можно ждать этого проклятого связного, черт его побери!

А тут еще по городу поползли слухи, что немцы наступают. Положение угрожающее. Поговаривали даже, что спешно сформированные части Красной Армии уже разгромлены и противник вот-вот займет город.

В городе день ото дня становилось все тревожнее. В гостиницах шли обыски. Жить прежней жизнью Дулдуловичу показалось рискованно. Он решил подыскать себе более безопасное жилище.

Подумав, Дулдулович решил отправиться в тот же «Чулпан». В этом ресторанчике, где собирались его единоверцы, он чувствовал себя не так бесприютно. Знакомств, правда, он и там никаких не завязал. Разве можно считать знакомым тщедушного, придурковатого, хромого и лысого старика, который с некоторых пор стал узнавать

его и подобострастно кланяться в надежде на даровое угощение? Дулдулович и впрямь несколько раз угощал его остатками яств со своего стола.

Старика звали Валиулла. Сегодня, как и всегда, он был на своем посту. Завидев Дулдуловича, еще издали стал усердно ему кланяться. Не дожидаясь персонального приглашения, расторопно подсел к нему за столик и на правах давнего знакомого, может быть, даже друга пытливо взглянув в глаза Дулдуловича, почтительно осведомился:

— Что вы сегодня такой грустный, дорогой Эгдем? Уж не заболели ли часом?

— Нет, я здоров. Здоров, как всегда,— сухо ответил Дулдулович. Он не расположен был делиться заботами с этим прощелыгой. Однако, поразмыслив, он изменил свое решение. «Кто знает? — мелькнула мысль.— Может быть, как раз он поможет мне в моем деле...»

А тот все не унимался:

— Вижу, друг Эгдем, какая-то забота вас гложет.

— Забота? Да нет... Так, пустяки,— стараясь казаться беспечным, ответил Дулдулович.— Надоело таскаться по гостиницам. Хочу найти какое-нибудь постоянное жилье. Разумеется, за умеренную плату. Скажу тебе по секрету, друг Валиулла, я ведь не миллионер.

Валиулла подобострастно захихикал.

— Не знаешь ли ты случайно чего-нибудь подходящего?

— И-и, как не знать,— радостно запел Валиулла.— Знаю... Хоть сейчас поведу тебя...

Больше они на эту тему не говорили. Дулдулович заказал еду, выпивку. При виде спиртного у старого пройдохи масляно заблестели глазки. Выпили. И только после третьей рюмки вернулись к обсуждению интересующего обоих вопроса.

— Есть у меня приятель,— издалека начал Валиул-

ла.— Он здесь, слава аллаху, старожил. Много лет в Петербурге живет.

— Понимаю,— кивнул Дулдулович.— Не иначе, этот твой приятель — маклер по найму квартир. Угадал?

— Да нет,— досадливо поморщился Валиулла.— Какой маклер. Он дворник. Всю жизнь дворником работал у богатых людей. Но сейчас его здесь нет. Воюет.

— Мобилизовали?

— Мобилизовали или сам пошел — это нас с тобой не касается. Важно, что его нет, а жилье пустует. Вот я тебя там и поселю.

— А хозяева? С какой стати они меня туда пустят?

— Какие хозяева? Никаких хозяев давно нет. Хозяева бежали. Дом принадлежит народу.

Глазки Валиуллы лукаво заблестели.

— Народу, говоришь? Однако, Валиулла, я вижу, ты большой плут.

— Незнакомого человека, как ты понимаешь, дорогой Эгдем, я бы туда не повел. Но для друга...

— Ну что ж,— кивнул Дулдулович,— поживу пока у твоего приятеля. Это мне подходит. И ты, друг Валиулла, тоже не останешься внакладе.

На том и порешили.

Каморка дворника, в которую привел его Валиулла, Дулдуловичу понравилась. В ней было чисто, уютно. А главное, безопасно. Уж здесь-то его, во всяком случае, никто не потревожит...

А Валиулла исчез. Как сквозь землю провалился. Неделя прошла, другая, а он все не появлялся. Ни в доме, где он поселил Дулдуловича, ни в «Чулпане». Эгдем хотел было уже справиться о своем новом знакомце у хозяина ресторанчика, но раздумал. «Ладно,— решил он.— Никуда не денется. Придет».

Так оно и вышло. Прошло еще несколько дней, и Валиулла как ни в чем не бывало подсел к нему за столик.

— Давно не виделись, друг Эгдем! Ну, как тебе живется на новом месте?

— Спасибо, хорошо. Никто не мешает. Сижу работаю.

— Пишешь свою книгу?

— Да, пишу.

Когда-то давно, чуть не в самый первый день их знакомства, Дулдулович сказал Валиулле, что он писатель.

— А нет ли у тебя такой мысли — в Москву перебраться?

— В Москву? Почему в Москву? — удивился Эгдем.

— Писателю в столице жить надо,— многозначительно сказал Валиулла и даже вроде бы подмигнул при этом: мы с тобой, мол, знаем, о чем говорим. И вовсе не обязательно нам ставить все точки над «и».

— Вот я и живу в столице,— буркнул Дулдулович, не понимая, куда клонит собеседник.

— Нет, дорогой,— покачал головой Валиулла. — Петроград был столицей. До вчерашнего дня. А со вчерашнего дня у нас теперь Москва столица.

— Как — Москва? — удивился Дулдулович.

— Вчера большевистское правительство переехало в Москву,— ответил Валиулла. И, усмехнувшись, добавил: — Газеты читать иногда и писателям не мешает... Вот я и думаю, дорогой Эгдем, что и тебе тоже не мешало бы в Москву перебраться.

— Зачем это, интересно? — подозрительно спросил Дулдулович.

— Это я так, в шутку сказал,— заюлил Валиулла. — Нравится тебе здесь — ну и живи себе на здоровье. Но вот я, например, будь я писателем, непременно перебрался бы в Москву. А ты поступай как знаешь. Твое дело. Ты ведь сам себе хозяин... Верно?..

Вернувшись домой, Дулдулович лег на койку и стал мысленно перебирать этот странный разговор слово за словом, фразу за фразой. Разговор был непростой. Да и Валиулла, очевидно, не так прост, как это показалось поначалу.

«Уж не он ли,— мелькнула мысль,— тот самый связной, которого я ждал все это время?»

Одно было ясно: с Валиуллой надо держать ухо востро, а для начала тщательно продумать всю линию своего дальнейшего поведения.

Эгдем задумался, но размышления его были прерваны в самом начале. Заскрипела дверь, и в комнату вошел высокий солдат в шинели, с вещмешком в руке. Другая рука была у него на перевязи.

— Вам кого? — вскочив на ноги, строго спросил Дулдулович.

— Мне?.. Я...— солдат обескураженно топтался на пороге, не зная, как объяснить свое появление. — Вообще-то я домой... домой пришел,— улыбнулся он смущенно. Ему явно неловко было впрямую сказать человеку, лежащему на его койке, что он тут не гость, а хозяин.

— Ах вот оно что,— догадался наконец Дулдулович, с кем имеет дело. — Ты, стало быть, вернулся? А меня твой дружок Валиулла сюда пустил. На время. Охраняй, говорит, помещение, пока хозяин воюет.

— Да ничего,— сказал солдат и, опустив на пол мешок, сел на табуретку. — Живи на здоровье. Тут и двоим места хватит.

— А ты, значит, с фронта? Ранен, я вижу? На побывку? Или насовсем?

— Насовсем,— махнул солдат здоровой рукой. — Отвоевался...

Эгдем легко завоевал расположение Абдуллы. Тому сразу пришлось по душе, что нежданный постоялец его —

мусульманин, что он легко и свободно говорит на их родном татарском языке.

Они поговорили всласть. Обсудили все новости — и фронтовые, и городские.

— А ты по какой части? Небось служишь где? — спросил Абдулла.

— Я писатель. Книгу пишу,— Эгдем решил строго придерживаться одной версии. — А ты? Как думаешь дальше-то жить? Не век же тебе дворником оставаться.

— Думаю к комиссару пойти, посоветоваться. Пусть он скажет, чего надо делать.

— К какому комиссару?

— Есть такой комиссар. Наш, мусульманский. Он меня знает. Вот к нему и пойду.

— Мусульманский комиссар? Наверно, из Комиссариата по делам мусульман?

— Вот-вот! Он там главный начальник.

— Мулланур Вахитов? — вырвалось у Эгдема.

— Он самый! Тебе, значит, он тоже знаком?

— Да нет. Мы с ним незнакомы. Но я про него много слышал. Как не слыхать! Большой человек. Его все знают.

— Верно, верно,— обрадовался Абдулла. — Верно говоришь, большой человек. Светлая голова. А главное, добрый человек. Справедливый.

— А ты-то его откуда знаешь?

Абдулла подробно рассказал, как он встретился с комиссаром Вахитовым и как тот помог ему.

— Я вижу, он и в самом деле добрый человек, этот твой комиссар,— сказал Эгдем. — Настоящий мусульманин. Знаешь, надо бы и мне тоже поговорить с ним. Посоветоваться.

— Вот и ладно! — обрадовался Абдулла. — Хочешь, давай вместе к нему пойдем? Он и тебе поможет. Службу даст. Ты писатель,— значит, грамоту хорошо знаешь. А грамотные там сейчас ох как нужны!

Наутро новые друзья отправились на улицу Жуковского, в Центральный комиссариат по делам мусульман.

— Комиссар небось меня ругать будет,— сокрушался по пути Абдулла. — «Эх, Абдулла, Абдулла,— скажет. — И как тебя угораздило под пулю угодить. Я-то думал, что ты до самого конца воевать будешь, пока совсем врагов не прогоним!»

— Да нет, что ты,— успокаивал его Дулдулович. — Не будет он тебя ругать. Это ведь не в нашей власти. Один аллах на небе знает, кого убьют, кого ранят, кому жить, кому помирать...

В доме, где располагался комиссариат, было непривычно тихо. Один только сторож сидел со своей колотушкой у подъезда и лениво поглядывал на прохожих сонными белесыми глазами.

— Куда? Куда идешь, мил человек? — окликнул он Абдуллу.

— К Вахитову,— ответил Абдулла. И не без тщеславия добавил: — Комиссар меня знает. Скажи — Абдулла Ахметов спрашивает.

— Да нет его здесь, тваво комиссара,— равнодушно ответил сторож.

— А где же он?

— В Москве.

— Надолго уехал?

— Э-э, мил человек,— сказал сторож. — Отстали вы совсем от жизни. Насовсем уехали. Весь комиссариат в Москву переехал.

— Вместе с правительством? — спросил Дулдулович.

— Ну да... Этот комиссариат — он ведь тоже к правительству относится,— важно подтвердил старик сторож.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

ГЛАВА I

1

В дни, когда большевики собирали все силы истощенной войною страны, чтобы дать отпор кайзеровским войскам, националисты в Казани готовились провести свой съезд и выработать на нем платформу борьбы с ненавистной им Советской властью.

У бывшего депутата Учредительного собрания Алима Хакимова собралось несколько человек. Это были ведущие деятели Харби шуро.

— Друзья! — обратился к собравшимся Алим. — Советы сейчас все свои силы бросили на борьбу с германцами. Более удобный момент нам вряд ли представится. Самое время исполнить вековую мечту нашего народа — провозгласить создание суверенного татарского государства.

— Одно небольшое замечание, дорогой Алим! — прервал его молодой офицер-татарин. — Я бы выразился чуть дипломатичнее.

Лица собравшихся повернулись к офицеру: всем не терпелось услышать, какую поправку хочет он предложить.

— Я предлагаю вести речь о татарском демократическом государстве,— сказал офицер, сделав нажим на слове «демократическом». Улыбаясь, он пояснил свою мысль: — Сейчас у всех на устах это слово — демократия. Его повторяют и те, кто понимает, что оно значит, и те, для кого оно только звук пустой. Но как бы то ни было,

без этого слова сейчас не обойтись. Вот я и считаю, что мы с вами тоже не должны пренебрегать этим словом. Потом, когда власть будет в наших руках, когда независимое татарское государство будет создано, мы это словечко...

Он сделал выразительный жест рукой, как бы перечеркивая крест-накрест в воздухе ненавистное ему понятие, и улыбнулся ослепительной белозубой улыбкой.

Хакимов поморщился: по его мнению, не следовало говорить на эту щекотливую тему так откровенно.

— Само собой, господа,— важно сказал он. — В наш цивилизованный век речь может идти только о демократическом государстве. О каком же еще? Вопрос, который нам предстоит сейчас решить, касается совсем другой проблемы. Мы должны определить раз и навсегда, какую программу будем мы поддерживать. Программу создания единой республики? Или программу создания Урало-Волжских штатов?.. Итак, ставлю на обсуждение этот главный вопрос.

— Разумнее принять программу создания Урало-Волжских штатов,— убежденно произнес Алкин, один из авторов этой программы.

— Верно! — поддержал его офицер. — В конечном счете все решит военная сила. Батальоны вооруженных, боеспособных мусульманских воинов — вот что нам нужно!

— А для этого,— улыбнулся Хакимов,— необходимо как можно скорее объединить всех офицеров-мусульман, верных зову родной крови. Пора, господа, от разговоров перейти к делу. Провозглашение татарского государства, как бы оно ни называлось, нельзя более откладывать ни на один день. Верные люди сообщили нам, что предатели мусульманского народа, Мулланур Вахитов и его приспешники, готовят проект создания большевистской Татаро-Башкирской республики. Мы должны во что бы то ни стало опередить их...

— Смерть этому предателю!
— Смерть! — поддержали остальные.
— Спокойно! Не горячитесь, господа! — поднял руку Хакимов.— Предатели не уйдут от народного суда. А сейчас...

И он снова вернулся к своей главной теме.

Пошумев, собравшиеся приняли решение о создании «железных дружин», которые станут мощной опорой будущего независимого мусульманского государства.

2

Раннее утро. Улицы Казани еще пустынны. Со стороны вокзала к Большой Проломной двигается странная пара. Впереди — высокий, стройный мужчина в длинном пальто с бархатным воротничком и в мягкой шляпе. Однако эта сугубо цивильная одежда не может скрыть его военную выправку. Чуть поодаль от переодетого военного — щупленький, тщедушный, юркий человечек в старой, видавшей виды шубейке. Он то семенит позади своего высокого спутника, не поспевая за его широкими шагами, то, наоборот, суетливо забегает вперед. Этаким странным манером они прошли на горную сторону, спустились вниз, попали на узкую, кривую улочку и юркнули в полуоткрытую калитку.

— Сюда,— сказал тщедушный, пропуская высокого вперед.

— После вас,— возразил высокий, и в этой простой формуле вежливости прозвучал властный тон человека, привыкшего отдавать приказы.

Тщедушный именно так и истолковал слова своего спутника. Молча поклонившись, он прошел вперед, спустился по обветшавшим, разбитым ступеням в подвал, открыл дверь.

— Осторожнее,— предупредил он идущего сзади.— Здесь темно.

— Не беспокойтесь,— ответил тот. — Я все вижу.

Пройдя по длинному темному коридору, они очутились в просторной, хотя и мрачноватой, комнате. Здесь было уже не так темно: верхняя часть узких высоких окон подымалась над уровнем двора и оттуда в комнату проникал тусклый свет серенького, пасмурного утра.

Скудная обстановка жилища состояла из длинного, грубо сколоченного стола и двух табуреток. Впрочем, в глубине, скрытый полутьмой, стоял широкий кожаный диван с высокой спинкой. С дивана навстречу вошедшим поднялся плотный человек с окладистой черной бородой. Черная шевелюра его, некогда густая и пышная, заметно поредела, так что спереди были видны высокие залысины, а на макушке — довольно большая круглая плешь.

— С благополучным прибытием, господин Сикорский,— сказал он, подходя к высокому с радушно протянутой рукой.

— Господин Хакимов? — осведомился тот.

— К вашим услугам.

Сикорский, щелкнув каблуками, наклонил голову и пожал протянутую ему руку.

— Прошу садиться,— сказал Хакимов, гостеприимным жестом указывая на диван.

Сикорский молча поклонился, но приглашения не принял. Он стоял посреди комнаты, держа в руке свою мягкую шляпу, и оглядывался. Хакимов взял у него шляпу, помог снять пальто и повторил еще раз свое приглашение:

— Располагайтесь, прошу вас! Будьте как дома, здесь ваши друзья.

Сикорский едва заметно указал взглядом на своего провожатого. Хакимов, догадавшись наконец, в чем дело, повернулся к тому и сказал:

— Харис, будь добр, поди глянь, все ли спокойно вокруг? Я бы хотел поговорить с нашим гостем без помех.

Харис поклонился и вышел.

— Надеюсь, вы понимаете, господин Хакимов, что наш разговор должен быть совершенно конфиденциальным.

Хакимов кивнул. Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

— Итак? — не выдержал наконец Хакимов.

Сикорский, откашлявшись, начал:

— Я уполномочен сообщить вам, господин Хакимов, что патриотические силы России осведомлены о ваших намерениях и полностью поддерживают ваши поиски решения мусульманского вопроса.

— Патриотические силы... Это несколько туманно. Кем конкретно вы уполномочены, господин Сикорский?

— Я говорю с вами от имени видных деятелей Учредительного собрания.

— Учредительное собрание? Разве оно еще существует?

— Видные деятели Учредительного собрания, по поручению которых я к вам прибыл, собираются в Поволжье, где сейчас особенно ощутимо наше влияние. Мы намерены объединить усилия всех антибольшевистских сил, чтобы успешно бороться с Советами.

— Отлично,— улыбнулся Хакимов. — Каковы же ваши планы?

— Планы разрабатываются. Суть же сводится к тому, что мы намереваемся покончить с большевизмом летом этого года.

— И какая роль в этом предприятии предназначена нам?

— Ваши «железные дружины»...

— Вот как? Вы уже осведомлены о них?

— Как видите... Так вот, вашим «железным дружинам» предстоит стать одной из ударных сил в борьбе с большевиками.

— Само собой. Но мы должны иметь гарантии.

— Какие?

— Вы должны поддержать идею создания суверенного татарского государства.

— Этот вопрос обсуждается.

— Я понимаю, что по этому вопросу могут возникнуть разногласия,— сказал Хакимов, поглаживая бороду и прикрыв глаза, чтобы не выдать своих чувств. — Однако хотелось бы знать, скажем, ваше личное мнение.

— Скажу откровенно,— ответил Сикорский. — Я кадровый офицер русской армии. Мой идеал — великая, единая, неделимая Россия. Но идеалы идеалами, а реальность реальностью. Российской империи больше нет. Потеряно многое... Короче говоря, если вы нам поможете, мы безоговорочно примем ваши условия о создании суверенного татарского государства.

— Приятно иметь дело с умным человеком,— улыбнулся Хакимов. — Могу ли я надеяться, что ваши коллеги разделяют ваше мнение по этому вопросу?

— Многие разделяют.

— Это люди влиятельные?

— О да! Особенно я надеюсь на уполномоченного по делам мусульман.

— Кто это?

— Вряд ли его имя вам что-нибудь скажет. Впрочем, тут нет секрета: его зовут Август Петрович Амбрустер.

3

Чтобы скрепить договор, Хакимов решил продемонстрировать Сикорскому одну из образцовых «железных дружин».

Наутро, усевшись в самую обыкновенную извозчичью пролетку, они отправились в мусульманские кварталы за реку Булак.

Командиры «образцовой дружины» еще с вечера были предупреждены о визите важного гостя. Они позаботились,

чтобы их боевые отряды имели воинственный и бравый вид.

Солдаты были выстроены ровными шеренгами, как на параде. Все в ладных, хорошо подогнанных шинелях. На шапках зеленые полумесяцы. У командиров — зеленые нарукавные повязки с белыми полосками. У каждого солдата в руках винтовка, на боку сабля.

— Дружина, смирно! — раздалась команда.

Сикорский и Хакимов вылезли из пролетки. Навстречу им, бодро чеканя шаг, двинулся молодой командир с тонкими щеголеватыми усиками. Отдав рапорт, он повел гостей вдоль шеренги замерших по стойке смирно солдат.

— Молодцы! Молодцы! — приговаривал Сикорский. — Настоящие мусульманские воины! С такими можно горы своротить...

Хакимов улыбался.

После смотра боевых отрядов прошли в штаб дружины, где собрались командиры.

— От имени патриотических сил России я приветствую вас, славные мусульманские воины! — торжественно произнес Сикорский. — Я уполномочен вести с вами переговоры о совместных выступлениях против Советов. Буду рад услышать, чем мы можем быть вам полезными.

— Людей у нас хватает,— сказал командир «образцовой дружины». — А вот с оружием плохо.

— Как — плохо? — удивился Сикорский. — У всех солдат винтовки самого последнего образца.

— Господин офицер,— возразил командир дружины. — Вы не хуже меня знаете, что в современной войне винтовка — это еще не все. Нужны гранаты, броневики. Нужна артиллерия.

— Подумаем, подумаем,— уклончиво ответил Сикорский.

— Скажите прямо, сможете вы нам помочь вооружением? — настаивал командир.

Сикорский почувствовал, что уклониться от ответа не удастся.

— Безусловно, господа! — решительно сказал он. — Обещаю вам, что в самом недалеком будущем у вас появятся и свои броневые отряды, и своя артиллерия.

4

Второй Всероссийский мусульманский военный съезд в Казани начал свою работу еще в начале января.

Большевики согласились участвовать в работе съезда, предполагая, что руководители Харби шуро трезво оценивают реальную расстановку сил в стране и на открытую провокацию не пойдут. Кроме того, они считали тактически правильным не бойкотировать деятельность Харби шуро, а дать националистам открытый бой с трибуны съезда. Губернский комитет партии и руководители губкома приняли решение послать на съезд своих представителей.

Большевистская фракция съезда выработала свою платформу и согласовала ее с губкомом. Обстановка была накалена до предела, и ораторам-большевикам приходилось нелегко.

Настоящую бурю вызвало выступление на съезде большевика Якуба Чанышева, представляющего совет военных комиссаров округа.

— Братья! — обратился он к солдатам, сидящим в зале. — Хочу, чтобы вы вспомнили, как офицеры и генералы Временного правительства гнали вас в наступление в июне прошлого года. Сколько было сказано красивых слов, сколько произнесено горячих речей! А что из этого вышло? Что получил от наступления трудовой народ? Слезы вдов и сирот, десятки тысяч погибших и изувеченных солдат. И все это лишь для того, чтобы фабриканты и помещики продолжали обогащаться. Вот я и спрашиваю вас: хотите вы, чтобы это повторилось снова? Если не хотите, подумайте, за кем вам идти. За теми, кто спит и видит, как бы им вашими руками задушить Советскую

власть, или за большевиками, которые защищают интересы трудового народа!

— Долой! — зашумели в президиуме, где сидели руководители Харби шуро.

— Хватит пропаганды!

— Гнать с трибуны этого большевистского прихвостня!

— Вон отсюда русских шпионов!

Но в зале запротестовали.

— Пусть говорит!

— Просим!

— Требуем!

И Чапышев продолжал говорить:

— Партия большевиков дала крестьянам землю, солдатам и их семьям — мир, всем угнетенным народам — свободу и независимость. Вот почему я призываю вас идти за большевиками!..

Выступления на съезде — это была лишь малая часть огромной разъяснительной работы, которую проводили в эти дни большевики. Члены большевистской фракции съезда выступали перед рабочими на митингах, объясняли им, в какую пропасть тащат их демагоги-националисты, готовые плясать под дудку мусульманской буржуазии.

Особенно успешно проходила разъяснительная работа среди рабочих Алафузовской фабрики. Собравшись на многолюдный митинг, рабочие-мусульмане, выслушав выступления представителей левой фракции Второго Всероссийского мусульманского военного съезда, единодушно вынесли резолюцию:

«Путь мусульманского военного съезда должен быть только один — путь революционного пролетариата. Никакого соглашательства ни с мусульманской, ни с русской буржуазией...»

Шейнкман сидел неподвижно, опершись локтями о стол и вцепившись пальцами в свою густую черную шевелюру.

Со стороны его поза являла вид глубокого отчаяния. Но люди, привыкшие к повадкам Якова Семеновича, хорошо знали, что эта мрачная неподвижность свидетельствует лишь о напряженной работе мысли.

Положение в городе, однако, было такое, что впору было и впрямь прийти в отчаяние.

Но Шейнкман не отчаивался. Он размышлял.

Несмотря на то что большинство рабочих-мусульман высказалось в поддержку Советов, в Казани было неспокойно. Город полнился слухами о предстоящем выступлении Харби шуро против Казанского Совдепа. Обыватели шушукались:

— Вот-вот начнется резня!

Шейнкман понимал, что кто-то умело подогревает и направляет молву. Необходимо принять чрезвычайные меры, чтобы пресечь всю гнусную провокационную болтовню. Но какие? Дать опровержение в газете? Смешно!

Вошел Ольkеницкий.

— Яков Семеныч! Сейчас звонил Саид-Галиев. Он едет на митинг в Алафузовский район. По пути заглянет к тебе. У него вроде какая-то идея...

Сахибгарея Саид-Галиева Шейнкман не только успел хорошо узнать за это время, но и от души к нему привязался. Сахибгарей — настоящий большевик-ленинец. Горячее сердце и холодная, ясная голова. И оратор прекрасный. Интересно, что за идея у него родилась?

Сахибгарей не заставил себя ждать. Он ворвался к Шейнкману в кабинет, как всегда легкий, быстрый, стремительный. Военная форма без погон сидела на нем как-то особенно ладно.

— Хорошо, что вы оба здесь,— заговорил он с ходу. — У меня идея по поводу всех этих провокационных слухов.

— Ну, ну? — оживился Шейнкман. — Интересно! Что же ты предлагаешь?

— Хочу повторить весь этот бред с трибуны перед

рабочими и солдатами да послушать, что они скажут. Не играть больше в молчанку, не делать вид, будто никаких таких слухов нету и в помине, а вскрыть, что называется, этот гнойник...

— Правильно! — Шейнкман обнял Сахибгарея за плечи и слегка потряс. — Пусть все выскажутся! И те, кто верит слухам, тоже.

— А потом, когда все выскажутся,— посоветовал Олькеницкий,— дашь этой болтовне четкую, принципиальную оценку.

— Я не сомневаюсь, что рабочие и сами сумеют дать отпор провокаторам,— сказал Шейнкман.

— Будь уверен,— улыбнулся Сахибгарей. — Кое-кому нынче придется солоно!

Успех этого плана превзошел все ожидания.

Едва только Сахибгарей заговорил с трибуны о ползущих по городу слухах, из толпы рабочих раздались голоса:

— Кое-кому, видать, выгодно, чтобы мы резали друг друга!

— Ясное дело! Хотят натравить нас друг на друга, а под шумок опять прибрать все к рукам!

— Не выйдет!

Почувствовав, что он найдет здесь полную поддержку, Саид-Галиев решил сразу поставить все точки над «и».

— Я вижу, друзья,— заговорил он,— мне не придется растолковывать вам, чьих рук это дело. Вы уже сами смекнули, что к чему. Контрреволюционная буржуазия нарочно распускает злостную клевету, чтобы вызвать кровавое столкновение, братоубийственную резню между русскими и мусульманскими солдатами, рабочими и крестьянами. Буржуазия стремится, утопив нас в братской крови, похоронить власть Советов, нашу с вами рабоче-крестьянскую власть.

По предложению Сахибгарея Саид-Галиева собравшиеся приняли резолюцию, в которой потребовали, чтобы «лица, распускающие провокационные слухи, были арестованы и преданы суду революционного трибунала».

О митинге рабочих и солдат Алафузовского района город узнал мгновенно. Сахибгарей стал одним из самых популярных делегатов съезда. Когда через несколько дней на съезде председательствующий объявил, что слово предоставляется делегату от солдат-мусульман Уральской области Сахибгарею Саид-Галиеву, в зале поднялась настоящая буря. Но не только друзей стало больше у Сахибгарея за эти дни. Прибавилось у него и врагов.

— Я выступаю здесь,— начал он свою речь,— от имени солдат-мусульман девяти гарнизонов Урала. В настоящее время в нашем батальоне насчитывается тысяча семьсот солдат-мусульман. Мы получили для батальона пятьсот японских винтовок. У нас полностью упразднены офицерские звания, все военнослужащие равны между собой. Мы назвали его «Первый Уральский мусульманский революционный батальон».

Эту последнюю реплику Сахибгарей произнес, словно бы ненароком обернувшись лицом к президиуму съезда. В ней звучало откровенное предупреждение: «Посмейте только выступить против нашей рабоче-крестьянской власти! Весь батальон, как один человек, встанет на защиту завоеваний революции!»

Когда он сходил с трибуны, страсти накалились до предела. Некоторые делегаты свистели, топали ногами. Руководители Харби шуро, сидящие в президиуме, обменивались презрительными усмешками. Но простые солдаты в зале шумно аплодировали Саид-Галиеву, провожали его восторженными криками:

— Молодец, Сахибгарей!

— Мы с тобой, друг!

Так постепенно демократическое крыло солдат-мусуль-

ман стало отделяться от инициаторов созыва съезда. Пропасть между представителями правых партий и солдатской массой становилась все глубже. Когда в Брест-Литовске были окончательно сорваны переговоры о мире, лидеры мусульманской буржуазии стали открыто призывать участников съезда изгнать из своих рядов всех большевистски настроенных делегатов.

Мириться с таким положением больше было невозможно. Вопрос об отношении к съезду в связи с участившимися провокационными выступлениями правых был поставлен на чрезвычайном заседании губкома. В обсуждении участвовали члены левой фракции съезда.

Камиль Якубов, представляющий Казанский мусульманский комиссариат, предложил, чтобы левая фракция немедленно покинула съезд.

— Не исключено,— сказал он,— что нам придется принять чрезвычайные меры.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Шейнкман.

— Закрыть эту говорильню,— отрезал Камиль.

Шейнкман и сам прекрасно понимал, что другого выхода, по-видимому, нет. Город стоит перед прямой угрозой вооруженного выступления националистических элементов, открытым форумом которых стал мусульманский съезд.

— Мы делали все, чтобы образумить распоясавшихся националистов,— продолжал Камиль. — Но сейчас уже все видят, что словами делу не поможешь. Настала пора действовать.

— Итак, что ты предлагаешь? — устало спросил Шейнкман.

— Повторяю: прежде всего всем левым уйти со съезда. Но перед этим принять декларацию фракции большевиков о причинах нашего ухода. Огласить эту декларацию, и только потом начать действовать, чтобы правые не орали потом, что мы нанесли им предательский удар в спину.

— Я целиком поддерживаю это предложение,— сказал Якуб Чанышев. — Съезд стал опасным гнездом контрреволюции, пора с ним покончить.

— А как обстоит дело с 95-м полком? — спросил Шейнкман у Саид-Галиева. — Нет опасности, что солдаты вернутся в казармы?

95-й мусульманский полк, расквартированный в Казани, был главной военной опорой правых. В последнее время большевики предприняли героические усилия, чтобы нейтрализовать полк, и частично распустили его.

— Этот вопрос можно снять с повестки дня,— уверенно ответил Сахибгарей. — Демобилизация прошла успешно, а та часть солдат, которая осталась в казармах, полностью поддерживает нас.

Олькеницкий тоже был за предложение Якубова. В результате большевистская фракция приняла решение покинуть съезд. Декларация фракции большевиков гласила:

«Созванный Всероссийским мусульманским военным шуро II Всероссийский мусульманский военный съезд в первые же дни своего заседания ярко показал свою политическую физиономию, выразившуюся в узконациональном движении и определенном настроении против рабоче-крестьянской власти... Мусульманские «интеллигенты», при случае прикидывающиеся русскими, называющие себя Иваном, Петром, Александром и т. д., на этом съезде превратились в самых ярых националистов и, прикрывшись этой маской, повели определенную политику — политику разжигания национальных страстей и явного похода против рабоче-крестьянской власти... Съезд, опьяненный национальным угаром, может привести к кровавому столкновению мусульманской демократии с русской.

Поэтому фракция большевиков не может больше оставаться на съезде и, покидая его, заявляет, что резолюции, вынесенные съездом после 17(4) февраля, не считает для себя обязательными».

Огласив на съезде эту декларацию, фракция большевиков покинула контрреволюционное сборище.

Казанский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов объявил о создании революционного штаба по охране города и губернии и соблюдению в них революционного порядка. Чтобы предотвратить кровопролитие, было принято решение арестовать главарей контрреволюции — братьев Алкиных, Музафарова и Токумбетова.

ГЛАВА II

1

Ади Маликов в короткое время стал незаменимым помощником Муллануры, его правой рукой. Муллапур в шутку называл его своим начальником штаба.

Когда Центральный комиссариат по делам мусульман вслед за другими правительственными учреждениями переехал в Москву, Ади остался в Петрограде. Во-первых, надо было сдать по списку всю мебель, принадлежавшую комиссариату. Но кроме того, у него было еще одно, гораздо более важное дело — разобрать и переправить в Москву архив. Хотя срок жизни и деятельности комиссариата был еще очень невелик — всего-то, как говорится, без году неделя,— архив успел скопиться порядочный. На разборку его ушло дней десять. Хорошо еще — он догадался попросить Муллануры, чтобы тот оставил ему в помощь Галию, а то, пожалуй, и за три недели не управился бы. Но все сборы были уже позади: нужные материалы аккуратно подшиты в папки и уложены в ящики, ненужные сожжены. И сегодня Ади с Галией в последний раз должны были прийти в бывшее помещение комиссариата, чтобы опечатать ящики и отправить их на вокзал.

Подходя к дому четыре по улице Жуковского, где еще недавно размещался их комиссариат, они издали увидели двух людей, оживленно о чем-то беседующих со стариком

сторожем. Один из них был худой, высокий, в солдатской шинели,— видно, инвалид: левая рука у него болталась на перевязи. Другой — плотный, упитанный, добротно одетый, моложавый.

«Что за люди? — подумал Маликов.— Что им тут надо?»

Увидав Галию, инвалид обрадовался ей, как родной.

— Красавица ты моя! — кинулся он к ней. — Вот не повезло, так не повезло! Хотел комиссару нашему доложить, как наши братья мусульмане воюют за свою власть, а комиссара-то, оказывается, и нет! Уехал...

Галия, приглядевшись, узнала солдата.

— Абдулла-бабай, это ты? На улице встретились бы — ни за что бы не узнала. Совсем молодой стал. Тебя ранило, что ли? Да как же это?

Она познакомила Абдуллу, а заодно и его спутника (это был Эгдем Дулдулович) со своим начальником. Все четверо прошли в кабинет Маликова, где прямо на полу лежали приготовленные к отправке ящики с архивом.

— На днях буду в Москве, увижу комиссара Вахитова, обязательно расскажу ему про встречу с тобой, Абдулла! — сказал Ади.

— Скажи, что мусульманские солдаты, которых комиссар записал добровольцами, воюют хорошо, не посрамят его доброго имени.

— Обязательно скажу, все скажу. Вот только бы мне с этим делом поскорее разделаться! — он ткнул носком сапога в один из ящиков.

— А что за дело? — осторожно спросил Дулдулович.

— Да это архив наш, надо в Москву его переправить.

Дулдулович попробовал поднять ящик.

— Ого! — сказал он. — Однако солидный у вас архив. Одному тут, пожалуй, не справиться.

— Что вы! Одному никак невозможно. Думаю попросить из комендатуры красногвардейца в помощь. Да и охрана нужна. Как-никак все-таки архив.

— Хо! — сказал Абдулла. — Зачем комендатура? Какая тебе еще нужна комендатура? Абдулла тоже красногвардеец. Не хуже всякого другого. Моя правая рука, слава аллаху, еще работает. Не волнуйся, друг! Абдулла все сделает!

— Не хотелось бы мне тебя утруждать,— покачал головой Ади. — Ты воевал, заслужил отдых. А ведь это, я тебе доложу, работенка — будь здоров!

— И слушать не хочу! — обиделся Абдулла. — Делать мне тут все равно нечего. Не спорь, дорогой, хочешь ты или не хочешь, я еду с тобой в Москву.

— В самом деле,— поддержал его Дулдулович. — Зачем вам бегать, хлопотать об охране? Абдулла — человек надежный, вы его знаете. Я тоже собираюсь в Москву. Так что вы и на меня можете рассчитывать.

Поколебавшись, Ади Маликов решил принять предложение своих новых знакомцев.

2

Они выехали на следующий день утренним поездом.

Как-то так сразу вышло, что Ади Маликов общался всю дорогу с Абдуллой, предоставив Дулдуловичу беспрепятственно ухаживать за Галией.

Абдулла рассказывал другу своего любимого комиссара о том, как он воевал, как его ранило, каким веселым человеком был оперировавший его хирург. А Дулдулович тем временем старался расположить к себе девушку, завоевать ее доверие.

Будучи человеком неглупым, он понимал, что грубая ложь тут не годится: у женщин ведь особое чутье на неправду. И он довольно удачно слепил вполне правдоподобную версию о себе, состоявшую примерно на одну четверть из чистой правды и на три четверти из самой беспардонной лжи.

Рассказывал Дулдулович хорошо, складно. Многое для Галии было тут в новинку, и слушала она его раскрыв рот.

— Родом я из литовских татар,— рассказывал он. — А предки мои были выходцами из Крыма. Наконец-то после долгих лет унижения мой народ пробудился от вековой спячки! — с подкупающей искренностью говорил Дулдулович. — Я верю, что именно сейчас будет создана независимая мусульманская республика со столицей в Казани. Поэтому я и пришел к большевикам. Ведь большевики — это единственная политическая партия, которая обещает свободу всем народам, которые были угнетены царизмом.

— А почему вы думаете, что столицей будет именно Казань? — спрашивала Галия, опуская тяжелые ресницы.

— Казань — древний великий город, к которому тянутся сердца всех мусульман. И не случайно человек, которому самой историей суждено возглавить это великое движение, родом из Казани.

— Это вы про кого говорите? — не поняла Галия.

— Про Мулланура Вахитова. В Казани кругом только и разговоров, что о комиссаре Вахитове. Я понял, что это человек выдающийся. И моя давняя мечта — познакомиться с ним, а если удастся — работать под его непосредственным руководством.

Мудрено ли, что Галия всей душой потянулась к этому человеку, такому искреннему, так горячо и преданно любящему свой народ. А главное, с таким восторгом говорящему про того, кто и по сей день оставался ее кумиром.

Подчиняясь гипнозу речей Дулдуловича, она мысленно дала себе слово, что сделает все возможное, чтобы Мулланур понял и оценил по заслугам этого замечательного человека, нового ее друга.

Москва ослепила Мулланура солнцем, оттепелью, голубым небом. Пахло весной, ярко блестели лужи, из-под колес извозчичьих пролеток летела грязно-бурая снежная жижа.

Все здесь было не так, как в Петрограде. Грохотали и оглушительно звенели трамваи. Трамвайные рельсы разбегались во все стороны, спускались вдоль зубчатой Китайгородской стены, петляли, выныривая из всех близлежащих улиц, и кружным путем возвращались вспять, к Кремлю. По обе стороны Охотного ряда тянулись низкие дома, сплошь занятые лавками и складами. Пахло рыбой, прокисшей капустой, гнилью. Охотнорядские молодцы в синих суконных поддевках, перетянутых малиновыми кушаками, нахваливали свой товар...

В Москве Центральный комиссариат по делам мусульман разместился уже не в пяти комнатах, а в отдельном здании. В распоряжение комиссариата был выделен двухэтажный особняк с мезонином, который, строго говоря, можно было считать третьим этажом. Были, кроме того, и весьма обширные подвальные помещения.

Особняк был старинный, с шестью колоннами по фасаду, глядящему на набережную. Стоял он в Замоскворечье, сравнительно недалеко от Кремля. К дому примыкал двор, окруженный высоким забором: там можно было обучать новобранцев, будущих бойцов мусульманской Красной Армии.

До революции дом принадлежал купцу Солодовникову. А еще раньше, в прошлом веке, в нем жил известный русский композитор Алябьев.

И вот волею революции старый барский особняк стал центром революционных мусульман всей России.

В подвальном помещении устроили типографию. На первом этаже расположились кабинеты. На втором — кабинеты и жилые комнаты. Здесь же был и кабинет комис-

сара Вахитова; телефон прямым проводом связывал его с Кремлем.

В Москве Муллануру пришлось работать больше, чем в Петрограде. Непосредственно комиссариатских дел сразу прибавилось, да еще появились всякие бытовые хлопоты: надо было устраиваться на новом месте, добывать жилье для служащих и рабочих типографии.

Одним из важнейших дел стало создание народных мусульманских школ. До революции все обучение мусульман было отдано на откуп духовенству. Несмотря на декрет Советской власти об отделении церкви от государства и школы от церкви, в школьном образовании мусульман роль священнослужителей была очень велика.

Мулланур писал проект декрета о новых мусульманских школах, когда в дверь постучали.

— Войдите,— сказал он, не подымая головы от бумаг.

Дверь распахнулась, и в кабинет вихрем ворвался Ади Маликов. Да не один. Следом за ним вошел еще кто-то, удивительно знакомый. Ну и ну!.. Да ведь это же его «крестник», Абдулла!.. Какими судьбами он здесь оказался? Ведь он же воюет где-то там, под Петроградом... Вот это сюрприз!..

3

Абдулла не мог усидеть на месте. Он ходил по комнате из угла в угол и рассказывал, рассказывал, рассказывал... Сам-то он, правда, воевал недолго. Но повидать кое-что все-таки успел. Вот, скажем, в лазарете. Сколько там было у него интересных встреч, сколько новых знакомств! И что ни встреча, что ни знакомство, то ведь целая история. Чтобы пересказать все эти истории, кажется, и суток не хватит.

Мулланур слушал Абдуллу с живейшим интересом.

И был от души растроган, когда Абдулла, повернувшись к нему и прижав руку к груди, сказал:

— Сколько раз я там вспоминал тебя, комиссар! И сам вспоминал, и людям повторял те слова, что ты говорил нам тогда, в мечети...

Мулланур подошел к Абдулле, обнял его за плечи. Хотел, как видно, что-то сказать, но в это время зазвонил телефон, стоявший в углу, в небольшой куполообразной нишке.

— Извини, друг.— Тень заботы легла на лицо Мулланура.— Это Кремль вызывает.

Он быстро подошел к телефону, взял трубку:

— Комиссар Вахитов слушает... Да, Владимир Ильич...

Сразу стало так тихо, что казалось — все, кто был в комнате, перестали на время дышать.

— Хорошо, Владимир Ильич,— говорил тем временем в трубку Мулланур.— Я понял. Завтра же отправлю. Есть, не сомневайтесь. Надежные люди у нас есть... Спасибо, Владимир Ильич... Да, конечно! Непременно буду держать вас в курсе всех событий...

Мулланур положил трубку, задумчиво постоял около телефона. Потом подошел к дивану, где сидели друзья, и молча подсел к ним.

— Ленин? — спросил Маликов.

Мулланур кивнул.

— Ленин? — не мог прийти в себя от изумления Абдулла. Он знал, что его молодой друг комиссар Вахитов — большой человек, большой начальник. Но он и помыслить не мог, чтобы тот так вот запросто разговаривал по телефону с самим Лениным.

— Что, Мулланур, неприятности какие-нибудь? — понизив голос, спросил Ади.

— Да все по поводу событий в Казани. В последние недели националисты там подняли голову. Стали создавать свои военные отряды, так называемые «железные

дружины». Алкин и Туктаров уже в открытую говорят о независимом татарском государстве. Даже название придумали: «Идель-Урал штаты».

— А-а, вот, значит, для чего им нужны эти «железные дружины»!

— Конечно. Они прекрасно понимают, что без мощной военной силы все разговоры о независимом государстве — пустая болтовня.

— Так надо скорее действовать! Послать туда войска, разгромить гнездо контрреволюции, а дружины эти чертовы разоружить!

— Я тоже так думал. Но Владимир Ильич посоветовал не спешить с военной силой. Он считает, что рабочий класс Казани достаточно силен, чтобы справиться с алкиными, туктаровыми, максудовыми и всей этой компанией. В Казани достаточно крепких большевиков, настоящих ленинцев. Сахибгарей Саид-Галиев, Камиль Якубов, Садык Ахтямов, Якуб Чанышев, Гали Касимов, Хасан Урманов, Вали Шафигуллин... Не говоря уже о таких опытных руководителях, как Шейнкман и Грасис...

— Шейнкман — твердый ленинец. А вот Грасис...

— Ты все никак не можешь забыть его февральское письмо во ВЦИК и СНК?

— Ну да... Ведь он в этом письме ни мало ни много требовал немедленного прекращения мирных переговоров с Германией!

— Да, товарищ Грасис ошибался. Но это вовсе не значит, что мы на этом основании должны отказать ему в своем доверии.

— Что же ты предлагаешь? Пустить дело на самотек? Сидеть и ждать у моря погоды?

— Ни в коем случае! Надо помочь казанцам надежными людьми. Об этом как раз и просил сейчас Владимир Ильич.

— Давай я поеду! — загорелся Ади.

— Нет, только не ты. Ты будешь нужен здесь. Не забывай, что здесь нас тоже ждут большие дела. Надо готовить Положение о Татаро-Башкирской республике. Надеюсь, ты поможешь мне в этом деле?

— О чем ты говоришь! День и ночь готов работать.

Абдулла, до сих пор молча слушавший не слишком ему понятный разговор, наконец отважился вставить словечко.

— Я все думаю,— сказал он,— какое великое дело вы затеяли... Да поможет вам аллах!.. А еще я думаю: может, и для старого Абдуллы найдется какая-нибудь работа? Очень хочу, чтобы от меня тоже польза была...

Мулланур задумался.

— Спасибо тебе, Абдулла, мой старый верный товарищ,— взволнованно сказал он.— Найдется, безусловно, найдется работа и для тебя. И очень нужная, очень важная работа... В Казань поехать хочешь?

— Если надо, не только в Казань — на край света готов поехать!

— Отлично, Абдулла! Готовься в дорогу. Прямо завтра и выедешь.

— А что я там буду делать?

— Я поручаю тебе очень важное, ответственное задание. Понимаешь, брат, сдается мне, что в эти самые «железные дружины» не только убежденные враги Советской власти записываются. Думаю, немало там людей обманутых. Вот и надо им, друг Абдулла, открыть глаза. Объяснить, что к чему, на чьей стороне правда. Приедешь в Казань — свяжешься с нашими товарищами. Адреса мы тебе дадим. Они помогут тебе найти путь к этим самым «железным дружинникам». Ну, а потом уж будешь действовать по собственному разумению. Только гляди не торопись. Будь осмотрительным. Расскажешь им все, что вот только что нам рассказывал. Про то, что видел в Петрограде, в Москве. Про Ленина... Короче го-

воря, учить тебя не буду: сам сообразишь... А нам доложишь, что вышло из всех твоих разговоров. Ну как? Понял?.. Договорились?

— Понял, комиссар! Все сделаю, как ты говоришь. Такая работа мне в самый раз!

— Ну вот и ладно.— Муллanур подошел к Абдулле, положил руки ему на плечи, заглянул в самые глаза.— Помни, брат: я на тебя надеюсь!

ГЛАВА III

1

Из Казани приехал в Москву Олькеницкий. Дел в Москве у него было невпроворот, но сразу же по приезде он отправился в Центральный комиссариат по делам мусульман, к Вахитову.

Сердце Муллanура екнуло радостно и одновременно тревожно, когда, выглянув в окно, он увидал знакомую фигуру Олькеницкого. Не удержавшись, он выбежал ему навстречу. Друзья обнялись, долго хлопали друг друга по плечам. Потом, уже не торопясь, поднялись в рабочий кабинет комиссара.

— Ну, рассказывай! — сказал Муллanур, когда они остались одни.

— Губком все еще пытается договориться с руководителями Харби шуро.— Олькеницкий начал с того, что больше всего волновало его самого.— Изо всех сил пытаемся мирно разрядить сложную политическую обстановку. Но пока из этого ничего не выходит. Боюсь, что тут стена.

— Не скрою,— сказал Муллanур,— у нас тут, в комиссариате, сложилось мнение, что настало время ликвидировать эту, окончательно скомпрометировавшую себя,

контрреволюционную организацию. Как смотрит на это Казанский губком?

— Шейнкман говорил мне, что у вас зреет такое радикальное решение. Мы с ним обсуждали этот вопрос. Честно говоря, мы считаем, что пока этого делать не следует. Губком и Казанский Совдеп все-таки еще надеются мирно разрядить обстановку. Но, конечно, окончательное решение проблемы Харби шуро остается за вами. Если Центральный комиссариат по мусульманским делам...

— Ну а лично ты как считаешь? — перебил его Мулланур.

— Лично я,— медленно, взвешивая каждое слово, сказал Олькеницкий,— лично я на вашем месте не торопился бы с крутыми мерами. У Харби шуро сейчас под ружьем десять тысяч бойцов. Мы ведем среди этих солдат активную пропаганду, разъясняем им политику нашей власти по нацвопросу. Короче говоря, считаем неправильным решать национальный вопрос при помощи штыка.

— Да,— задумчиво сказал Муллануp.— Мы тоже так считаем. Однако...

Он не договорил.

Друзья помолчали. Каждый понимал, о чем думает собеседник. Слова были не нужны.

— Сейчас мы конференцию готовим,— заговорил Муллануp.— Первую Всероссийскую конференцию рабочих-мусульман. Собственно, подготовительную работу уже закончили. Связались со всеми прогрессивными мусульманскими организациями. В подготовке этого форума мусульманского пролетариата свободной России приняли участие мусульманские социалистические комитеты Москвы, Петрограда, Казани, Уфы, Перми. Были у нас в комиссариате делегации рабочих-мусульман Самары, Архангельска, Коканда. Десятки заводов и фабрик России одобрили наш план. Выразили желание принять участие

в конференции такие организации, как общество мусульманских приказчиков, демократический союз мусульманских женщин...

Мулланур так увлекся рассказом о подготовке конференции, что даже не сразу вспомнил, почему вдруг решил заговорить на эту тему.

— К чему это я? — перебил он себя.— А-а... Я хотел сказать, что это вопросы тесно связанные. Решения конференции, как нам кажется, сыграют огромную роль в разрешении национального вопроса среди татар и башкир. Я думаю, что конференция окончательно выбьет почву из-под ног контрреволюционных руководителей Харби шуро.

— Пожалуй, — согласился Олькеницкий. — Однако было бы очень важно еще до начала конференции опубликовать Положение о Татаро-Башкирской республике.

— У нас все готово,— сказал Мулланур. Достав из ящика стола тоненькую папку, он вынул оттуда перепечатанный на «ундервуде» текст Положения и протянул его Олькеницкому.

Приблизив листок к глазам, тот медленно стал читать Положение о Татаро-Башкирской Советской республике:

«1. Территория Южного Урала и Среднего Поволжья объявляется Татаро-Башкирской Советской республикой Российской Советской Федерации.

2. Определение границ производится на основе проекта башкирских и татарских революционных организаций: вся Уфимская губерния, башкирские части Оренбургской и Казанской губерний (за исключением чувашско-черемисской части) и прилегающие мусульманские части Пермской, Вятской, Симбирской и Самарской губерний. Окончательно границы устанавливаются Учредительным съездом Советов республики.

3. Политические и экономические взаимоотношения

западной части республики и Башкирдистана определяются Учредительным съездом Советов Татаро-Башкирской республики.

4. Организация комиссии по созыву Учредительного съезда Советов поручается Татаро-Башкирскому комиссариату Наркомнаца».

Дочитав до конца, Олькеницкий спросил:

— За чьей подписью думаете публиковать?

— За подписями наркома по делам национальностей, комиссара по делам мусульман внутренней России, членов Комиссариата и секретаря Комиссариата по делам национальностей.

— Стало быть, у вас все готово? Почему же не публикуете?

— Текст Положения уже довольно давно лежит в Наркомнаце,— замялся Мулланур.— Считают, что в нем есть какие-то неувязки.

— А что, если я попробую поговорить с ними?

— Это было бы отлично.

Прощаясь, Олькеницкий сказал:

— Мулланур Муллазянович! Я знаю, у тебя в комиссариате людей не густо, каждый человек на счету. Но уж больно тревожно сейчас там, на местах. Может, все-таки пошлете в Уфу, в Казань, в Оренбург своих товарищей? Тех, кто уже завоевал авторитет среди мусульманского населения... Ну да, в общем, ты сам знаешь кого. Не мне тебя учить...

В тот же день после короткого совещания в комиссариате из Москвы выехали на места Манатов, Ибрагимов и Маликов. Манатов отправился в Оренбург, Ибрагимов — в Уфу, Маликов — в Казань.

Положение о Татаро-Башкирской Советской республике было опубликовано 22 марта 1918 года и вызвало бешенство всех врагов Советской власти. Особенно неистовствовали приверженцы имперских идеалов российской

политики, величавшие себя защитниками единой и неделимой России. Они вопили, что большевики занялись разбазариванием исконных российских земель, что великая Россия будет раздроблена на множество мелких государств, нежизнеспособных и потому заранее обреченных на гибель.

Это была хорошо продуманная попытка дезориентировать, сбить с толку молодую общественную мысль революционной России.

Но попытка эта натолкнулась на твердую волю большевиков, на их несокрушимую веру в правильность избранного ими политического курса.

Отношение большевистской партии к этой острой проблеме было сформулировано Владимиром Ильичем Лениным в его речи на Первом Всероссийском съезде военного флота:

— Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики,— говорил в своем выступлении Владимир Ильич,— но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций.

2

После опубликования в печати Положения о Татаро-Башкирской Советской республике в здании Центрального комиссариата по делам мусульман открылась Первая Всероссийская конференция рабочих-мусульман.

Повестка дня конференции была очень широкая: доклад о деятельности Центрального мусульманского комиссариата, об отношении к программе большевистской партии, о народном просвещении и профессиональном движении и другие животрепещущие вопросы.

Конференция утвердила эту, предложенную комиссариатом, повестку дня, тем самым выказав полное доверие Центральному комиссариату по делам мусульман как главной руководящей силе представительного мусульманского форума.

Муллануp собирался выступать с докладами по двум наиболее важным вопросам: о Татаро-Башкирской республике и о текущем моменте. Тезисы обоих выступлений были давно готовы, но он собирался нынче вечером еще разок проглядеть их, внести последние дополнения, поправки.

Однако заняться тезисами ему не пришлось.

Нежданно-негаданно приехал из Казани Набиулла Вахитов, привез не шибко радостные, тревожные вести.

— Контрреволюционные силы в Казани выступили с ультимативным требованием, чтобы единственным законным выразителем воли мусульманского народа было признано Харби шуро,— сообщил он.

— В комиссариате,— сказал Муллануp,— давно зреет решение о ликвидации Харби шуро. Хотелось бы знать, Набиулла, твое мнение.

— Давно пора! — горячо отозвался Набиулла.

— Только что здесь был Ольккеницкий. Он советовал нам с этим не торопиться.

— Он уже уехал?

— Да, вчера.

— Жаль. Не хотелось бы обсуждать этот вопрос без него. Понимаешь, Муллануp, в последние дни обстановка накалилась до крайности. Шуристы проводят открытые демонстрации. Главари их сперва были арестованы, но после того, как они дали слово, что будут держаться лояльно по отношению к Советской власти, мы их выпустили. Однако слова своего они не сдержали... Сейчас положение в высшей степени тревожное... Поверь мне, они готовят крупную авантюру.

— А что думают об этом казанские большевики, Шейнкман?

— Перед самым отъездом в Москву я слушал выступление товарища Шейнкмана перед рабочими Алафузовской фабрики. Он прямо сказал, что рабочий класс должен решительно отмежеваться от этой националистической организации, что пришла пора действовать смелее и энергичнее. В том же смысле высказался на этом митинге и Сахибгарей Саид-Галиев. Харби шуро надо распустить, Муллануp,— жестко сказал Набиулла.— От этого трудящиеся мусульмане только выиграют.

В тот же вечер Муллануp связался по прямому проводу с Шейнкманом и высказался за немедленную ликвидацию Харби шуро.

— События толкают и нас к такому решению,— ответил Шейнкман.— Однако последнее слово, я считаю, тут должно быть не за Казанским Совдепом, а за Центральным комиссариатом по делам мусульман.

В ту же ночь Муллануp сел писать декрет о ликвидации Харби шуро.

«Всероссийское военное бюро и связанные с ним организации и окружные комитеты и всякие другие военные организации, под каким бы наименованием они ни значились, настоящим упраздняются.

Все дела, документы, имущества, капиталы передаются в распоряжение местных мусульманских советских комиссариатов, кои ответственны перед Комиссариатом по делам мусульман внутренней России при Народном комиссариате по делам национальностей.

Лица, виновные в расхищении имущества во время ликвидации означенных комитетов, будут преданы суду революционного трибунала.

Всякие самочинные организации, являющие попытку

вырвать власть из рук мусульманских комиссариатов при совете, объявляются контрреволюционными и подлежат немедленной ликвидации».

Утром собрался комиссариат, и декрет, написанный Муллануром, был принят без единой поправки.

ГЛАВА IV

1

Казань встретила Абдуллу резким, колючим ветром и запахом гари.

Заглянув в бумажку, врученную ему перед отъездом в комиссариате, Абдулла двинулся по указанному в ней адресу. Но не успел он сделать и десяти шагов, как в глаза ему бросились густые клубы черного дыма.

«Вот откуда гарью-то тянет»,— подумал Абдулла. И тотчас же до него донеслись истошные женские вопли:

— Пожар!

— Помогите, люди добрые!

— Гори-им!

Абдулла мгновенно кинулся на зов. Сказался многолетний опыт: как-никак он ведь столько лет был дворником. Пожар — это было по его части.

Горела небольшая деревянная пристройка во дворе, примыкающая к невысокому двухэтажному кирпичному дому. Одна стена флигеля уже завалилась. Языки пламени лизали кровлю.

Рядом с горящим зданием стояла обезумевшая старуха татарка. В отчаянии она рвала на себе волосы и кричала во весь голос:

— О, интешлер! Люди добрые! Помогите! О, аллах!

Увидав Абдуллу, она упала перед ним на колени:

— Внуки! Там!.. Мой Гумер! Моя Гюльниса! Спаси их, добрый человек! Век буду за тебя аллаха молить!

Размышлять да расспрашивать было некогда, надо

было действовать. Напрямую через огонь было не пробиться: вот-вот рухнут стропила и тогда уж все будет кончено. Никого он не спасет, только сам погибнет.

Абдулла решил попытаться проникнуть в дом с другой стороны: там вроде пламя было потише. Увидав небольшое слуховое окошко, из которого валил густой черный дым, он здоровой рукой ухватился за раму, подтянулся и с трудом протиснулся внутрь. Удушливый дым сразу забил ему нос, рот, глаза.

За свою долгую жизнь Абдулла всего навидался. Случалось ему принимать участие и в тушении пожаров. Он знал, что дети в таких случаях чаще всего гибнут не от ожогов. Испугавшись огня, они забиваются куда-нибудь в уголок, под кровать, за шкаф, и там задыхаются от дыма.

— Дети! Где вы? Гумер! Гюльниса! — закричал он изо всех сил.

Ему показалось, что он слышит плач ребенка.

Стараясь не дышать, он пополз по полу, отбрасывая скамейки, табуретки и прочую рухлядь. Ага!.. Вот и кровать!.. Так и есть: детский плач слышен оттуда.

— Гумер! — изо всех сил закричал Абдулла.— Ты там один? А где Гюльниса?

— Это я, Гюльниса,— всхлипнул тоненький детский голосок.— Гумер тоже здесь, но он молчит.

— Не бойтесь! — крикнул Абдулла.— Не бойся, Гюльниса! Держись за меня!

Подняв девочку, он прижал ее к груди раненой рукой, которая могла уже довольно свободно двигаться, а здоровой — правой — потянул к себе мальчугана. Тот лежал не шевелясь.

«Неужто задохся?» — мелькнула мысль. Но раздумывать не было времени. Прижимая девочку к груди, он подхватил мальчонку под мышку и шагнул прямо в огонь.

Горячее дыхание пламени на миг опалило его. Но тут же он увидел спасительный проем окна, а там, за окном, благодатную белизну снега. Собрав последние силы, Абдулла с трудом взгромоздился на подоконник и, не выпуская из рук своей ноши, тяжело рухнул прямо в глубокий, рыхлый снег.

К нему подбежал невесть откуда появившийся мужчина. Следом семенила давешняя старуха, радостно причитая:

— Гюльниса! Гумер! Родные мои! Живы!

У Абдуллы кружилась голова. Хотелось пить. Опасаясь, как бы не потерять сознание, он лег прямо в сугроб и стал изо всей силы тереть лицо снегом...

Очнулся Абдулла уже не на снегу, а в доме. Вокруг него хлопотали какие-то женщины. Они наперебой предлагали ему чай, благодарили, ахали, охали, причитали...

— Мальчонка жив? — спросил Абдулла, как только к нему вернулся дар речи.

— Живо-ой! — радостно откликнулся мужчина, видно тот самый, что кинулся к нему, когда он лежал на снегу.— Спасибо тебе, добрый человек! Кабы не ты, погибли бы мои детишки. Не видать бы мне их больше. Навек погас бы очаг моего дома... Пусть аллах воздаст тебе сторицей за твою доброту!

Погорельца звали Ильяс. Он, как и Абдулла, до революции служил дворником у богатых людей. После революции господа сбежали, а Ильяс остался без работы. Тогда он нанялся к богатому торговцу-татарину.

— Понятно,— сказал Абдулла.— Нынче, стало быть, когда пожар начался, ты на работе был?

— Какое там,— ответил Ильяс.— Мы уж, почитай, целую неделю не работаем.

— Так где же ты тогда прохлаждался-то? — удивился Абдулла.— Вот так штука! У человека дом горит, а он гуляет невесть где!

— Скажешь тоже, «невесть где»! — обиделся Ильяс. — Я не гулял, милый человек! Я в своем отряде находился.

— В каком еще отряде?

— В нашей образцовой железной дружине. Учение у нас было. Нас бомбы кидать учили.

— Так ты, стало быть, дружинник? — изумился Абдулла.

— У нас тут сейчас каждый мусульманин дружинник,— важно ответил Ильяс.— А ты, милый человек, разве не дружинник?

Однако, задав этот вопрос, он тут же стукнул себя кулаком по лбу.

— Прости, дорогой! Это я так, сдуру спросил. Не надо мне ничего про тебя знать. Не хочу слыть дурным человеком...

У татар не принято расспрашивать гостя, кто он такой, откуда и куда идет. Захочет — сам скажет. А не захочет, значит, так тому и быть.

— Почему же? Я скажу. Все тебе про себя расскажу, дорогой Ильяс. У меня никаких секретов нету,— отвечал Абдулла.— Нет, брат, я не дружинник. Я только что в Казань из Москвы приехал.

— Из Москвы? — удивился Ильяс.— Каким же ветром тебя занесло к нам, в нашу Забулачную?

— Забулачную? — Теперь настал черед Абдулле удивляться.— Что это значит — Забулачная?

— Так называется наша Татарская слобода.

— А почему ты удивился, что меня сюда занесло? Разве к вам сюда трудно попасть?

— Так ведь наша Забулачная со всех сторон окружена войсками Советов!

Мало-помалу Абдулла начал понимать.

Вся центральная часть города, деловые районы, кремль — все это контролировалось Казанским Советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. А в той

части города, что находится за рекой Булак (потому и зовется она «Забулачная»), закрепились шуристы со своими «железными дружинами».

— Неужто у вас там, в Москве, ничего про это не знают? — удивлялся Ильяс.

— Почему же, знают. Муллапур мне об этом говорил,— признался Абдулла.

— Мулланур? Какой Мулланур?

— Мулланур Вахитов. Это он послал меня в Казань.

— Тот самый Вахитов? Мусульманский комиссар?

— Ну да.

— Так ведь он же большевик! Советам продался!

— Кто продался?! — вспыхнул гневом Абдулла.— Комиссар Вахитов продался?

— Погоди, погоди,— вдруг цепким, чужим взглядом посмотрел на него Ильяс.— Да ты сам-то кто? Уж не большевик ли?

— Нет, я не большевик,— сказал Абдулла. Он уже остыл немного, вспомнив наказ Мулланура быть осмотрительным и не горячиться.— Я в партию не записывался, да и никто меня туда пока не звал. Но в Красной гвардии служил. В мусульманском батальоне.

— В мусульманском? — вытаращил глаза Ильяс.— Да разве в Красной гвардии есть такие?

— А как же! Созданы по указанию самого товарища Ленина.

— Постой,— ошалело сказал Ильяс.— А Вахитов этот — он разве за Ленина?

— А как же! Его Ленин и комиссаром назначил!

— Ничего не понимаю! — в отчаянии вцепился себе в волосы Ильяс.— Про Вахитова мне верные люди сказали, что он предатель, злейший враг всех мусульман. Советам продался. А Ленина я уважаю. Ленин стоит за бедняков, за нашего брата рабочего...

«Ну и каша у него в голове, у бедняги! — подумал Абдулла.— Ленина уважает, а Советскую власть клянет!»

И опять ему вспомнились слова Мулланура о темных людях, которых буржуи обманом завлекли в свои «железные дружины». Видно, этот Ильяс как раз из таких.

И тут с Абдуллой прямо какое-то чудо случилось. Он заговорил, да так, словно не метлой да лопатой орудовал весь свой век, а был ученым муллой, прочитавшим тысячи святых книг и весь век учившим детей в медресе. Откуда только нашлись у него слова! Всю свою жизнь пересказал он Ильясу. И про то, как хозяин выгнал его на улицу, и про то, как встретился ему молодой мусульманский комиссар, как решил он записаться в мусульманский отряд и пойти на фронт сражаться за свою, рабочую власть, и про то, какой удивительный телефон стоит в маленькой нише в кабинете комиссара Вахитова и по этому телефону звонит ему сам Ленин и подолгу с ним разговаривает.

Незаметно промелькнул вечер, настала ночь. Где-то рядом шушукались женщины, они хлопотали по хозяйству, вздыхали о сгоревших вещах, судили да рядили, как им теперь построить новое жилье,— не век же обременять семью сестры Ильяса, приютившую их после пожара. А речь Абдуллы все лилась и лилась, не умолкая. И Ильяс так заслушался, что совсем позабыл о несчастье, постигшем его и его семью.

— И ты сам слышал, как комиссар Вахитов разговаривал с Лениным? — не переставал изумляться он.

— Вот этими самыми ушами! Аллахом тебе клянусь! — отвечал ему Абдулла.— Телефон зазвонил, Мулланур взял большую трубку и сказал — негромко так, вот как мы с тобой сейчас говорим: «Здравствуйте,— сказал,— товарищ Ленин Владимир Ильич». И долго разговаривал прямо при мне, не стесняясь. У него с Лениным от нас, простых

рабочих людей, нет никаких секретов. А под конец он ему так сказал: «Не волнуйтесь, товарищ Ленин Владимир Ильич. Есть у меня как раз такой человек, Абдулла зовут его. Абдулла — человек надежный, он все сделает, как вы сказали».

Потом пришел черед Ильясу говорить, а Абдулле слушать.

— Когда открылся съезд, мы все были рады. Наконец-то, подумалось, все у нас пойдет на лад. Если уж большевики решили принять участие в съезде, значит, Советы и Харби шуро, слава аллаху, помирились и теперь войне конец, настанет спокойная, мирная жизнь. Но Советы повели себя худо, очень худо. Наши дружно выступали против них, ругали их. Ну а если тебя ругают, надо терпеть: зря ведь ругать не станут. А они слушать не захотели. Обиделись. Прочли какое-то письмо и ушли. Показали, что совсем нас не уважают. А потом арестовали наших вождей...

— Каких еще вождей?

— Самых уважаемых у нас людей. Братьев Алкиных, Токумбетова, Музафарова...

— Никак я в толк не возьму,— удивился Абдулла.— Как это ты, бедняк, купцов толстопузых своими вождями зовешь, да еще уважаемыми людьми их называешь? Я на них нагляделся. Двадцать лет служил верой и правдой, а меня потом коленкой под зад...

— Постой! Так ведь этот хозяин твой был чужак, ты сам говорил. А это наши. Свои. Татары... Такие же мусульмане, как мы с тобой.

— Татарин, русский, немец. Не все ли одно, если у него денег полный кошель, а ты гол как сокол. Богач бедняку не может быть братом.

— Э-э нет, друг! Это все не так. Что ни говори, одна кровь. А русские хотят прогнать нас с нашей земли, в Турцию выселить.

— Это кто ж тебе такую глупость сказал? Я, слава аллаху, воевал бок о бок с русскими. И мы с ними были как братья родные. Вместе сражались за то, чтобы не было больше на свете богатых и бедных, чтоб все были равны...

«Ну и каша у него в голове, у бедняги, ну и каша! — все повторял про себя Абдулла.— Этак мы, пожалуй, до самого утра проговорим!»

Но им не суждено было в ту ночь закончить этот разговор. Внезапно раздался громкий стук в оконную раму, послышались чьи-то резкие, властные голоса. Распахнулась дверь. На пороге стояли двое. В руках у них были винтовки.

— А ну побыстрее! Еле тебя разыскали. На месте твоего дома одни головешки. Хорош! Нечего сказать! Нашел время лясы точить.

— Да что случилось-то? — недоумевал Ильяс.

— Командир приказал срочно собрать всех наших!

И только тут они обратили внимание на Абдуллу.

— А ты кто такой?

— Это мой гость,— выступил вперед Ильяс.— Его мне нынче сам аллах послал. Он моих детишек от гибели спас.

— Ладно, чем языком болтать, собирайся лучше поживее,— одернул его один из пришедших.— Мусульманин? — обернулся он к Абдулле.

— Да, я татарин.

— В какой дружине?

— Я не дружинник,— сказал Абдулла.

— Какого дьявола! — заорал тот в ответ.— Мусульманин в такое тревожное время не имеет права отсиживаться около бабьих юбок! Сейчас все правоверные мусульмане — дружинники. Каждый, кто способен носить оружие. А ну собирайся! Пошли!

— Как это собирайся? Куда? — не мог прийти в себя от изумления Абдулла.

— Собирайся, собирайся, тебе говорят! Не был дружинником, так будешь! У нас тут военное положение.

— Как можно! Ведь он же гость,— вновь попробовал вмешаться Ильяс.

— Молчать! — властно оборвал его тот из пришедших, который, судя по всему, был старшим по званию.— Взять его! — обернулся он ко второму.

Тот молча положил руку Абдулле на плечо.

Делать было нечего: Абдулла неторопливо поднялся и молча двинулся вслед за Ильясом. Дружинники шли сзади, время от времени подталкивая его прикладами своих винтовок.

2

Казармы образцовой «железной дружины» размещались в бывших торговых рядах. Туда и привели Абдуллу с Ильясом.

Дружинники сидели, разбившись на небольшие группки. Одни молчали, другие тихо перебрасывались короткими фразами. Но были и такие, что вели себя шумно,— их явно пьянил предгрозовой воздух этой томительной ночи.

Особенно петушился низкорослый крепыш с белыми нашивками на рукаве.

— Нас десять тысяч! — выкрикивал он, тараща глаза.— Десять тысяч железных мусульманских бойцов! Наконец-то мы создадим наше великое, свободное татарское государство!

Ильяс и Абдулла примостились поближе к двери.

Ильяс ворчал вполголоса.

— А еще называют себя правоверными мусульманами... Да где же это видано, чтобы гостей не уважать!

— Нынешней ночью все будет кончено! Решается

наша судьба! Выше головы! Нас десять тысяч! — продолжал надрываться пучеглазый.

— Так ведь и у большевиков тоже сила порядочная,— отозвался голос из группы дружинников.

— Что нам большевики! — обернулся к нему оратор.— К утру от них и мокрого места не останется! Схватка будет горячая, многие из нас не увидят рассвета. Но за свободу надо драться, никто вам ее не поднесет на блюдечке. За свободу надо платить кровью, ребята!

— Аллах! — сказал вполголоса немолодой дружинник, сидящий рядом с Абдуллой.— А что будет с моими детьми, если меня убьют? Их ведь у меня пятеро!

— А с моими что будет? — поддержал его Ильяс.— Дом сгорел. Все сгорело. Да еще если кормильца убьют, совсем пропадут, горемычные! По миру пойдут...

— Пусть этот крикун вперед идет, ему, вишь, крови своей не жалко! — сказал тот, у кого было пятеро детей.

— Как бы не так,— злобно ответил Ильяс.— До дела дойдет — он сразу сзади окажется, а вперед нас с тобою погонят.

— Аллах! Что же нам делать? Так вот и погибать ни за что ни про что? — снова запричитал многодетный отец.

— Слушай,— обернулся Ильяс к Абдулле.— Ты ведь из Москвы, от самого Вахитова, посоветуй, как нам быть? Очень уж не хочется сирот оставлять.

— Кто из Москвы? — удивился отец пятерых детей.

— Я,— сказал Абдулла.

— Да как же ты сюда попал?

Абдулла рассказал, как приехал в Казань, как, едва сойдя с поезда, стал невольным свидетелем пожара, случившегося в доме Ильяса, как вытащил из огня его детишек, как они сидели ночью в доме сестры Ильяса и мирно беседовали, как ворвались дружинники и чуть не силой притащили их сюда.

— Постой, ты нам зубы не заговаривай,— оборвал его коренастый татарин с бородкой, в которой поблескивала седина.— Ты про комиссара Вахитова расскажи. Для какой такой надобности он тебя сюда послал?

— Я слыхал,— сказал отец пятерых детей,— что комиссар Вахитов прислал в Казань отряд матросов с броневиками. На помощь Казанскому Совдепу.

— Так ты, стало быть, из этого отряда? — спросил у Абдуллы бородатый.

— Нет, я сам по себе,— ответил Абдулла.— Про отряд даже и не слыхал. Отряд, видать, уже после меня послали. Но если это тебе правду сказали про матросов, тогда я вам, братцы мои, не завидую.

— Это почему же?

— Матросы — народ отчаянный. С ними воевать не дай бог!

— Аллах! Что же будет! — снова запричитал многодетный отец.

— Могу дать хороший совет,— сказал Абдулла.

— Какой совет? Ну?! Давай, говори! — послышалось со всех сторон. К их разговору, оказывается, уже прислушивались многие.

— Сложите оружие. Сдайтесь Советам.

— Да ты что! Свои же расстреляют... Большевики еще неизвестно, а уж эти точно не помилуют.

— Кто «эти»? Про кого ты говоришь?

— Как — про кого? Про командиров наших, будь они прокляты!

— А вы их арестуйте,— сказал Абдулла.

— Страшные слова говоришь,— сказал бородатый и испуганно отошел в сторону.

— Как же, арестуешь их! — приуныл и отец многодетного семейства.— Вмиг укокошат... Я и то удивляюсь, что мы с тобой такой разговор ведем, а еще до сих пор живы.— Он понизил голос и наклонился к самому уху

Абдуллы.— Тут ведь каждый третий — шпион!.. Зря ты с ними так откровенно...

И он тоже отошел в сторону. Абдулла остался один. По правде говоря, ему стало как-то неуютно от этих слов бородатого. Обстановка военная, если узнают, какие советы он тут дает образцовым железным дружинникам, церемониться с ним не будут.

Однако время шло, а его пока никто не тревожил.

Перед рассветом около Абдуллы опять очутился бородатый. На этот раз он был не один, привел с собой товарища — совсем молоденького светловолосого паренька.

— Это Ахмет,— сказал он.— Я его привел, потому что у него газета.

— Какая газета? — удивился Абдулла.

— Русская газета. А там приказ.

— Чей?

— Приказ Комиссариата по мусульманским делам.

— Московского?

— Да нет, нашего, казанского. У нас тут тоже такой комиссариат есть, при Казанском губсовдепе.

— Ну-ка давай ее скорее сюда, твою газету! — обернулся Абдулла к юноше.

— Вот,— ткнул тот пальцем, старательно распрямляя на колене клочок измятого, оборванного по краям газетного листа.

— Только потише,— предупредил бородатый.

Абдулла взял газету и медленно, чуть не по складам стал читать:

— «Комиссариат по мусульманским делам при Казанском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являясь единственным выразителем воли организованного мусульманского пролетариата, считает невозможным далее терпеть существование в городе Казани вооруженных контрреволюционных банд, свивших свое гнездо в татарской части города и прикрывающих фра-

зами о национальном самоопределении свою буржуазную сущность...»

Абдулла оглядел сгрудившихся вокруг него людей. Все они смотрели ему прямо в рот. Лица их выражали напряженную работу мысли, боязнь пропустить какое-нибудь важное слово. «Ишь как слушают,— подумал он.— Да и немудрено: тут ведь вся их жизнь решается...»

Бережно расправив измятый газетный листок, с трудом разбирая слова в белесой предрассветной мгле, он стал читать дальше:

— «Комиссариат по мусульманским делам предлагает центральному штабу районов милиции и «железным дружинам» не позже, чем по истечении 4 часов с момента получения настоящего постановления приступить к сдаче оружия (пулеметов, винтовок, патронов, штыков, гранат и т. п.), как розданного мусульманской буржуазией по рукам, так и находящегося в складах татарской части города, и выдать главарей организаторов «железных дружин» комиссариату. Оружие должно сдаваться в военный отдел комиссариата (улица Лобачевского, дом Стахеева). В случае неисполнения или какого-либо отступления от настоящего приказа комиссариат по истечении указанного здесь срока приступит к разоружению татарской части города («Забулачной республики»)».

— Это они в насмешку нас так прозвали,— пояснил Ильяс.— После того как наши провозгласили независимую татарскую республику.

— Я так и понял,— кивнул Абдулла.

— Ладно тебе, давай дальше!

— Дальше читай! — послышалось со всех сторон.

И Абдулла поспешно стал читать:

— «Ответственность за возможные последствия комиссариат возлагает на «железные дружины» и на центральный штаб районов милиции Татарской слободы, как главного организатора контрреволюционных сил. Мусуль-

манский комиссариат предупреждает мусульманскую часть города, что в его распоряжении имеется достаточное количество вооруженной силы, артиллерии, пулеметов и пехоты, которые по первому приказу готовы исполнить свой революционный долг и не остановятся ни перед чем в случае, если со стороны штаба районов милиции последует отказ выполнить ультиматум».

Дочитав до конца, Абдулла медленно сложил газету. Все молчали.

— Крепко написано,— выразил общее настроение Ахмет.

— Да, видать, шутить с нами не собираются,— мрачно подтвердил Ильяс.

— Что же нам делать-то, братцы? Вот попали, так попали! Что ж нам теперь делать? — повторял, лихорадочно озираясь по сторонам, бородатый.

— Я ведь вам уже сказал, что делать,— напомнил Абдулла.— Сдаваться надо. Другого выхода у вас нет.

3

Утром отряд, в котором невольно оказался Абдулла, подняли по тревоге и вывели к реке. За мостом, на другом берегу Булака, уже стояли броневики с пулеметными стволами, нацеленными в сторону «Забулачной республики»,— это занял позицию тот самый отряд матросов, присланный из Москвы Муллануром Вахитовым, о котором шептались давеча в казарме.

Командир образцовой «железной дружины» выстроил своих бойцов побатальонно и поротно, как на параде, и молодцеватой походкой, покручивая свои залихватские усики, прошелся перед строем.

— Смелее, ребята! Выше головы! — бодро покрикивал он. — Чего сто́ят броневики против таких молодцов! Пусть только сунутся к нам эти хваленые русские матросы.

Мигом сомнем их и опрокинем в реку, рыбам на корм!

— Как бы нам самим не отправиться туда, рыбок кормить,— уныло проворчал стоявший рядом с Абдуллой дружинник. Лица других «молодцов» тоже не выражали уверенности и бодрости духа. Но как бы то ни было, все держали строй, безропотно подчинялись команде своих офицеров, и со стороны, надо полагать, «образцовая дружина» являла вполне боеспособный и даже довольно грозный вид.

Внезапно в отряде матросов возникло какое-то движение. Появилась одинокая фигура человека в штатском. Размахивая белым флагом, человек этот уверенно двинулся через мост.

— Стой! Куда! — заорал усатый командир дружинников и кинулся навстречу парламентеру, размахивая наганом.— Стой, говорят! Стрелять буду!

— В парламентера? — усмехнулся человек с белым флагом. И, не обращая внимания на беснующегося командира, обратился прямо к дружинникам: — Не стреляйте, друзья! Я к вам!

Командир дружинников, видя, что момент упущен, решил сделать вид, что он все-таки, несмотря ни на что, остается хозяином положения.

— Ладно,— сказал он.— Стань здесь. Дальше ни шагу, а то буду стрелять! Говори, зачем прислали тебя большевики?

— Товарищи! Друзья! — продолжал парламентер, не обращая ни малейшего внимания на командира, словно его здесь и не было.— Я говорю с вами от имени Центрального комиссариата по делам мусульман, по поручению комиссара Вахитова!

Голос парламентера показался Абдулле ужасно знакомым.

— Аллах! — пробормотал он, не веря собственным глазам.— Да ведь это же Ади!

— Кто? — спросил Ильяс.— Ты его знаешь, что ли?

— Это Ади! Ади Маликов! Друг Мулланура... Помнишь, я говорил тебе, как Мулланур по телефону с Лениным разговаривал?

— Ну помню,— нетерпеливо ответил Ильяс. Он никак не мог взять в толк, какая связь между рассказом Абдуллы про телефонный разговор комиссара Вахитова с Лениным и тем, что происходит сейчас.

— Ну как же! Ведь это он тогда как раз был у Мулланура. Ну когда Муллануру сам Ленин звонил. Нас там трое было: Мулланур, Ади, а третий — я.

— И он тоже слышал, как Ленин разговаривал с комиссаром Вахитовым про наши мусульманские дела?

— Конечно! Он же не глухой. Каждое слово слышал.

Ади Маликов тем временем уже подошел вплотную к дружинникам. Голос его окреп, зазвучал громче, увереннее.

— Друзья мои! Братья-мусульмане! — говорил он.— Меня послал к вам Мулланур Вахитов, наш мусульманский комиссар! Он сам здешний, из Казани. Такой же мусульманин, как мы с вами. Товарищ Вахитов просил передать вам, что Советская власть — не враг вам. Недавно в советских газетах было опубликовано Положение о Татаро-Башкирской Советской республике. Скоро соберется Учредительный съезд Советов этой республики. Уже создана комиссия по созыву съезда. Создана она Центральным комиссариатом по делам мусульман, тем самым комиссариатом, во главе которого стоит товарищ Мулланур Вахитов. Я спрашиваю вас, братья мои: зачем же нам с вами воевать? Из-за чего проливать братскую кровь? Вас обманули! Вы подло обмануты богачами, купцами и их приспешниками. Бросайте оружие и расходитесь по домам! Советская власть не сделает вам ничего плохого! Советская власть — ваша власть!

— Замолчать! — опомнился наконец командир «образцовой дружины». Размахивая наганом, он подскочил к Ади Маликову.— Заткнуть ему глотку! Взять его! Ну! — грозно обернулся он к строю дружинников.

Из строя вышли двое и, клацая затворами винтовок, двинулись к Ади Маликову.

Строй дрогнул, словно от порыва ветра, но не распался. Еще секунда, и Ади уведут. Может быть, даже убьют.

Абдулла почувствовал, что настал решающий, переломный момент. Ждать больше нельзя ни секунды. Чем бы это ни кончилось для него, надо действовать. Иначе он никогда уже не сможет открыто и смело поглядеть в глаза своему молодому другу-комиссару, который дорог ему, как сын.

Выхватив из рук Ильяса винтовку, Абдулла вышел из строя и, подбежав к Ади Маликову, стал рядом с ним.

— Назад! — крикнул он, нацелив винтовку на дружинников, собиравшихся схватить Ади.— Назад, собаки! Арестовать человека, который пришел к вам без оружия, с белым флагом?! А ну назад! Стрелять буду!

Не ожидая ничего подобного, дружинники в растерянности остановились. Абдулла, воспользовавшись этим коротким замешательством, крикнул, обернувшись к строю солдат:

— Братья! Это ведь наш человек! Я хорошо его знаю! Его послал к нам Муллануp Вахитов, а Муллануpа просил об этом сам Ленин. Я слышал это своими ушами! Аллахом клянусь!

— Взять их обоих! — истерически взвизгнул командир. И, не дожидаясь, пока его команда будет выполнена, вытянул вперед руку с наганом, целясь прямо в лицо Абдуллы.— Я тебя своей рукой...— выкрикнул он.— Предатель!.. Своей рукой!.. Как бешеного пса!..

К командиру подскочил Ильяс и изо всей силы стукнул кулаком по его руке. Наган упал на землю.

— А-а, бунт! — озираясь по сторонам, прохрипел командир.— Измена! Измена-а! — заорал он и со всех ног кинулся к казармам.

Но убежать ему не дали. Выскочили из строя Ахмет и тот бородатый татарин, что давеча привел Ахмета к Абдулле. Они быстро, словно по команде, схватили командира за руки повыше локтей. Тот тяжело дышал, но вырваться из их железных объятий даже не пытался.

Строй дружинников окончательно рассыпался.

На мост тем временем вступали колонны моряков. А со стороны центра шли к Булаку с красными флагами, с пением «Интернационала» отряды революционных рабочих Казани.

Дружинники стали отстегивать сабли, кидать их на землю, втыкать винтовки штыками прямо в снег.

Теперь уже всем было ясно, что дни «Забулачной республики» сочтены.

ГЛАВА V

1

В Москве Дулдулович устроился лучше, чем в Петрограде. Начать с того, что его сразу взяли на службу, да как раз туда, куда он больше всего стремился. В Центральном комиссариате по делам мусульман была постоянная нужда в людях. Конечно, просто так, что называется, с улицы человека не взяли бы. Но ведь он был не с улицы: о нем самым лучшим образом отозвались и Абдулла, и Галия, и даже Ади, которому Дулдулович сразу понравился своей энергией и деловитостью.

В Комиссариате он занимался снабжением, формированием отрядов, помощью приезжавшим в столицу из губерний мусульманам-ходокам.

Дулдулович решил поначалу все силы положить на то, чтобы войти в доверие, как можно лучше вжиться в свою роль. Это ему удалось сравнительно легко. Он быстро и четко выполнял все, что ему поручалось. Находить общий язык с самыми разными людьми было ему не в новинку, это он умел всегда. Он довольно скоро стал чуть ли не всеобщим любимцем. Да, теперь уже не хвастаясь можно было сказать, он пришелся здесь ко двору. Особенно заметно это стало в дни работы Первой Всероссийской конференции рабочих-мусульман. Дулдуловичу было поручено обеспечить делегатов жильем. Кое-кого устроили в самом здании комиссариата. Но всех разместить здесь не удалось, и остальных поселили на частных квартирах — у мусульман, издавна проживающих в столице.

Все были довольны. Деловую хватку Дулдуловича отметил даже в специальном приказе сам комиссар. Это было важно. Но не менее важно было и другое: находясь в самом центре комиссариатских дел, он завязывал нужные связи, старался сблизиться с самыми разными людьми, особенно чутко улавливая малейшее их недовольство. А недовольные нашлись, они всегда находятся. Иным не по нраву были новые порядки, кое-кому не по душе пришлась требовательность комиссара Вахитова: он в работе не щадил ни себя, ни других. Так или иначе, у сотрудника комиссариата было на примете уже несколько человек, на которых при случае он мог бы опереться.

Жил Дулдулович неподалеку от здания комиссариата в бывшей квартире присяжного поверенного, бежавшего от большевиков на юг. Ордер был выписан на всю квартиру, но Дулдулович занял только бывший хозяйский кабинет: ему с лихвой хватало этой великолепной, богато и со вкусом обставленной комнаты. К тому же все помещение по нынешним временам не так-то просто было бы отапливать, а в адвокатском кабинете была «буржуйка».

Новый хозяин топил ее ампирной адвокатской мебелью, а иногда даже и книгами в тисненных золотом кожаных переплетах из адвокатской библиотеки.

Дулдулович привык к мысли, что он в Москве совершенно одинок и никто, кроме сослуживцев, его здесь не знает. Во всяком случае, никто, кроме сослуживцев, не знал, где он живет. А сослуживцы не имели обыкновения ходить друг к другу в гости. Легко поэтому вообразить изумление Эгдема, когда в одно прекрасное утро к нему в дверь вдруг постучали.

Явился гость из Казани. Да не простой гость, а тот самый, которого Дулдулович ждал еще в Петрограде,— связной от Алима Хакимова.

Это был давний его знакомец Харис, юркий, щупленький человечек, с которым судьба свела его в день, когда чуть не вся Казань провожала в Петроград депутата Учредительного собрания Муллануpa Вахитова.

«Разыскали, мерзавцы,— подумал Эгдем.— Когда позарез нужны были, от них не было ни слуху ни духу. А едва только я почувствовал твердую почву под ногами, они уже тут как тут...»

— Рад вас видеть живым и здоровым, дорогой Эгдем,— говорил тем временем Харис, усаживаясь в уютное кресло.— Я, как вы, вероятно, догадались, привез вам привет от наших общих друзей.

— Спасибо,— ответил Дулдулович.— Как они там, мои друзья? Как их дела?

— Дела хороши. Да вы ведь, наверно, и сами знаете. Слыхали небось о республике, которую провозгласили патриоты-мусульмане?

— О «Забулачной республике»? Как же... Конечно, слыхал.

— «Забулачной»? — возмутился гость.— Не ожидал из ваших уст услышать такое. Это наши враги, глумясь над нами, кинули эту презрительную кличку. А нам с вами

пристало иначе называть это наше любимое детище...

— Ладно, будет тебе! Будет! — оборвал Дулдулович разглагольствования гостя.— Ты, друг мой Харис, ведь не на митинге. Здесь, кроме меня, никого нет. А меня агитировать не надо. Я человек военный, не дипломат, так что говори прямо: каково реальное положение дел? На что мы можем рассчитывать? Да не забывай: я сам неплохо информирован, кое-что знаю. И из вполне надежных источников.

Харис сразу сник. В огромном вольтеровском кресле его щупленькая фигурка казалась особенно жалкой.

Он устало прикрыл покрасневшие от бессонницы глаза и тихо заговорил, уже совсем в ином тоне:

— Если говорить честно, дела далеко не блестящи. Республику мы провозгласили, но...

— Что «но»? Вечно какое-то «но»... Поторопились, что ли?

— Либо поторопились, либо, наоборот, упустили момент. Трудно сказать.

— Рассказывай все, как было. С самого начала.

— В январе открылся Второй Всероссийский съезд воинов-мусульман. Мы на этом съезде намеревались провозгласить Идель-Урал штаты — суверенное, демократическое мусульманское государство. Мы добились единства всех сил, противостоящих Советам. Нас поддерживали все партии: и кадеты, и меньшевики, и духовенство, и представители шуро... Объединив все эти силы, предполагалось создать большую национальную армию для борьбы с Советами. Ставилась задача арестовать Казанский Совден, мусульманский комиссариат при губернском Совдепе, арестовать всех большевистских главарей.

— Что же, черт возьми, помешало вам привести этот план в исполнение?

— Проклятые большевики! Они своей гнусной демагогией затуманили мозги многим делегатам съезда... Мы

ожидали, что их пропаганда провалится... Выжидали... Ну, а потом... Потом все это уже вышло из-под нашего контроля.

— Чего же вы ждали, я не понимаю? На что надеялись?

— О, надежды у нас были. И немалые... Взять хотя бы эту историю с мусульманским финляндским полком. Мы знали, что мусульманский полк, расквартированный в окрестностях Петрограда, выразил желание вернуться на землю предков. Целый полк! Боеспособный, закаленный в боях!..

— Но ведь вы должны были знать, что Казанский Совдеп послал в Петроград на имя Подвойского телеграмму с просьбой задержать этот полк в пути.

— Мы знали это! И представь себе, недурно использовали это в своих целях. Нам удалось перехватить телеграмму, и мы зачитали ее на съезде. Это вызвало бурю, настоящую бурю! Под нашим нажимом съезд принял резолюцию, требующую отменить телеграмму, переизбрать Казанский Совет и беспрепятственно пропустить мусульманский финляндский полк в Казань. Мы так ловко сыграли на этом проколе большевиков, что даже левая фракция Мусульманского социалистического комитета вынуждена была выступить в печати против телеграммы Казанского Совета.

— Ну? Так в чем же дело? Это был, я думаю, самый лучший момент для того, чтобы перейти от разговоров к делу.

— Мы и собирались. Мы уже планировали арест главарей Советов, присутствующих на съезде. Но... мы не успели опомниться. А когда сообразили, было уже поздно. Силы Советов были мобилизованы. Да что про это толковать, друг Эгдем, это все уже прошлогодний снег.

— Ладно, поговорим о делах сегодняшних. Есть надежда, что ваша «Забулачная республика» удержится?

— Как сказать,— заюлил Харис.— Конечно, мы дадим бой. Но силы не равны. Они сильнее. Главная наша беда — отсутствие оружия. У нас ведь нету ни броневиков, ни артиллерии.

— А люди? Люди есть?

— Люди найдутся. Но вооружены из рук вон плохо. Вот я и приехал...

— А-а, наконец-то! Н-ну... Давай выкладывай: зачем приехал?

— Наши друзья послали меня, чтобы я организовал тайную отправку оружия в Казань. Ну а кроме того, чтобы вербовал наших сторонников здесь, в столице. У тебя есть кто на примете?

— Найдутся.

— Ты поможешь мне с ними связаться?

Дулдулович вытащил из брючного кармана часы, глянул на циферблат, встал.

— Дорогой Харис, располагайся тут, как дома. Ты здесь в полной безопасности. Отдохни.

— А ты?

— А мне пора на службу. Комиссар Вахитов без меня как без рук. Я, как ты знаешь, человек исполнительный. Не хочу подводить комиссара.

По правде говоря, он рассчитывал этой репликой слегка уязвить Хариса, дать ему понять, что в случае чего он и без казанских своих друзей проживет.

Но Харис и глазом не моргнул.

— Да,— сказал он спокойно.— Нам известно, друг Эгдем, что ты пользуешься особым доверием Вахитова. Нам все про тебя известно,— добавил он многозначительно.

— Ах, известно? — не без сарказма сказал Дулдулович.— Где же вы раньше-то были? Почему не подавали о себе никаких вестей столько времени? А если бы я там дуба дал, в Петрограде?

— Ну, до этого дело бы не дошло,— улыбнулся Харис.— Это тоже было нам известно.

— Следили, что ли?

— Почему — следили? Просто попросили одного нашего человека, чтобы помог тебе.

— Это кого же? — нахмурился Дулдулович.— А-а,— вспомнил он.— Старик Валиулла? Так я и думал... Выходит, не такие уже вы беспомощные, как мне показалось... Ладно, поглядим. Может, у нас с вами еще что-нибудь и выйдет.

2

В этот день Мулланур пришел на работу раньше обычного. Он и всегда-то являлся в комиссариат раньше всех: у него не было в жизни никаких других интересов, кроме работы. Он отдавался своему делу весь, целиком. Но сегодня у него было особенно тревожно на душе. Ему не давали покоя события в Казани.

Как будто было сделано все возможное, чтобы подавить мятеж мусульманской буржуазии без кровопролития. Но всегда ведь возможны неожиданности.

Муллануру было бы куда спокойнее, если бы он сам мог выехать в Казань. Но едва только он заикнулся на эту тему, ему решительно дали понять, что об этом не может быть и речи.

«Сегодня еще раз свяжусь с Шейнкманом,— подумал он.— Если положение все так же тревожно, непременно добьюсь, чтобы мне разрешили поехать. Обращусь прямо к Владимиру Ильичу. Он поймет».

В дверь постучали.

— Войдите! — сказал Мулланур.

Это был рассыльный.

— Срочная депеша,— сказал он.

— Откуда?

— Из Казани.

Затаив дыхание, Мулланур вскрыл телеграмму и стал читать:

«Контрреволюционная «Забулачная республика» окончательно ликвидирована. Оплот контрреволюции — мусульманские «железные дружины» сдались без боя. Мусульманский контрреволюционный штаб был застигнут врасплох благодаря решительным действиям мусульманских социалистических дружин, Красной Армии и прибывшего из Москвы геройского отряда моряков товарища Соболева. Вся операция прошла бескровно, случайными выстрелами убито всего три человека. Вся мусульманская часть города признала власть Советов и Комиссариата по делам мусульман...»

Мулланур и сам не заметил, как вскочил на ноги, выбежал из кабинета...

Весть о ликвидации «Забулачной республики» облетела комиссариат с быстротой молнии. На радостях люди обнимали друг друга, смеялись, а женщины так даже и всплакнули; у женщин ведь так заведено: радость ли, горе — у них всегда слезы.

— Что такое? Стряслось что-нибудь? — спросил Эгдем Дулдулович у дежурного, войдя в здание комиссариата и сразу поняв, что произошло нечто чрезвычайное.

— Депеша из Казани,— ответил тот.

— Ну? Что?! — еле вымолвил Дулдулович. Сердце его радостно забилось: увидав заплаканные лица, он подумал, что весть из Казани, дурная и горестная для этих глупых женщин, для него, Дулдуловича, окажется счастливой вестью; надо только постараться не выдать своего ликования.

— Полностью ликвидирована «Забулачная республика», товарищ Дулдулович,— сияя, сказал дежурный.

— О-о! Вот это новость! — не изменившись в лице, выдохнул Дулдулович.— Слава аллаху! Поздравляю вас, друг мой, с этой большой победой!

— Спасибо, товарищ Дулдулович,— сказал дежурный.— Это и впрямь победа. Уж такая победа! А главное, ведь без крови, без единого выстрела. А уж как я боялся, как тревожился все эти дни. У меня ведь в Казани родители, и братья, и сестренка...

Он, как видно, был не прочь выговориться, излить душу. Но Дулдулович, улыбнувшись безжизненной, натужной улыбкой, быстро прошел к себе, сделав вид, что его ждут неотложные дела.

Войдя в комнату, он сразу опустился на стул. Ноги были как ватные. Он вдруг заметил, что весь дрожит.

Облокотившись о рабочий стол, закрыл руками лицо. «Ну-ну,— успокоил себя.— Нельзя подавать виду. Не дай бог, кто-нибудь войдет».

Посидев неподвижно минуту-другую, он уже полностью пришел в себя.

«Ладно,— подвел он итог своим невеселым мыслям.— В конце концов, этого следовало ожидать. Но еще не все потеряно. Главное — затаиться и ждать. Будем еще и мы веселиться».

3

В тот же день Мулланура пригласил к себе Яков Михайлович Свердлов. Он хотел во всех подробностях узнать о событиях в Казани.

Вот уже несколько дней, как рабочие комнаты Президиума ВЦИКа были перенесены из Кремля во Второй дом Советов.

Домов Советов в Москве было три. Первый — гостиница «Националь». Второй — гостиница «Метрополь». Третий — бывшая духовная семинария на Садово-Каретной. Самым большим из них был Второй дом Советов — «Метрополь».

Решение перенести свой рабочий кабинет из Кремля

в Дом Советов Свердлов принял по той простой причине, что в Кремль нельзя было проникнуть без пропуска. А Яков Михайлович считал, что доступ к Председателю ВЦИКа должен быть свободен для каждого, у кого в нем будет нужда. Вот он и решил вынести свою приемную из Кремля в город, в самый его центр. Он сам поехал во Второй дом Советов и выбрал в бывшей гостинице угловой номер на втором этаже, выходивший окнами на площадь.

В этой новой резиденции Председателя ВЦИКа Мулланур еще не бывал, поэтому все здесь ему было в новинку.

На стенах «Метрополя» виднелись следы пуль — память о недавних октябрьских боях. Особенно много их было в той части здания, что прилегает к Китайгородской стене. У входа в гостиницу, рядом с вертящейся стеклянной дверью, висела фанерная доска, на которой наспех было написано большими красными чернильными буквами: «ПРИЕМНАЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЦИКа. КОМНАТА № 237».

Мулланур по ошибке сперва ткнулся в комнату № 237 А. Но это оказалась приемная секретаря ВЦИКа Варлаама Александровича Аванесова. Там стоял простой некрашеный стол, два стула и железная койка, покрытая клетчатым пледом.

Приемная Председателя ВЦИКа мало чем отличалась от приемной секретаря. Разве только тем, что вместо койки здесь стоял второй стол, да стульев было не два, а четыре. Не было ни мягких кресел, ни портьер. Мулланур сперва решил было, что кабинет Свердлова еще только меблируется. Но Варлаам Александрович объяснил ему, что дело обстоит как раз наоборот: раньше здесь были и кресла, и портьеры. Но Яков Михайлович, решив разместить в этих комнатах свою приемную, распорядился самым категорическим тоном:

— Портьеры снимите. Кресла и все эти финтифлюшки убрать! Вот сюда стол. Да не так, боком! Сами подумайте: ежели человеку, который будет сидеть напротив меня, свет будет падать прямо в лицо, он ведь будет чувствовать себя очень неуютно...

Койка в приемной секретаря ВЦИКа, как потом узнал Мулланур, стояла не зря. Варлаам Александрович, случалось, не уходил отсюда по нескольку суток. Поспит ночью часа два-три и снова ссутулится над столом.

В приемной Свердлова койки не было: Яков Михайлович уходил спать домой. Однако, судя по его усталому лицу и красным от бессонницы глазам, ему тоже случалось засиживаться за своим рабочим столом всю ночь напролет, до самого рассвета.

— Здравствуйте, товарищ Вахитов! — стремительно двинулся Председатель ВЦИКа навстречу Муллануру, пожал ему руку, придвинул стул.

Кроме Свердлова в кабинете был Подвойский. Подвойский, привстав, тоже обменялся с Муллануром рукопожатием.

— Пожалуйста, товарищ Вахитов, доложите нам подробнее о событиях в Казани,— попросил Свердлов.

Мулланур полез было в портфель за бумагами, но Свердлов жестом показал ему, что это не нужно.

Поняв, что от него ждут не официального доклада, а просто как можно более подробного изложения всех событий, Мулланур стал рассказывать. Но по вопросам Свердлова он скоро понял, что обстановка в Казани была известна Председателю ВЦИКа, пожалуй, ничуть не хуже, чем ему самому. Яков Михайлович, оказывается, превосходно знал по именам чуть ли не всех казанских большевиков. Помнил, какое количественное соотношение представителей разных партий было на съезде Харби шуро. Помнил по дням и чуть ли не по часам, как изменялась

обстановка на съезде в зависимости от тех или иных обстоятельств.

— Ага,— перебивал он время от времени Муллапура.— А как же вышло, что Музафарова, Токумбетова и братьев Алкиных выпустили? На поруки? Ах, на честное слово. Поверили, стало быть?.. А какую позицию занимал по этому вопросу товарищ Шейнкман?.. А где был в это время товарищ Саид-Галиев?..

Муллапур рассказал о том, что было сделано Комиссариатом по делам мусульман, чтобы предотвратить почти неизбежное кровопролитие. Он увлекся, скованность прошла, речь полилась легко, свободно. Свердлов слушал, уже не перебивая. И только тут Муллапур понял, что перебивал он его своими вопросами нарочно, чтобы подбодрить, показать, что рассказ ему интересен во всех своих даже мельчайших подробностях.

Когда сообщение Мулланура подошло к концу, Яков Михайлович снял пенсне и потер усталые глаза костяшками пальцев.

— Ну что ж,— удовлетворенно сказал он.— Теперь самое главное — не успокоиться. Не почить, как говорится, на лаврах. Вы должны помнить, что враги Советской власти так просто не утихомирятся. Добром они не уступят даже самой малой крупицы своей власти, своего влияния.

— Это мы понимаем, товарищ Свердлов,— сказал Мулланур.

— Вот и отлично. Стало быть, надо продолжать формирование татаро-башкирских воинских частей, приобщать трудовое мусульманское население к семье красноармейцев.

— Мы это делаем, Яков Михайлович,— ответил Мулланур.— Первый пехотный татаро-башкирский батальон Рабоче-Крестьянской Красной Армии уже сформирован. Приказ подписан первого апреля.

— А хороших командиров нашли? — спросил Свердлов.

— Нашли. Комиссаром назначен член военного отдела нашего комиссариата товарищ Конов, а командиром — товарищ Александрович.

— Надежные товарищи?

— Надежные, Яков Михайлович. Настоящие революционеры.

— Ну что ж, продолжайте формирование таких же частей,— сказал Свердлов.— Пока батальонов, а там, глядишь, и полков.

— Спасибо, Яков Михайлович,— сказал он.— Я тоже верю, что со временем будут у нас и крупные воинские соединения красных воинов-мусульман.

Свердлов встал из-за стола, подошел к Муллануру, положил руку ему на плечо.

— Действуйте, товарищ Вахитов! Действуйте дальше в этом направлении!

10 апреля 1918 года у Якова Михайловича Свердлова состоялось заседание конституционной комиссии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Обосновывая принципы Советской Федеративной Республики, Председатель ВЦИКа подробно изложил членам комиссии состояние дел по созданию Татаро-Башкирской Советской республики. Он подробно информировал их о недавних событиях в Казани.

— Уже стояли наготове,— говорил Яков Михайлович,— артиллерийские орудия. Стояли друг против друга вооруженные части. С одной стороны — мусульманские националистические «железные дружины», насчитывающие около десяти тысяч вооруженных солдат, с другой — войска Советов, их было гораздо меньше, всего около двух тысяч человек, но они были гораздо лучше осна-

щены современным оружием. Если бы дело дошло до военного столкновения, советские войска, вероятно, разбили бы мусульманские националистические части. Но мы видели свою задачу не в том, чтобы разгромить, потопить в крови контрреволюционный мятеж. Было сделано все, чтобы разрешить этот острый конфликт не силою штыков, а мирным путем, большевистской пропагандистской работой. Надо было открыть глаза заблуждающимся мусульманам, перетащить обманутых националистической пропагандой на нашу сторону. И это удалось. Националистические части были разоружены без единого выстрела. Они сами сложили оружие...

В самый нужный момент,— продолжал Председатель ВЦИКа,— когда начался мятеж, было опубликовано Положение о Татаро-Башкирской Советской республике. Трудящиеся мусульмане узнали, что с нашей стороны нет никаких препятствий к образованию самостоятельной, независимой мусульманской советской республики, что их право на самоопределение признаётся нами безоговорочно, не на словах, а на деле. Трудящиеся татары приняли участие в контрреволюционном мятеже потому, что им говорили, будто Советы не дадут им организовать свою армию, свою школу, свое национальное правительство. Но как только они убедились, что такое право Советской властью им предоставлено, из-под ног организаторов контрреволюционного мятежа сразу была выбита почва. И буржуазные националисты, возглавившие мятеж, мгновенно оказались генералами без армии...

Конституционная комиссия ВЦИКа единодушно одобрила Положение о Татаро-Башкирской Советской республике, особо отметив своевременность опубликования этого Положения. Комиссия высказала пожелание ускорить окончательное и полное решение этого вопроса.

ГЛАВА VI

1

Положение о Татаро-Башкирской Советской республике широко обсуждалось на местах. Что ни день, то новая телеграмма приходила в Комиссариат по делам мусульман. Вот и сегодня: едва только начался рабочий день Мулланура, едва только уселся он за свой стол и придвинул листок бумаги, на котором с вечера записал для памяти, какими делами предстоит заняться нынче с утра, как принесли телеграмму. На этот раз из Чистополя. Мусульманский крестьянский и учительский съезд, проходивший там, горячо одобрил проект создания Татаро-Башкирской республики. «Событие это,— говорилось в телеграмме,— съезд считает актом величайшей исторической важности и выражает пожелание скорейшего фактического осуществления основ означенного Положения на благо демократии всех народностей».

Вошел Ади Маликов. Он совсем недавно вернулся из Казани и сразу же со свойственной ему энергией окунулся в текущие дела. Практически на нем одном лежала забота о формировании новых мусульманских воинских частей, а он еще успевал при этом заниматься и всякой другой работой — кропотливой, нервной, изматывающей. И все это давалось ему легко, без натуги. Любое дело так и горело у него в руках.

— Еще телеграмма? — спросил он.— Из Чистополя?

Придвинул к себе депешу, прочел.

— Идет дело... Идет... Послушай, Мулланур, тебе не кажется, что пора думать о созыве съезда Советов республики?

Муллапур и сам не раз размышлял об этом. Вопрос Ади подкрепил его решение.

— Безусловно,— согласился он.— И медлить с этим нельзя. Сегодня же соберем всех членов комиссариата.

Я сейчас напишу проект телеграммы, а часиков этак к четырем мы его согласуем.

— Так я попрошу всех наших собраться в четыре ноль-ноль,— сказал Ади. Он любил щегольнуть военной точностью.

— Да-да,— улыбнулся Муллапур.— Будь по-твоему, ровно в четыре.

Вечером того же дня во все местные организации была разослана телеграфная депеша Центрального комиссариата по делам мусульман, в которой говорилось:

«В согласии с Народным комиссариатом по делам национальностей Центральный Комиссариат по делам мусульман принимает нижеследующее представительство в комиссию по созыву съезда Советов Башкиро-Татарской республики: Казанский Совдеп — один, Казанский Мусульманский комиссариат — один, Уфимский Совдеп — один, Уфимский Башкирский комиссариат — один, Уфимский Татарский комиссариат — один, Оренбургский Совдеп — один, Оренбургский Башкирский комиссариат — один, Уфимская чувашская организация— один. Комиссия приступает к работе 10 апреля. Кроме проездных членам комиссии будет выдаваться Центральным комиссариатом 30 рублей суточных. Сообщая о вышеизложенном, комиссариат просит соответствующие организации своевременно делегировать своих представителей в Москву».

Дел было невпроворот.

Людей не хватало. Да и не все, к сожалению, работали с таким энтузиазмом, как Ади Маликов и самые близкие сотрудники Муллапура. Некоторые норовили отлынивать от трудной работы, иные просто не справлялись, а заменить их, к сожалению, было некем. Вот и приходилось порой помимо своих прямых обязанностей делать еще и другую работу, исправлять чужие ошибки да огрехи.

А тут еще одна напасть: то и дело приходилось отвечать на всякие дурацкие жалобы, иногда прямо клеветнические, которыми разные буржуазные деятели буквально засыпа́ли и Совнарком и Наркомнац.

Вот как раз и сейчас МуллануР, морщась, словно пришлось проглотить невзначай какую-то дрянь, читал одну из многочисленных жалоб, пересланную ему. Бумага была анонимная. Пришла она из Казани, адресована была народному комиссару по делам национальностей Сталину. В ней говорилось, что комиссар по делам мусульман Вахитов продался панисламистам. При этом указывалась даже точная сумма, якобы полученная комиссаром Вахитовым при этой сделке,— тысяча двести рублей.

— Какая чушь! — бормотал Муллануp себе под нос, читая бумагу.— На что только уходят время и нервы...

В дверь постучали.

Слегка прихрамывая, вошел высокий мужчина с приятным, живым лицом, оглядел Муллануpa умными карими глазами, представился. Он учитель Богородской школы. Раньше она, как и многие другие мусульманские школы, находилась в ведении московской организации Милли шуро, а теперь — в ведении Комиссариата по делам мусульман.

— Принес вам прошение от наших учителей,— сказал он, вручая Муллануру листок бумаги, исписанный четким, каллиграфическим почерком.— Мы с коллегами находимся в крайне затруднительном финансовом положении. Просим помочь.

Мулланур заглянул в бумагу и горестно покачал головой: он уже заранее знал, в чем дело.

— Мы не получаем жалованья два месяца. За апрель не платили, ни копейки не получили и в марте. Многие мои коллеги грозятся уйти из школы. Совсем...

— Да, трудно,— согласился Мулланур.— Я понимаю... Ваше прошение уже пятое на этой неделе.

— Этак у меня все учителя разбегутся,— мягко улыбнулся пришедший.— Сам-то я ни при какой погоде с детишками не расстанусь. Не могу без них. Но один ведь в поле не воин.

— Мы делаем все, что можем, чтобы поддержать мусульманские школы. Все деньги, какие только были в нашем распоряжении, уже отданы для выплаты жалованья учителям.

— Я знаю. Но это было в феврале. А сейчас на дворе уже апрель.

— Да... Уже апрель...

Муллануp задумался.

Подождав минуту-другую, учитель все-таки решил напомнить о себе.

— Так что же все-таки передать моим коллегам? — мягко спросил он.

— Три дня назад мы направили в Наркомпац письмо. Вот, прошу... Ознакомьтесь... Это копия.— Муллануp вытащил из папки и пододвинул учителю через стол бумагу.

— Если позволите, я вслух,— сказал тот, беря бумагу в руки и поднося ее к глазам.— Привык, знаете, с детьми.

— Да, да, прошу вас,— сказал Муллануp.

Учитель стал читать — медленно, раздельно, словно диктуя ученикам очередной урок:

— «В ведении упраздненной постановлением Центрального комиссариата по делам мусульман московской мусульманской организации «Милли шуро» находилось пять мусульманских начальных школ, из них две для мальчиков, две для девочек и одна смешанная. Подавляющее большинство учащихся в этих школах по имущественному положению принадлежат к бедноте (школа в Богородском исключительно пролетарская), притом школы эти безусловно демократические, отнюдь не кон-

фессиональные, по типу своему соответствуют русским городским школам...»

Учитель приостановил чтение, поднял голову и одобрительно поглядел на Мулланура.

— Это очень правильно отмечено,— сказал он. И продолжал читать: — «Со дня упразднения «Милли шуро» названные школы перешли в ведение Центрального комиссариата по делам мусульман. В комиссариат поступили прошения учителей и учительниц названных школ о выплате им жалованья за март и апрель сего года. Одновременно выяснилось, что недостает средств на содержание этих училищ. Названные школы без поддержки со стороны городского самоуправления или правительственных учреждений существовать, безусловно, не смогут, почему и испрашивается, до разрешения вопроса в общегосударственном масштабе, сумма, подлежащая выдаче в данное время: на жалованье учителям за март, апрель и май месяцы по 408 рублей в месяц на 17 человек — 24 308 рублей, прислуге — 4550 рублей, на канцелярские принадлежности — 697 рублей. Всего — 29 665 рублей...»

— Вот это и передайте своим товарищам,— сказал Мулланур.— Мы надеемся, что Наркомпац положительно отзовется на это наше ходатайство. Я думаю, в самое ближайшее время.

— А пока, значит, ответа еще нет? — Огорчился учитель.

— Одну минуточку,— сказал Муллапур.— Сейчас мы это попробуем уточнить.

Он открыл дверь и крикнул, чтобы позвали Дулдуловича.

Тот не заставил себя ждать.

— Скажите, Эгдем,— обратился к нему Муллапур.— Как обстоят дела с нашим письмом по поводу школ?

— Я его отправил.

— Позвольте! Как — отправили? — удивился Мулланур.

— По почте,— пожал плечами Дулдулович.

— Я же просил вас отнести его лично и даже настойчиво советовал постараться вручить непосредственно заместителю наркома.

— Я не думал, что тут такая срочность.

— Уже не первый раз, товарищ Дулдулович, вы проявляете такую странную непонятливость. А между тем вы ведь человек достаточно опытный...

— Я думал, так будет лучше. Письмо придет по почте, его зарегистрируют и официально ответят.

— Тоже по почте? — язвительно спросил Мулланур.

— Ну да,— кивнул Дулдулович.— Приватный разговор, хотя бы даже и с заместителем наркома, к делу не пришьешь. То ли дело официальная бумага!

— Но вы же знали,— гневно прервал его Мулланур,— что в этом письме речь шла о жалованье для учителей! Уже второй месяц они сидят без копейки денег. У каждого из них — семья! Дети! Их кормить надо!

— Ваши чувства делают вам честь,— сказал Дулдулович.— Но в делопроизводстве, к сожалению, нет места эмоциям. Тут должен быть порядок. На официальный запрос должен быть получен официальный ответ.

— Ах, перестаньте! — махнул рукой Мулланур.— Вы просто поленились отнести письмо лично, вот и все.

Дулдулович оскорбленно вскинул голову и насупился.

— Так вот, товарищ Дулдулович,— официальным тоном обратился к нему Мулланур.— Прошу вас взять копию этого письма, отправиться с нею в Наркомнац и сегодня же — вы поняли меня? — сегодня же добиться решения этого вопроса.

Он взял из рук учителя копию письма и протянул Дулдуловичу. Тот молча взял ее и, кивнув, ушел.

— Я все понимаю,— задумчиво сказал учитель.— Мы

живем в трудное время. Что поделаешь... Сил не хватает. У каждого дел столько, что голова пухнет. И все-таки надо стараться исполнять добросовестно то, что тебе поручено. Этот ваш сотрудник, признаться, меня удивил.

— Это моя вина,— сказал Мулланур.— Я обязан был проследить. Но вы не волнуйтесь. Сегодня этот вопрос будет решен. Обещаю вам. Нынче же вечером я надеюсь сообщить вам нечто определенное. Договорились?

Он встал и протянул учителю руку.

— Спасибо, товарищ комиссар,— сказал учитель.— Я хочу вам сказать, что вообще-то вы на нас, учителей, можете рассчитывать. Мы все равно будем работать, делать свое дело, несмотря на все эти...— он замялся, как видно, стараясь найти слово, которое не обидело бы Мулланура.— Несмотря на все эти шероховатости. И не только учителя моей школы, а все мои коллеги. Учителя всех мусульманских школ. Потому что мы все верим вам, верим комиссариату...

Учитель уже давно ушел, а Мулланур никак не мог забыть неприятный инцидент, не мог отделаться от чувства вины перед этим славным человеком. И чем больше он думал об этом, тем сильнее возмущала его неприглядная роль, которую сыграл во всей этой истории Дулдулович. Уж больно не похоже было поведение его на проявление обычной нерадивости, самой обыкновенной лени. Не похож Дулдулович на лентяя, совсем не похож. Нет, скорее всего, он, Мулланур, ошибся. Тут не лень, не разгильдяйство, не простая расхлябанность, а что-то совсем другое.

Он встал, прошелся по кабинету. Открыл дверь, крикнул:

— Галия! Зайди ко мне на минуту!

По тону комиссара Галия почувствовала, что случилось

что-то неприятное. Глядела на него испуганными, круглыми глазами.

— Присядь, Галия,— сказал Мулланур и подождал, дав девушке успокоиться.— Если не ошибаюсь, это ты рекомендовала мне Дулдуловича?

— Да,— от этого вопроса она совсем смутилась.

— А ты давно его знаешь?

— Да нет, не очень. А что случилось?

— Ничего особенного,— уклонился от прямого ответа Мулланур.— Просто не совсем он мне ясен. Есть в этом человеке что-то... неуловимое...

— Ты несправедлив к нему, Мулланур! — вспыхнула Галия.

— Может быть, может быть,— успокоил ее Мулланур.— Ты не волнуйся. Я ведь, собственно, ничего не утверждаю. Просто делюсь с тобою своими сомнениями.

— Но откуда у тебя взялись эти сомнения? Он прекрасный человек. Добрый, отзывчивый. Его все любят. Помнишь, как он быстро и толково разместил делегатов конференции? Он энергичный, вежливый. Его все любят...— еще раз повторила она и теперь в этом утверждении звучала уже не только констатация факта, но и какой-то затаенный упрек, обращенный к нему, Муллануру: все, мол, любят, один ты к нему придираешься.

— Галия,— осторожно сказал Мулланур.— Мы ведь с тобой друзья, верно?

Она кивнула.

— Скажи, Галия, ты что — любишь его?

Галия опустила глаза. Помолчала. Потом вскинула голову и, глядя ему прямо в глаза, своими огромными глазами, ответила:

— Люблю.

— Ну а он?

— Что он?

— Он тоже тебя любит?

Если Мулланур рассчитывал этим вопросом смутить девушку, то он ошибся.

— Да,— смело ответила она.— И он тоже. Мы с ним любим друг друга и скоро поженимся.

— Ладно,— вздохнул Мулланур.— Иди... Можешь считать, что этого разговора у нас с тобой не было.

Он понимал, что рассчитывать на трезвую и беспристрастную оценку человеческих свойств Эгдема Дулдуловича тут уже не приходится.

2

Алим Хакимов тяжело пережил крах «Забулачной республики». Конечно, в политике, как и на войне, случаются порой неприятные сюрпризы: иной раз твердо рассчитываешь на победу, а приходится терпеть поражение. Но такого постыдного краха Алим не ожидал. В самом деле, кто мог предположить, что организация, насчитывающая десять тысяч хорошо обученных, преданных, вооруженных солдат, рухнет словно карточный домик? Особенно потрясла его стремительность падения «Забулачной республики». Это еще просто счастье, что он успел скрыться. Стоило замешкаться хотя бы на час, и не сносить бы ему головы. Уж кого другого, а его господа большевики не помиловали бы.

Алим бежал в Самару.

«Как-то еще примет меня господин Сикорский...— с замиранием сердца спрашивал он себя, подходя к низенькому скромному домику на тихой улочке, спускающейся к самой Волге.— Как-то еще примет меня этот кремень-человек... Одно дело — Алим Хакимов, в распоряжении которого десять тысяч штыков, и совсем другое дело — беглец, спасающий жизнь, умоляющий приютить его».

Однако Сикорский, вопреки всем опасениям, встретил

его хорошо. Крах «Забулачной республики», похоже, ничуть его не обескуражил.

— Вы живы, вы на свободе — это главное,— сказал он, пожимая Хакимову руку.

— Ах, дорогой друг,— лицемерно покачал головой Хакимов.— Уж лучше бы я погиб, но торжествовало бы наше дело.

— Наше дело не погибло,— надменно сказал Сикорский.— Живы мы с вами, жива наша идея.

«Наша идея! — саркастически подумал Хакимов.— Наша! Как бы не так... Что общего может быть между идеями полковника старой армии, мечтающего восстановить рухнувшую империю, веками угнетавшую малые народы, и идеями патриота, стремящегося к единению и независимости своих единоверцев-мусульман?»

Да, в другие времена Хакимов постыдился бы даже стоять рядом с этим солдафоном, напичканным давно прогнившими имперскими идеями. Но ничего не поделаешь. Приходится по одежке протягивать ножки. В плохие времена, как говорят в таких случаях татары, и свиньюю назовешь сватом.

Вслух, однако, он сказал другое.

— Вы правы, господин Сикорский, идея наша, слава аллаху, жива.

— Я рад, что вы согласны со мной, господин Хакимов,— улыбнулся Сикорский.— Ведь наше сотрудничество, я надеюсь, будет продолжаться.

«До поры до времени,— подумал Хакимов.— Только бы нам покончить с этим дьявольским большевистским наваждением, а уж там... Там наши пути-дороги разойдутся...»

Однако вслух он сказал:

— Разумеется, наше сотрудничество будет продолжаться.

Раздался условный стук в дверь. Хозяин кинулся отворять.

— Наконец-то, Август Петрович, вы изволили явиться! Мы уж тут заждались,— прозвучал в передней его голос.

Вновь прибывший оказался дородным, представительным господином в полувоенном френче и галифе. Этот костюм не слишком гармонировал с его довольно-таки солидным брюшком и бородкой.

— Честь имею представить вам,— сказал Сикорский,— нашего дорогого гостя из Казани.

— Очень рад,— вошедший протянул Хакимову руку.— Август Амбрустер, правовед.

— А это господин Хакимов, член правительства татарской республики,— сказал Сикорский.

Хакимов молча поклонился.

— Садитесь, прошу вас! — Амбрустер широким гостеприимным жестом указал на кресло.

Хакимов сел.

Амбрустер уселся в кресло напротив.

— Я рад, господа, что вы наконец познакомились,— сказал Сикорский.— Не худо было бы нам всем встретиться вот так, втроем, гораздо раньше. Но лучше поздно, чем никогда. Нам с вами, друзья мои, предстоят большие дела. Мы призваны объединить все антибольшевистские силы России. Мы должны скоординировать все наши действия. Я предлагаю, не откладывая дела в долгий ящик, сейчас же составить план совместных действий... Впрочем, этим мы займемся, пожалуй, не здесь...

Они занялись этим в крошечном флигеле, расположенном в глубине двора. Сикорский сказал, что там им будет спокойнее.

Разговор начал Амбрустер; судя по всему, он был весьма важной персоной, куда более важной, чем Сикорский. Во всяком случае, расспрашивал он Хакимова так, словно был генералом, а он, Алим,— каким-нибудь там штабс-капитаном.

— Как вы полагаете, господин Хакимов,— начал он,— разгром ваших вооруженных сил оказал сильное воздействие на умы ваших единомышленников?

— Трудно сказать,— замялся Хакимов.— Силы были весьма многочисленны, такого внезапного краха никто не ждал, и, что греха таить, это произвело на многих впечатление весьма удручающее. Но ненависть к Советам в сердцах истинных мусульман, я думаю, стала только еще сильнее.

— У вас, я надеюсь, сохранились связи с теми, кого вы называете истинными мусульманами? — прищурился Амбрустер.

— Все тайные явки у нас сохранились,— ответил Хакимов, невольно усвоив навязанный ему тон подчиненного, отвечающего на вопросы начальства.

— А помимо тайных явок?

— Все, кто был в подполье, сейчас разбросаны по всему свету. Связь со многими из них, к сожалению, утеряна.

— Ее необходимо наладить,— бросил Амбрустер своим генеральским тоном.— Теперь вопрос другого рода. Как, на ваш взгляд, приняло мусульманское население идею комиссара Вахитова? Я имею в виду идею создания Татаро-Башкирской республики.

В ответ на удивленный взгляд Хакимова он пояснил:

— Этот вопрос меня очень интересует, господин Хакимов. Не хотелось бы повторять ваши ошибки.

— Мулланур Вахитов — человек незаурядный,— медленно сказал Хакимов.— Я уверен, что идея создания Татаро-Башкирской Советской республики принадлежит ему. Да, это яркая личность... Надеюсь, вы не подумаете, что в моих словах есть даже малая толика сочувствия этому человеку. Совсем напротив, я его ненавижу. Будь у меня возможность, я, не задумываясь, подписал бы ему смертный приговор.

— Ну, со временем, думаю, мы вам такую возможность предоставим,— улыбнулся Амбрустер.— Простите, перебил вас.

— Да, скорее всего, именно он придумал этот ловкий демагогический трюк. Собственно, он просто украл у нас идею провозглашения независимой республики. Наши Идель-Урал штаты...

«Ну, ваши Идель-Урал штаты и Советская Татаро-Башкирская республика не вполне одно и то же,— мысленно усмехнулся Амбрустер.— Тут дистанция огромного размера...» Однако на лице его эта мысль никак не отразилась, он делал вид, что внимательно и вполне сочувственно слушает собеседника.

— В этом ведь и состоит основной принцип тактики большевиков,— увлекся Хакимов.— Они настоящие плагиаторы, гнусные воры.

— Разумеется,— продолжал он,— Вахитов слегка изменил архитектуру нашего здания, в особенности фасад: перекрасил его в красный цвет, изменил вывеску. Но при этом сделал вид, что в основе своей здание точь-в-точь такое же, каким задумали его мы. Немудрено, что мусульмане попались на эту удочку...

— Простите, не понял,— прервал его разглагольствования Амбрустер.

— Чего ж тут не понять? Мусульмане так легко клюнули на приманку Вахитова только потому, что мы заронили в их сердца идею создания независимого мусульманского государства. Мы усердно вспахивали почву, мы сажали семена, а этот демагог пришел и собрал весь урожай!

— Я все-таки не совсем вас понял, господин Хакимов,— опять прервал его Амбрустер.— Если идея комиссара Вахитова почти ничем не отличается от вашей, так почему же все-таки мусульмане пошли не за вами, а за ним?

— Потому, что он сдобрил нашу идею изрядной порцией большевистской пропаганды. Вы ведь знаете их лозунги не хуже, чем я. «Мы власть бедняков!» — орут они на всех перекрестках. А кто такие эти бедняки? Бездельники! Вот все бездельники и кинулись к Вахитову, в красные мусульманские батальоны.

— Вас послушать, господин Хакимов, так все татары и башкиры сплошь бездельники. Невысокого же вы мнения о своих единоверцах.

— Бездельники и горлопаны есть в каждом народе, господин Амбрустер,— вздохнул Хакимов.— И как это ни грустно, они повсюду составляют большинство. В этом как раз и состоит сила большевиков.

— Н-да,— задумчиво протянул Амбрустер.— Скажите, господин Хакимов, а среди окружения комиссара Вахитова у вас тоже есть свои люди?

От этого неожиданного вопроса Хакимов растерялся.

— Я... мне...— забормотал он.

— Мы с вами связаны общей целью, господин Хакимов,— строго напомнил Амбрустер.— У нас не должно быть тайн друг от друга.

— Да,— решился наконец Хакимов.— У меня есть свои люди в Центральном мусульманском комиссариате. Но...

— Достаточно,— прервал его Амбрустер.— Больше мне знать пока ничего не нужно. Это ваш маленький секрет, храните его при себе. Настанет время, и эти люди, я надеюсь, окажут нашему делу неоценимые услуги. А пока, я прошу вас, возобновите связи с ними, еще раз проверьте их надежность.

Амбрустер задумался.

— Думаю, вам лучше оставаться в Самаре,— наконец подвел он итог своим размышлениям.— Мы вас устроим хорошо, у надежных людей. А спустя какое-то время отправим обратно в Казань.

— С заданием? — спросил Алим.

— Да, конечно.

— С каким именно?

— Об этом вы узнаете позже.

Амбрустер встал.

— Август Петрович,— сказал Хакимов, с трудом выбираясь из глубокого мягкого кресла.— Хоть обнадежьте меня напоследок! Скажите, есть у вас сила, которая сокрушит большевиков?

— Можете не сомневаться, господин Хакимов,— сказал Амбрустер.— Такая сила у нас есть.

— Так какого же дьявола... Виноват, я хочу сказать: так чего же вы ждете? Чего?

— Не волнуйтесь, господин Хакимов. Всему свое время. Мы выступим в нужный момент. Не раньше и не позже. На этот раз мы хотим действовать наверняка.

ГЛАВА VII

1

Утро 10 мая 1918 года выдалось на редкость ясное. Солнце пригревало совсем по-летнему, и люди в теплых чапанах, азямах, а иные так даже и в тяжелых шубах, торопящиеся к зданию Татаро-Башкирского комиссариата, вызывали оживленное любопытство прохожих и уличных зевак.

В ожидании этого дня Мулланур переделал тысячу дел, передумал тысячу дум. Особенно тревожило его положение дел в Уфе, откуда со дня на день должен был приехать посланный туда со специальным заданием Галимзян. Он должен был подготовить почву для примирения многочисленных враждующих групп, каждая из которых доказывала, что именно она выражает коренные интересы башкирского народа. Лидеры одной такой группы доказывали, что башкиры — особый народ, этнически

не имеющий ничего общего с татарами, резко отличающийся от них языком, обычаями, культурой. Они призывали к созданию отдельного, независимого башкирского государства. Другая группа, не выступая против создания Татаро-Башкирской республики, требовала, чтобы сначала был образован Башкирский штат, а уж потом к Башкирии была присоединена Казань. Третья группа придерживалась совсем оригинального взгляда. Ее сторонники исходили из того, что татары и башкиры — это, собственно, один народ и нет никакой необходимости в том, чтобы вообще хоть как-нибудь различать их.

Большинство, впрочем, поддерживало идею создания Татаро-Башкирской Советской республики. И Мулланур не сомневался, что в конечном счете все будет хорошо. Но он придавал огромное значение делу консолидации всех демократически настроенных башкир, объединению их на основе выдвинутого большевиками Положения о Татаро-Башкирской республике. Вот почему с таким нетерпением ожидал он возвращения из Уфы Галимзяна Ибрагимова.

Галимзян приехал девятого после полудня.

— Ну, рассказывай! — нетерпеливо воскликнул Мулланур.

Галимзян широко улыбнулся.

— Что рассказывать? Все в порядке... Провели два больших собрания трудящихся татар и башкир. Одно — двадцать седьмого апреля, другое — второго мая. В ходе собраний выяснилось, что трудящиеся массы татарского и башкирского народов полностью доверяют нашему комиссариату.

— Сделали что-нибудь конкретно? — спросил Мулланур.

— Да, конечно. При Уфимском губсовнаркоме было раньше два комиссариата: мусульманский и башкирский. Мы объединили их в единый Татаро-Башкирский комис-

сариат. Я привез тебе текст обращения. Вот...— Галимзян достал из бокового кармана уже слегка потершийся на сгибах лист бумаги. Развернул, с воодушевлением стал читать: — «Среди вас не должно быть разделения на башкир, татар, русских. Соединитесь, бедные и обездоленные, стремитесь вперед рука об руку к единой цели! Изгоняйте из вашей среды татарских, русских, башкирских буржуев!»

— Неплохо,— сказал Мулланур.— А как реагировала на это печать? Местные газеты?

Улыбка Галимзяна стала еще шире. Он достал из того же кармана сложенный в несколько раз газетный лист и торжественно вручил его Муллануру.

Мулланур прочел:

— «Теперь, когда вопрос о территориальной автономии решен соответственно желаниям каждой из двух сторон, нет никакого повода к недоразумениям. Отныне татаро-башкирская демократия повсеместно будет действовать сообща. Уверены, что она везде и всюду будет создавать совместные организации...»

— Ну? Теперь ты сам видишь, что нет серьезных оснований для беспокойства,— мягко сказал Галимзян.

— Пожалуй,— согласился Мулланур.— Рассудок говорит, что все идет нормально. Но сердце... Сердцу ведь не прикажешь... Тревожно у меня на душе. Такой уж, видно, характер.

— Ладно... Потерпи до утра. Как говорят наши русские друзья, утро вечера мудренее.

И вот оно наконец настало, это долгожданное утро.

Мулланур сидел в президиуме и с волнением вглядывался в лица делегатов. Особенно привлекло его лицо человека, сидящего во втором ряду слева. Широкоскулое, усатое, на редкость добродушное, оно сразу показалось

Муллануру удивительно знакомым. Да, он безусловно где-то видел эти живые карие глаза, эту характерную бородавку под левым глазом...

Слушая делегатов, Мулланур не сводил глаз с этого лица — не столько даже потому, что мучительно пытался вспомнить, где он видел раньше этого человека, сколько по той причине, что простодушное, открытое лицо это могло служить своего рода барометром, удивительно точно отражающим малейшее изменение «атмосферного давления» в зале.

Когда объявили повестку дня, а потом определяли цели и задачи совещания, оно выражало неподдельное напряженное внимание, упорную и сосредоточенную работу мысли.

Когда выступал со своей речью представитель Казанского Совдепа Грасис, оно хмурилось и даже болезненно морщилось, словно причудливые пассажи оратора отзывались на нем нестерпимой, мучительной болью...

Но вот заговорил представитель казанского мусульманского комиссариата Камиль Якубов, и оно вдруг сразу просветлело. Буквально каждая фраза Камиля, словно в зеркале, отражалась на нем то сочувственной улыбкой, то каким-нибудь почти неуловимым знаком согласия и солидарности.

— Отправляя меня на это совещание,— говорил Камиль,— представители рабочих комитетов и клубов говорили мне: «Отстаивайте Татаро-Башкирскую республику, а если не сумеете ее отстоять, если провалите это дело, лучше не возвращайтесь в Казань!» Положение о Татаро-Башкирской Советской республике, говорили они, есть осуществление чаяний мусульманского пролетариата...

И вдруг делегат, от которого Мулланур ни на секунду не отрывал изучающих глаз, не выдержал и громко выкрикнул с места:

— Чувашского пролетариата тоже!

И в этот момент Мулланур узнал его. Ну конечно! Это был он, тот самый чуваш, его попутчик; они еще так славно поговорили тогда, полгода назад, когда Муллануp ехал из Казани в Питер на Учредительное собрание. Он все собирался спросить, да так и не решился, откуда у него такое странное, совсем не чувашское, скорее уж, пожалуй, татарское имя. Как же его звали?.. Пиктемир... Пиктемир Марда...

Муллануру не терпелось напомнить об их тогдашней встрече, возобновить знакомство. Хотелось услышать спокойный, рассудительный голос, узнать, что Пиктемир, именно он, думает о Положении, созданию которого Муллануp отдал столько сил, столько бессонных ночей.

И вот, словно это желание Муллануpа каким-то неисповедимым путем передалось Пиктемиру Марде, он встал и попросил слова.

— Чуваши принципиально не возражают против образования Татаро-Башкирской Советской республики,— спокойно заговорил он. И так же неторопливо, словно учитель, объясняющий трудный урок, он стал втолковывать аудитории, почему чуваши поддерживают проект создания Татаро-Башкирской республики и желают расширения ее границ.

Внезапно из зала кто-то громко выкрикнул:

— А почему вы не требуете своей автономии? Ведь вас, чувашей, не меньше миллиона?

Пиктемир Марда обернулся на голос, долго вглядывался в зал, пытаясь узнать человека, задавшего вопрос. Нахмурился. Казалось, вот-вот он ответит на этот выкрик какой-нибудь резкостью. Но неожиданно он улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой и сказал:

— Если говорить честно, мы думали об этом. Но четко выраженной идеи о чувашской автономии у нас пока нет. Во всяком случае, сейчас мы склоняемся к мысли, что территория, населяемая чувашами, должна войти в состав

Татаро-Башкирской республики. Мы считаем, что такое решение вопроса на данном этапе будет благотворно для нашего народа.

— Эта мысль явилась у вас здесь, на совещании? — не без ехидства спросил тот же голос.

Пиктемир снова нахмурился. Опять Муллануру показалось, что сорвется он со своего спокойного, рассудительного тона. Но как видно, хорошо умел владеть чувствами этот человек.

— Нет, товарищ,— спокойно ответил он.— Эта мысль возникла не здесь. Еще в январе нынешнего года Всероссийский чувашский военный съезд принял решение о поддержке парламентарного Волго-Камского штата.

Выступление Пиктемира наполнило душу Мулланура радостным ощущением победы. Волнение его как рукой сняло. Теперь он уже ни секунды не сомневался, что совещание пройдет удачно.

Так и вышло. Положение было поддержано подавляющим большинством выступающих. Неприятный осадок, правда, оставило выступление Грасиса. В запальчивости он договорился до того, что объявил Центральный мусульманский комиссариат организацией самозваной, не санкционированной волей народа. Что касается идеи создания Татаро-Башкирской Советской республики, то на этот счет Грасис высказался еще решительнее.

— Создание таких национальных автономий,— сказал он,— в конечном счете выгодно не пролетариату, а буржуазии. Именно буржуазия, а не пролетариат стремится к отделению от центрального правительства. А мусульманский пролетариат против Татаро-Башкирской республики!

Муллапур чувствовал, что ненависть оратора к национальной буржуазии искренна. Отчасти он даже разделял его опасения, что буржуазия попытается использовать идею автономии в своих целях. Однако было чистым без-

умием делать отсюда крайние выводы, направленные против идеи самоопределения наций, лежащей в основе национальной программы партии большевиков.

Путаным и нигилистическим выводам Грасиса необходимо было дать решительный отпор.

— Когда на этом заседании некоторые представители местных Совдепов взяли на себя смелость утверждать, что мусульманский пролетариат против создания Татаро-Башкирской республики,— начал он,— мне невольно захотелось ответить им словами Чацкого, обращенными к Репетилову: «Послушай! Ври, да знай же меру!»

Подождав, пока утихнет вызванный его словами смех и улягутся аплодисменты, он продолжал:

— В своем выступлении я буду опираться только на факты. Чтобы познакомить вас с истинным отношением мусульманского пролетариата к Положению о Татаро-Башкирской Советской республике, я позволю себе прочесть несколько телеграмм. Всего несколько, хотя сразу хочу отметить, что таких телеграмм в нашем распоряжении десятки.

— «25 марта,— читал Мулланур,— состоялось общее собрание рабочих-мусульман Казанского порохового завода. Доклад большевика Ахтямова о Татаро-Башкирской Советской республике был встречен аплодисментами...» Представитель Пермского губернского Совета и мусульманского комиссариата сообщает: «1 апреля в Перми проходил мусульманский съезд заводских рабочих, на котором решено поддержать республику». С 12 по 21 мая в Казани проходила общая конференция рабочих-татар. Она единодушно приветствовала Положение о республике. А вот сообщение из Чистополя, со съезда мусульманских крестьян и учителей... Есть телеграммы из Уфы, Оренбурга, Ташкента, Астрахани и из других мест.

В зале зашумели, громко зааплодировали. Вдохновленный этой бурной реакцией, Мулланур отложил в сто-

рону документы и заговорил, стараясь сдерживать волнение: он не хотел, чтобы его спор с Грасисом принял характер запальчивой и нервной полемики. Тут нужна была серьезная, аргументированная отповедь.

— Вот, товарищи,— спокойно сказал он,— каково на самом деле отношение мусульманского пролетариата к Татаро-Башкирской республике.

Но спокойствие все-таки изменило ему.

— Товарищ Грасис,— сказал он, и голос его невольно дрогнул,— вероятно, обмолвился, посмев заявить, что Центральный мусульманский комиссариат есть организация самозваная, не санкционированная волей народа. Любопытно, товарищи, что такое же обвинение бросил недавно в наш адрес со страниц буржуазной печати политический хулиган Атаулла Багаутдинов. Какое трогательное единение...— в голосе Мулланура теперь звенел неподдельный, ничем не сдерживаемый гнев,— какое трогательное единение коммуниста Грасиса с самыми темными силами из лагеря ненавистной ему буржуазии! Я предлагаю товарищу Грасису и его единомышленникам хотя бы просто подсчитать количество зарегистрированных у нас мусульманских комиссариатов, стихийно возникших на местах. Тогда, я думаю, им многое станет ясно...

Зал притих. Мулланур оглядел лица внимательно слушающих его людей. Тут были и его соратники, верные и преданные друзья. Были и недруги. Но все они, все до одного, слушали его, затаив дыхание. Кто — одобрительно улыбаясь, а кто — стиснув зубы, с трудом сдерживая нарастающую неприязнь. Как ни странно, но именно эти хмурые лица недругов вернули Муллануру утраченное было спокойствие.

— Товарищи рабочие и сознательные крестьяне-мусульмане! — обратился он к залу. — Во имя вашей свободы, во имя вашего будущего объединяйтесь под красными знаменами Советской республики! Не забывайте: в дале-

кой Индии, в Египте, в глубинах Азии живут миллионы наших братьев мусульман, таких же рабочих, таких же крестьян-бедняков, как вы! Они стонут под двойным игом европейской и своей национальной буржуазии. Если ваши сердца горят желанием помочь угнетенным братьям, освободить их и ввести в ряды международного пролетариата, твердо держитесь великих идеалов социализма!

Голос Мулланура гремел в притихшем зале, как набатный колокол:

— Друзья! Товарищи! Братья! С гор могучего Кавказа, из глубин Сибири, из сел и деревень спешите на защиту рождающейся Татаро-Башкирской республики! Да здравствует Татаро-Башкирская республика! Да здравствует возрождающийся к новой жизни, объединенный с русским пролетариатом мусульманский пролетариат!

2

Совещание затянулось допоздна. А потом Мулланур еще долго разговаривал с делегатами: они обступили его, каждый тянулся со своим вопросом, каждому надо было ответить, что-то разъяснить, в чем-то утешить, успокоить.

Было уже далеко за полночь, когда Мулланур наконец добрался до своей комнаты. В изнеможении сел он на кровать; хотелось прямо вот так, не раздеваясь, лечь и провалиться в сон, как в глубокий, темный омут. Однако усилием воли он заставил себя стянуть сапоги, откинуть одеяло.

Внезапно раздался робкий, осторожный стук в дверь.

«Кто бы это мог быть в такой поздний час?» — удивленно подумал Мулланур и спросил:

— Кто там?

— Это я, комиссар! Я, Абдулла! — послышалось из-за двери.

— Абдулла?! — Мулланур радостно кинулся навстречу другу.

На пороге и впрямь стоял Абдулла — целый и невредимый, в старенькой своей, видавшей виды солдатской шинели, с котомкой за плечами, с суковатой палкой в руке.

Мулланур стиснул руку Абдуллы обеими руками. Но тот, как медведь, схватил в охапку своего друга комиссара и с силой прижал к груди.

Чуть не до самого рассвета рассказывал Абдулла Муллануру обо всем, что случилось с ним в Казани. Мулланур слушал, почти не перебивая. Лишь изредка задавал какой-нибудь короткий наводящий вопрос — ему важна была каждая подробность, даже если она казалась рассказчику пустяковой, не стоящей внимания.

Абдулла развязал свою котомку и достал оттуда смятую газету.

— Вот,— смущенно протянул он ее Муллануру.— Это мне подбросили. Хотел выкинуть эту гадость, но потом подумал: может, тебе, комиссар, интересно будет поглядеть, что про тебя пишут твои враги. Ты ведь учил меня, что врагов надо хорошо знать.

Эту довольно длинную речь Абдулла произнес, словно бы оправдываясь. Похоже было, что он чувствует себя виноватым.

— Ты молодчина, Абдулла! Правильно сделал, что не выкинул. Выкинуть ее мы всегда успеем...

Он торопливо развернул и разгладил смятый газетный лист.

Это была контрреволюционная газета «Алтай», заступившая место запрещенного «Курултая». Муллануру сразу же кинулась в глаза размашистая карандашная надпись на полях: «Читай, лакей красных комиссаров! Прочтешь — узнаешь, что твои дни сочтены. Передай это своим собакам-хозяевам!»

— Прямо задыхаются от злобы, бедняги,— усмехнулся

Муллапур.— Клянусь, это меня радует. Такая бессильная злоба точнее любого барометра говорит, что дела их плохи.

Абдулла ткнул пальцем в абзац, жирно отчеркнутый, как видно, тою же рукой.

— Вот, комиссар. Тут они про тебя пишут. Прочти!

Мулланур прочел вслух:

— «Мулланур Вахитов решает наши национальные дела не так, как хотим их решить мы, а так, как приказывают ему те, кому он служит,— русские, еврейские и грузинские большевики».

Это была единственная фраза, выдержанная в более или менее парламентских выражениях. Дальше шла откровенная площадная брань и прямые угрозы.

Однако Мулланур превозмог отвращение и прочел все насквозь. Что ни говори, это было любопытно.

Еще раз с необыкновенной остротой ощутил он то, о чем думал уже не раз. Да, пожалуй, из всех наболевших вопросов, доставшихся новой власти в наследство от рухнувшей Российской империи, не было другого такого мучительного и жгучего, как национальный вопрос. Это как клок волос, прилипших к запекшейся ране. Только тронь — и рана опять начинает гноиться и кровоточить.

3

Пока шло совещание, Муллануру так и не удалось перемолвиться словом со своим старым знакомым Пиктемиром Мардой. Но когда совещание кончилось, они нашли друг друга.

— Вот видишь, я же говорил, мы непременно встретимся,— сказал Пиктемир, улыбаясь и обнимая Мулланура за плечи своими огромными ручищами.

— Я рад видеть тебя, дорогой Пиктемир! — от души откликнулся Мулланур.— И особенно рад, что на сей раз мы встретились не случайно, что свело нас общее дело...

Кстати, я еще в прошлую нашу встречу все собирался спросить: почему ты Пиктемир?

— Я некрещеный чуваш,— улыбнулся в ответ Марда.— Нас много среди анатри...

— Анатри?

— Так называются южные чувашские племена. В Симбирской, Самарской, Уфимской губерниях целые селения не приняли христианства. Мы называем себя чанчуваши, что значит — истинные чуваши. Имена и фамилии у нас древнечувашские. И обычаи сохранились древние. В частности, у нас сохранился культ предков...

— Скажи, Пиктемир,— решил Мулланур переменить тему.— А как относится к идее провозглашения Татаро-Башкирской республики ваш патриарх Иван Яковлевич Яковлев?

— Мне не привелось видеться с Иваном Яковлевичем в последнее время,— сказал Пиктемир.— Но я хорошо знаю образ его мыслей. Иван Яковлевич — великий патриот чувашского народа, он трепетно относится ко всем нашим национальным святыням. В то же время он бесконечно далек от всякой национальной замкнутости. Выражаясь современным языком, он истинный интернационалист. Поэтому я не сомневаюсь, что он горячо одобрит провозглашение этой новой автономной советской республики.

— Я бы очень хотел, чтобы он оценил по достоинству нашу идею,— сказал Мулланур.— Авторитет его среди чувашей бесконечно велик. Если он нас поддержит, это сильно облегчит нашу задачу. В противном случае в руках чувашской буржуазии окажется весьма сильный козырь. А они ведь и так будут втыкать нам палки в колеса.

Необыкновенно легко было Мulлануру с Пиктемиром: тот понимал его с полуслова.

— Да, работы впереди много,— сказал Мулланур.—

Я хочу, чтобы все участники совещания, ну и работники нашего комиссариата тоже, конечно, выехали сейчас на места. Будут разъяснять массам суть нашего Положения. А сам я собираюсь выступить перед рабочими Москвы, Петрограда и Казани.

— Так я и думал! — обрадовался Пиктемир.— Я тоже решил, не задерживаясь ни на один день, вернуться назад, в свои родные места. Буду ездить по городам и весям — повсюду, где живут чуваши, и агитировать их за республику. Сперва в Чебоксарах выступлю, потом в Симбирске...

— Отличная мысль! — поддержал его Мулланур.

Они обнялись.

— А помнишь,— спросил Мулланур перед расставанием,— легенду о бессмертной солнечной птице Кунгош?

— Еще бы,— улыбнулся Пиктемир.

— Не забыл — у нас с тобой была мечта: изобразить ее на нашем революционном знамени? На знамени возрождения братских народов?

— Конечно, помню! — ответил Пиктемир.— Разве такое забывают.

— Ну вот, брат. Этот заветный час приближается. Ради него стоит жить и бороться, а если понадобится, так и голову сложить! — с неожиданной даже для себя самого горячностью сказал Мулланур.

— Нет, дорогой,— возразил Пиктемир.— Мы с тобой не умрем. Если даже и приведется пасть в бою с врагами, наутро, в час восхода солнца, мы снова вернемся к людям — живыми, еще более могучими, чем прежде, совсем юными, полными сил, готовыми к новой борьбе. Вернемся, чтобы жить вечно, не старея и не умирая, на обновленной земле наших предков.

— Как птица Кунгош? — улыбаясь, спросил Мулланур.

— Да, как Кунгош, птица бессмертия,— ответил Пиктемир, стискивая худые плечи Мулланура в своих огромных ручищах.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КАЖДЫМ УДАРОМ СЕРДЦА

ГЛАВА I

1

Весной 1918 года положение в стране было критическим. Английские и французские войска высадились в Мурманске. Японцы и англичане заняли Владивосток. Немцы оккупировали Украину и Крым.

В мае белоказаки при поддержке немецких войск захватили Ростов-на-Дону. В Донской области была установлена контрреволюционная диктатура генерала Краснова.

Вспыхнули контрреволюционные мятежи в Средней Азии и в Закавказье.

В самом сердце Центральной России силы контрреволюции и империалисты Антанты решили использовать для свержения власти Советов чехословацкий корпус, который был сформирован еще до Октябрьской революции из военнопленных австро-венгерской армии. После Октября Советское правительство разрешило пленным через Сибирь и Дальний Восток выехать во Францию. Империалисты Антанты, сговорившись с командованием корпуса, обманным путем втянули солдат на путь антисоветской борьбы. В конце мая чехословацкий корпус поднял контрреволюционный мятеж. Мятежники захватили огромную территорию от Пензы до Владивостока — все пространство, на котором растянулись их эшелоны.

Воспользовавшись этой сложной и драматической обстановкой, контрреволюционные депутаты Учредитель-

ного собрания объявили в Самаре о свержении власти Советов и образовании нового, «законного» правительства России — Комитета членов Учредительного собрания. В состав этого так называемого Комуча вошли и мусульманские националисты.

Мулланур прекрасно понимал, что сейчас самое главное — защитить революцию от врагов, спасти, сохранить Советскую власть, единственную власть, способную дать угнетенным народам подлинную свободу, подлинное равноправие. Первейшей, неотложной задачей становилось создание новых красных мусульманских отрядов.

При Центральном комиссариате по делам мусульман создали Центральную мусульманскую военную коллегию.

Председателем ее стал Мулланур Вахитов.

Рано утром Мулланур, как обычно, торопился в свой рабочий кабинет; его ждали неотложные дела. В коридоре ему внезапно преградил дорогу Абдулла.

— За что, комиссар? — жалобно спросил он.— За что обижаешь Ахметова?

— Я? — удивился Мулланур.— Я тебя обижаю? Бог с тобою, Абдулла, милый! Что это тебе померещилось?

— Ты, комиссар. Ты меня обидел. Прямо всю душу разбередил.

— Ну, говори скорее! Чем же я тебя обидел?

— Зачем не велел записывать меня в батальон? В наш, татаро-башкирский красный батальон? Чем плох стал тебе Абдулла? Не веришь мне больше?

Только тут Мулланур догадался, в чем дело.

Когда в Москве формировали Первый татаро-башкирский батальон, он дал указание записывать в него добровольцев не старше пятидесяти лет. А Абдулле за пятьдесят уже перевалило. Вот его и не записали. Да еще сослались при этом на личное указание комиссара Вахитова.

Мулланур утешил старика:

— Не горюй, Абдулла! Ты свое уж отвоевал. Пока что с тебя хватит. И потом, ты мне нужен здесь, в комиссариате. К тому же тебе и отдохнуть не мешает после ранения.

— Вот те на! — всплеснул руками Абдулла.— Да как же я могу отдыхать, когда враги со всех сторон на нас лезут, за горло хватают! Там война идет, а я буду здесь, в тылу, прохлаждаться?

— Здесь тоже фронт. Прохлаждаться нам с тобой и здесь не придется, это я тебе обещаю.

— Пойду на фронт! Пока в руках еще есть сила, хочу воевать по-настоящему. Аллахом клянусь, комиссар, там от меня больше пользы будет.

— Ладно, будь по-твоему,— уступил Мулланур.— Начнем формировать Второй батальон, туда и запишешься. Я прикажу, чтобы для тебя сделали исключение.

2

День был солнечный, ясный. Легкий ветерок обдувал прохладой разгоряченные лица.

Бойцы Первого татаро-башкирского социалистического батальона были выстроены поротно на Красной площади; вот-вот прозвучит команда, и они двинутся, чекаия шаг, по старой брусчатке.

Абдулла стоял рядом с Галией и любовался воинами — их ловко пригнанным обмундированием, выправкой, всей их сильной и решительной статью. Даже сейчас, когда они просто стояли, замерев в ожидании очередной команды, в их ровных и стройных рядах ощущалась неодолимая, грозная сила.

— Да, голубка моя,— говорил Абдулла, обращаясь к Галии,— это тебе не «железные дружины»! Там все об одном: как бы сбежать, уклониться от службы, сказаться

больным. А эти... Ты только глянь, Галия. Ты только глянь! Настоящие батыры! Львы!

— Вон наш комиссар! — крикнула Галия.

Абдулла оглянулся и увидал своего комиссара, стоявшего на сколоченной наспех деревянной трибуне.

— Товарищи! — сказал Вахитов. Вроде негромко сказал. Но вся площадь услышала этот спокойный, уверенный голос.— Октябрьская революция, разрушив устои капитализма, создала арену, на которой революционные массы должны проявить свою творческую энергию. Советская власть обращается к вам, красные мусульманские орлы, и призывает вас встать в ряды борющегося пролетариата.

Голос комиссара окреп, зазвучал громче, сильнее.

— Я верю, что мусульманский пролетариат не пощадит своей жизни, чтобы защитить завоевания Октября!

Мулланур оглядел ряды бойцов.

— Международный империализм сжимает нас железным кольцом. Империалисты всех стран хотят своим ядовитым дыханием погасить тот светильник, который зажжен могучей рукой российского пролетариата в октябрьские дни. Но мы верим: это уже никому не удастся. Слишком силен теперь пролетариат, чтобы его можно было победить...

Раскатистое «ура» загремело на площади. Казалось, его подхватили не сотни, а тысячи, десятки тысяч человеческих глоток.

Закончив речь, Мулланур сошел с трибуны, приблизился к первой шеренге бойцов и вручил командиру батальона знамя.

— На вашем боевом знамени,— сказал он,— написано: «Смерть врагам революции. Первый татаро-башкирский добровольческий батальон». Мы верим, что вы будете высоко нести это знамя, не уроните его в бою, не отдадите на поругание врагам. Добрый вам путь, братья!..

3

Абдулла спешил поделиться радостью с комиссаром: только что его наконец зачислили бойцом Второго мусульманского социалистического батальона. На радостях он распахнул дверь Мулланурова кабинета, не постучавшись. И сразу отпрянул: комиссар был не один. Против заваленного бумагами стола сидел тоненький темноволосый человек с огромными печальными глазами. Лицо его показалось Абдулле знакомым. Приглядевшись, он вспомнил, что несколько раз встречал его в комиссариате, но кто он такой, так и не знал.

Не желая мешать деловой беседе, Абдулла хотел было тихонько прикрыть дверь и незаметно удалиться. Но Мулланур весело окликнул его:

— А-а, Абдулла! Легок на помине. А мы как раз о тебе говорили. Заходи, дорогой! Познакомься с нашим турецким другом Мустафой Субхи.

Гость Муллапура пошел Абдулле навстречу:

— Рад... Очень рад познакомиться с вами.

— Спасибо,— виновато улыбнулся Абдулла.— Я тоже рад, хотя и не знаю, кто вы. Как видно, вы друг комиссара Вахитова. А друг моего друга — мой друг.

— Товарищ Мустафа Субхи — наш гость. Он родом из Турции,— пояснил Мулланур.

— Турок, значит? — удивился Абдулла.

— Да.

— Про турков я слышал. Они ведь тоже мусульмане, верно?

— Да, Абдулла, верно.

— Я слыхал, что многие татары, когда их хотели обратить в христианство, бежали в Турцию.

— Вы правы, Абдулла,— подтвердил гость.— Я знал у себя на родине много татар, родители которых были выходцами из Казани.

— Как же вы у нас тут в Москве-то очутились? — не удержался от вопроса Абдулла.

— В эту войну Турция воевала с Россией на стороне Германии. Как только я стал соображать, что к чему, мне сразу расхотелось проливать свою кровь за турецкую буржуазию. И вот мы с группой друзей надумали сдаться в плен. А когда началась в России революция, мы сразу поняли, на чьей стороне надо бороться. Так судьба и привела меня в Москву, к твоему другу комиссару Вахитову.

— Товарищ Субхи сейчас работает у нас в отделе международной пропаганды,— сказал Мулланур.— Мы с ним обсуждали некоторые вопросы, касающиеся наших мусульманских войсковых соединений. И вот тут-то как раз речь и зашла о тебе... У каждого бойца должен быть отличительный знак, показывающий его принадлежность к данной армии. Верно?

Абдулла все еще не догадывался, куда клонит комиссар. Какая связь может быть между серьезными разговорами, которые ведут меж собой эти умные, образованные люди, и им, малограмотным старым татарином, бывшим дворником?

И вдруг он увидел, что на столе комиссара лежит деревянная красная звезда, окаймленная сверху зеленым полумесяцем. Та самая звезда, которую он вырезал собственными руками и подарил комиссару перед тем как уйти на фронт, на защиту Петрограда.

— Вот, дорогой,— сказал Мулланур, взяв в руки давний подарок Абдуллы.— Товарищ Субхи предлагает сделать эту звезду отличительным воинским знаком красных мусульманских бойцов. Узнаёшь ее?

— Как не узнать,— улыбнулся растерянно Абдулла. Он был счастлив, что его бесхитростный подарок пригодился комиссару, что и он тоже будет на свой лад служить революции.

4

Дулдулович с каждым днем все острее чувствовал, что комиссар Вахитов перестал доверять ему. Впрямую об этом он, конечно, не говорит. Но зачем слова? Это ведь ясно и без слов. Вот, например, раньше его приглашали на все заседания комиссариата. А сейчас про него то и дело забывают. Случайность? Какое там! В таких делах у большевиков случайностей не бывает... Да что там заседания! Даже прямую его обязанность — устройство делегатов, приехавших обсудить и принять Положение о Татаро-Башкирской республике,— на этот раз взял на себя Ибрагимов. Как будто у него, у Ибрагимова, других дел мало. Нет, тут, к сожалению, не может быть сомнений. Он, Эгдем Дулдулович, вышел у комиссара из доверия...

Одно утешение осталось теперь у Эгдема — красавица Галия, с которой он познакомился еще в Петрограде и которая замолвила тогда за него слово перед этим волком в образе человека — перед комиссаром Вахитовым.

Галия, судя по всему, влюблена в него. Это льстило самолюбию. Впрочем, не только самолюбию: девчонка очаровательна, Эгдем искренно любовался ею. Да и в будущем она могла еще оказаться полезной. Влюблен ли он в нее? Трудно сказать. У нее легкий, покладистый характер. Она верный товарищ, на которого можно положиться. Все так... Но Эгдем, конечно, не помышлял о том, чтобы всерьез связать с нею свою жизнь. Она была для него просто-напросто очередной возлюбленной, каких у него в прошлом было немало...

По окончании рабочего дня Эгдем встретил, как сговорились, Галию у здания комиссариата. Под руку они медленно побрели по набережной Москвы-реки.

Девушка была в легком пальто. Она даже не накинула на голову платок, и темные густые волосы ее трепетали на влажном весеннем ветру. Задумчивое и нежное

выражение милого лица не было омрачено никакой заботой, глаза искрились радостью и безмятежным весельем. Но через минуту-другую скверное настроение спутника передалось и ей.

— Что с тобой, милый? — Галия заглянула в глаза Дулдуловичу.— Ты грустишь?

— И не захочешь, а загрустишь,— мрачно буркнул он в ответ.

Искорки веселья в глазах Галии мгновенно погасли.

— Скажи мне все! — взволнованно заговорила она.— У нас с тобой все должно быть пополам. И радость и беда. Не скрывай ничего, прошу тебя.

— Да все этот комиссар твой,— злобно сказал Дулдулович.— Невзлюбил меня. Придирается на каждом шагу.

— Мулланур?

— Он самый... То ли физиономия моя ему не приглянулась, а может, и еще что похуже...

— Похуже? — удивилась Галия.— А что может быть хуже?

— Не доверяет он мне, отстранил от всех важных дел. Видно, подозревает в чем-то. А в чем — не знаю.

— Может, тебе показалось? — робко предположила Галия.

— Показалось?! Как бы не так! Все уже заметили, что он меня на дух не принимает, третирует всячески. Ну а за ним и остальные. Вы все ведь так и смотрите ему в рот, ловите каждое его слово. Да и я, честно говоря, тоже сперва был от него без ума. Чуть ли не святым его считал. А он...

Но Галия не дала ему продолжать.

— Нет-нет,— решительно оборвала она.— Ты не прав! Мулланур не способен держать камень за пазухой. Если бы он был тобой недоволен, он так прямо тебе об этом и сказал бы. А уж относиться к кому-нибудь с предубеждением — это и вовсе на него не похоже. Он справедливый...

— Видишь, как выходит, о нем плохого слова сказать нельзя, а ему так все можно! — упрямо твердил Эгдем.

— Что можно? Что ему можно?

— Преследовать меня! Подозревать меня! Подкапываться под меня!

И вдруг Галию словно ударило: она вспомнила разговор, который Мулланур совсем недавно завел с нею об Эгдеме.

— Да, верно,— она тряхнула головой, словно желая отбросить от себя это неприятное воспоминание.

— Что «верно»? — оживился Дулдулович.

— Он недавно расспрашивал меня о тебе.

— Что спрашивал?.. Ну? Что же ты замолчала?

— Спрашивал, давно ли я тебя знаю, где мы познакомились,— нехотя призналась Галия.

— И что ты ему наговорила?

— Сказала все, как есть. Что мне скрывать?

Долго еще бродили в тот вечер Дулдулович и Галия по набережной Москвы-реки. Эгдем рассказывал девушке о своей жизни, о долгих своих скитаниях по белу свету, о том, как много горя привелось ему встретить в жизни, как часто приходилось терпеть от людской злобы и несправедливости.

Галия слушала и невольно поддавалась обаянию вкрадчивых, нарочито задушевных интонаций его мягкого, воркующего баритона. Почувствовав, что настроение его спутницы переломилось, Эгдем становился все более и более напористым.

— Ты слишком доверчива, Галия,— обнимая девушку за плечи, внушал он.— Думаешь, твой Вахитов и дружок его Ибрагимов так уж бескорыстны? Только о мировой революции думают? Не волнуйся, себя тоже не забывают. Вся эта болтовня о революции, о страдающем народе только способ выдвинуться, вылезть наверх. Стать

над нами, такими, как ты да я, да командовать, помыкать нами. Ну а я... Вот скажи честно, чем я хуже их?

Но тут Эгдем почувствовал, что, пожалуй, уж слишком разоткровенничался, и спешно стал исправлять свою ошибку.

— В конце концов, все мы живем не для себя, а для народа, для будущих поколений. Каждому хочется оставить о себе добрую память. И вот трудишься в поте лица, не щадишь ни сил, ни здоровья. Ночей не спишь. А потом вдруг находится вот такой Вахитов или Ибрагимов, и вся твоя работа, все твои усилия идут насмарку...

«Нет,— подумала Галия.— Он человек хороший, искренний. Просто обижен на Мулланура, вот и злится. А когда человек злобится, ему трудно быть справедливым. Это пройдет. Мулланур — человек замечательный. И Эгдем тоже. И не может быть, чтобы два таких человека в конце концов не поняли и не полюбили друг друга...»

ГЛАВА II

1

Совнарком выделил для комиссариата довольно большую сумму денег — 90 180 рублей. Это было гораздо больше, чем ассигновали на нужды других национальных комиссариатов.

Мулланур ждал этих денег, как манны небесной. Однако время шло, а деньги все не приходили. Вот и сегодня на вопрос Мулланура, получены ли наконец совнаркомовские деньги, Эгдем Дулдулович, которому было поручено это дело, ответил, что нет, все еще не пришли.

— А в чем заминка? Вы выяснили? — спросил Мулланур.

— Наркомнац задерживает.

— С кем вы там говорили?

— С заместителем наркома.

— Надо было к самому наркому обратиться.
— Его вчера не было.
— Хорошо, можете идти. Я сам займусь этим делом.
Как только Дулдулович вышел, Мулланур соединился по телефону с Наркомнацем. У телефона оказался замнаркома.
— Добрый день,— сказал Мулланур. — Я хотел бы поговорить с народным комиссаром.
— А по какому вопросу, товарищ Вахитов? — спросил замнаркома.
— Да вот никак не можем получить деньги, ассигнованные нам Совнаркомом,— ответил Мулланур. — Хочу узнать, почему такая задержка?
— Тогда вы попали прямо по адресу. Это я распорядился пока их не выдавать.
— Вы?! Но почему? Какие у вас основания?
— Мы тут посоветовались с товарищами и решили, что девяносто тысяч для вашего комиссариата — это, пожалуй, слишком много. Вы ведь не одни у нас.
— Позвольте! — возмутился Мулланур. — Но это решение Совнаркома!
— Вот поэтому мы и решили направить в Совет Народных Комиссаров протест коллегии Наркомнаца.
— Выходит, решение Совета Народных Комиссаров для вас не обязательно?
— Совнарком не согласовал это свое решение с нами.
— Ну что же,— Мулланур изо всех сил старался сохранить спокойствие. — В таком случае мне придется обратиться в Совнарком.
— Пожалуйста. Но мы свое мнение не изменим. Предупреждаю вас.
И заместитель наркома повесил трубку.
Поколебавшись, Мулланур решил позвонить Ленину.
— Совершенно верно,— подтвердил Владимир Ильич. — Совнарком действительно получил такой протест от имени коллегии Наркомнаца.

— Но как же так? — горячился Мулланур. — Ведь они должны подчиняться решению Совета Народных Комиссаров! А иначе полная анархия получается!

— Абсолютно с вами согласен, товарищ Вахитов,— успокоил его Ленин. — Именно анархия. Товарищи из Наркомнаца не совсем правильно понимают свои права и обязанности. Ну ничего. Мы это исправим. Сумму, выделенную для нужд мусульманского комиссариата, вы получите сполна. Обещаю вам это.

Свое обещание Ленин выполнил в тот же день. «В чем дело со сметой Вахитова на национально-мусульманскую агитацию? — писал он в своей записке, адресованной в Наркомнац.— Почему вы задержали эту смету?»

Мулланур был счастлив. Его не так радовало то, что спор решился в его пользу, как то, что Ленин сразу понял: деньги эти пойдут на очень важное, необходимое для революции дело.

На очередном заседании Совнаркома, проходившем под председательством Владимира Ильича, протест коллегии Наркомнаца был отклонен. Совет Народных Комиссаров подтвердил первоначальное решение: выделить для мусульманского комиссариата 90 180 рублей.

В тот же день в кабинете Мулланура зазвонил совнаркомовский телефон.

— Товарищ Вахитов? — раздался в трубке такой знакомый, бесконечно родной голос Ильича. — Ваше дело улажено. Вы можете сегодня же получить всю выделенную для комиссариата сумму.

— Спасибо, Владимир Ильич,— сдержанно поблагодарил Мулланур, с трудом преодолев мальчишеское желание заорать от радости во все горло.

— Я уверен, что деньги найдут достойное применение.

— Конечно, Владимир Ильич! Непременно!

И на этот раз ответ его был сдержан, по-деловому сух. Но в душе его все пело и ликовало.

2

Август Петрович Амбрустер, высокопоставленный эмиссар правительства Комуча в Самаре, был не в духе.

«Подумать только! Мальчишка! Жалкий инородец! Долго еще будет продолжаться это безумие?!»

В раздражении он швырнул на стол свежие номера «Правды» и «Известий», чтение которых вывело его из равновесия, и резко рванул колокольчик.

Отворилась дверь, и в комнату вошел высокий, сухопарый секретарь. Почтительно наклонил лысеющую голову.

— Немедленно вызовите Хакимова!

Сверкнув ослепительным пробором, секретарь удалился.

Амбрустер подошел к окну. Раздражение не улетучивалось, скорее, даже нарастало.

Двое солдат с винтовками вели арестованного рабочего.

«Ага! Попался, большевистский прихвостень! — злобно подумал Август Петрович. — Поделом тебе! Всех перестреляем до единого, пока не восстановим в стране законную власть!»

В дверь постучали.

Амбрустер отошел от окна, приблизился к массивному письменному столу, удобно устроился в кресле. Побарабанил пальцами по столу. Успокоился. Негромко сказал:

— Войдите.

Почтительно кланяясь, вошел Алим Хакимов.

Амбрустер задумчиво барабанил пальцами по столу. Молчал.

Алим не выдержал и решил первым нарушить молчание:

— Вы хотели меня видеть, Август Петрович?

— Да, господин Хакимов. Хотел.

— Я к вашим услугам.

— Грош цена вашим услугам! — взорвался Амбрустер. — Только болтать умеете! А между прочим, давно пора от болтовни переходить к делу! Вот, извольте полюбоваться. Читали?

Хакимов подошел к столу, осторожно, словно там была взрывчатка, взял в руки газеты.

— Читайте то, что подчеркнуто!

Хакимов развернул газету, медленно стал читать:

— «Действия и распоряжения Правительства...»

— Пропустите это. Дальше, дальше читайте! Я же вам сказал: только то, что отчеркнуто,— поморщился Амбрустер.

— «Всем мусульманским комиссариатам,— прочел Хакимов. — В грозный момент, переживаемый Советской Республикой, мусульманский пролетариат должен весь встать на ее защиту. Все красноармейские мусульманские части немедленно мобилизовать для борьбы с контрреволюцией. Распространяя воззвания, действуя в теснейшем контакте с Совдепами, все имеющиеся в вашем распоряжении силы посылайте против Дутова, чехословаков... В могучей борьбе за свободу мусульманский пролетариат обязан занять свое почетное место, идя вместе в бой со всеми пролетариями. Председатель Центральной мусульманской военной коллегии Вахитов».

— Н-да,— протянул Хакимов, дочитав воззвание до конца.

— Это еще не все! Читайте теперь вторую газету,— яростно крикнул Амбрустер.

— «Ко всем трудящимся мусульманам! — стал читать Хакимов. — В феврале 1917 года рабочие и переодетые в серую солдатскую шинель крестьяне сбросили в бурный поток истории трон кровавого царизма, а в великие, незабвенные октябрьские дни они мощным проявлением революционной энергии сокрушили силу русских капиталистов и создали Рабоче-Крестьянское правитель-

ство, на долю коего выпала тяжелая и ответственная миссия...»

— Неплохо, однако, владеет пером этот ваш компатриот, которого вы постоянно называли недоучкой, а также награждали всякими другими столь же нелестными эпитетами,— прервал его Амбрустер.

Не обратив внимания на ехидную реплику, Хакимов продолжал читать:

— «Пусть же, пусть со всех концов России огненной лавой несутся победоносные революционные воины-мусульмане на защиту власти рабочих и беднейших крестьян. И верим мы, глубоко верим, что проснувшийся к новым великим судьбам мусульманский пролетариат внесет в историю революционного движения славные героические страницы...»

— Хватит! — рявкнул Амбрустер. — С меня довольно. Читайте подписи!

Приблизив газетный лист к самым глазам, Хакимов медленно прочел:

— «Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)... Народный комиссар по военным и морским делам...»

— Дальше, дальше читайте! — снова не выдержал Амбрустер.

— «Председатель Центрального мусульманского комиссариата Мулланур Вахитов», — прочел Хакимов, и лицо его перекосилось от ненависти.

— Ну что? Убедились, как широко шагает этот ваш Вахитов? А ведь вы, помнится, клялись мне, что заткнете ему рот надолго. А то и навсегда. Так-то вы выполняете свои обещания, господин Хакимов?

— Я... Право, я не думал... — растерянно начал оправдываться Алим.

— Напрасно, господин Хакимов! Напрасно не думали. Надо было думать. И не только думать, но и дейст-

вовать. Вы только поглядите, до чего дошло! Он уже с самим господином Ульяновым совместные обращения подписывает! Но это, в конце концов, не так существенно. Карьера господина Вахитова меня, признаюсь, не слишком занимает. Важно другое. Этими своими обращениями он вышибает почву у нас из-под ног. И если мы не займемся вашим комиссаром вплотную, скоро у нас в Казани ни одного сторонника не останется. Нет, как хотите, господин Хакимов, а этого вашего Мулланура Вахитова надо унять.

— Убрать? — спросил Хакимов.

— Фи! — поморщился Август Петрович. — Ну зачем же так грубо? Лично я против политических убийств. Нет, это надо сделать иначе. Более элегантно.

— В комиссариате Вахитова работает наш человек,— сказал Хакимов.

— Ну и что толку от этого вашего человека? Что он сделал? Чем помог? Сорвал он хоть какую-нибудь важную затею Вахитова?

— Нам важно было внедрить туда своего человека. Это удалось как нельзя лучше. Теперь он ждет указаний. Пока же мы получаем от него крайне ценную информацию.

— Вот как? И какого же рода эта информация?

— Совсем недавно мой агент сообщил мне, что все его усилия помешать Вахитову проводить свою линию в Наркомнаце потерпели крах. В Наркомнаце у нас тоже есть люди, но...

— Но что же?

— Вахитова поддерживает сам Ленин.

— Ну, не мне вас учить, господин Хакимов. Разные есть способы убрать с дороги человека, который вам мешает. Вовсе не обязательно уничтожить его физически. Можно уничтожить морально... Не понимаете?.. Ну, скажем, распустить какой-нибудь порочащий его слух...

Я полагаю, что обычай писать жалобы друг на друга существует не только у нас...

— Вы имеете в виду донос?

— Назовите это доносом, я не возражаю.— Амбрустер снова поморщился. — Надо сделать так, чтобы персоной господина Вахитова заинтересовалась ЧК.

— Я вас понял, Август Петрович,— почтительно наклонил голову Алим,— и немедленно дам указания своим людям. Думаю, что на этот раз мы не промахнемся. Вы совершенно правы, давно уже пора унять этого выскочку!

3

В этот день у Дулдуловича было особенно много работы, и он вернулся домой совсем поздно. В голове была только одна мысль: скорее бы лечь в постель, вытянуть ноги, забыться сном.

Однако дома его ожидал не слишком приятный сюрприз. Едва только он отворил дверь и зажег лампу, как ему бросилась в глаза знакомая тщедушная фигурка, свернувшаяся калачиком на его кровати. «Харис! Жив курилка! Ну, если Харис здесь, значит, опять что-то заваривается».

Смирившись с мыслью, что о спокойном ночном отдыхе не приходится и мечтать, Дулдулович стал будить нежданного гостя.

Харис проснулся мгновенно, словно и не спал, а лишь прикидывался спящим. Сел на кровати, по-восточному скрестив ноги. Лукавое, умное личико его оживилось остренькой иронической усмешкой. Сна не было ни в одном глазу.

«И откуда только в нем силы берутся. Поглядеть — еле-еле душа в теле, а вот поди ж ты! И не устает даже. Словно железный»,— неприязненно подумал Дулдулович.

— Здравствуй, дорогой! Рад тебя видеть,— говорил

между тем Харис.— Привет тебе от нашего общего друга Алима. Алим тебя помнит, любит. Надеется, что и ты его не забыл.

— Думаю, ты прибыл сюда не только для того, чтобы передать мне его любовь?

— Верно, верно. Не только любовь, но и указания. Алим велел...

— Велел? — усмехнулся Дулдулович.— Ну, вряд ли Алим Хакимов имеет такую власть, чтобы давать мне указания, а тем более повелевать мною. Покамест я служу не у него, а в советском учреждении.

— Верно, верно,— покивал головой Харис.— Не будем спорить о словах. Скажу по-другому: Алим настоятельно советует тебе предпринять какие-то решительные шаги, чтобы обезвредить Вахитова.

— Что значит «обезвредить»? — Дулдулович невольно поежился.

— Надо придумать что-нибудь такое, чтобы он уже не вывернулся. Алим такую мысль подал: что, если на него донос написать?

— Если я это сделаю... Ты понимаешь, чем это пахнет? Да ведь меня же сразу на чистую воду выведут! Этот Вахитов перед ними чист как стеклышко. На нем даже самого маленького пятнышка нету!

— Э, брат, недаром ведь говорят, что на солнце и то есть пятна. Придумай что-нибудь. Не бойся. Никто даже и не узнает, что это ты донос написал. Подписываться ведь не обязательно. Донос может быть и анонимный. Важно лишь, чтобы они поняли, что это свой человек пишет, отсюда. Из самого их гнезда. Знающий факты. Знающий всю ихнюю советскую механику. А тут как раз тебе и карты в руки.

— Не поверят.

— У-у! Еще как поверят! Это уж твое дело, дорогой, так написать, чтоб поверили. Главное, не сбивайся на

мелочи. Придумай что-нибудь такое, чтобы у них волосы на голове зашевелились, когда читать будут. В большую ложь не поверить нельзя.

ГЛАВА III

1

Лето 1918 года было трудным для молодой Советской власти. Вести с фронтов приходили одна тревожнее другой. Наспех сформированные, бедно экипированные, плохо обученные воинские формирования только что созданной Красной Армии с тяжелыми боями отступали к Москве.

Особенно сложное положение создалось на Восточном фронте. «Сейчас,— писал в те дни Владимир Ильич Ленин,— вся судьба революции стоит на *одной* карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара».

Это были земли, с древних времен населенные тюркскими племенами — татарами, башкирами, чувашами, казахами... Жизненно важной задачей Советской власти в этот момент было завоевание доверия местного населения. Необыкновенно важно было сколотить воинские соединения, сформированные из представителей народов, испокон веков населяющих эти земли. Знание местности, языка, на котором говорит коренное население,— все это становилось важным военно-стратегическим фактором, помогающим вести быстрые наступательные операции.

Мулланур и его сотрудники делали все, что было в их силах, чтобы как можно больше воинов-мусульман влилось в части Красной Армии, сражающиеся на Восточном фронте. Первый татаро-башкирский батальон, сформированный в Москве, уже прибыл в Казань.

В стратегических планах командования сил русской контрреволюции, готовящих наступление на Москву, Казань занимала особое место.

Один из видных деятелей белого движения впоследствии так объяснял это:

«Казань было решено взять во что бы то ни стало. Это было необходимо по следующим мотивам: в Казани находилось все золото Российского государства. Там же находилось колоссальное количество артиллерийского и интендантского снаряжения. Кроме того, Казань была важным политическим центром России и главным центром Поволжья».

Но коммунисты решили Казань отстоять любыми силами, врага задержать еще на подступах к городу.

Казанский Совдеп и губком партии располагали сведениями, что город кишмя кишит белогвардейскими и националистическими контрреволюционными подпольными группами, готовыми в любой момент всадить нож в спину защитникам города. Бороться с контрреволюционным подпольем было неимоверно трудно. Местная ЧК, возглавляемая секретарем Казанского комитета РКП(б) Олькеницким, предложила план операции. Но осуществить этот план своими силами было невозможно. С одобрения губкома Олькеницкий выехал с этим планом в Москву.

Татаро-башкирский батальон был поднят ночью по тревоге.

Приказ гласил:

«Окружить привокзальный район, прочесать улицы, задерживая всех подозрительных лиц, а затем выйти к реке Булак на соединение с батальоном имени Карла Маркса!»

Добровольцы понимали, что дело им предстоит нешуточное. Давно уже в городе поговаривали о готовящемся выступлении контрреволюционного подполья. Опасались даже, что дело дойдет до уличных боев.

Операция проходила спокойно. Редкие одиночные прохожие, подвергнутые проверке, оказывались мирными обывателями, и бойцы батальона уже начали было подумывать, не напрасно ли их подняли ночью по тревоге, но зряшной ли была вся эта затея. Однако, спускаясь по одной из узких улочек к самой реке, они вдруг нежданно-негаданно наткнулись на многочисленную группу вооруженных людей. Сперва те попытались бежать, но, поняв, что окружены, стали отстреливаться.

Прозвучала команда:

— Не стрелять! Взять живыми!

Рассыпавшись цепью, красноармейцы медленно сжимали кольцо окружения. Численное превосходство и бесстрашие добровольцев сделали свое дело. Вскоре все было кончено: группа неизвестных была схвачена и разоружена.

Зафырчал автомобильный мотор — это прибыл на место происшествия Гирш Ольженицкий. Выйдя из машины, он медленно прошел мимо арестованных, пристально вглядываясь в их лица. Иные из них отводили глаза, иные хмуро, исподлобья глядели на комиссара ЧК.

Ткнув пальцем в троих арестованных, Ольженицкий приказал:

— Ко мне в машину! Это особо опасные преступники. Остальных — строем в ЧК.

Бойцы татаро-башкирского батальона и не подозревали, кто были эти «особо опасные преступники», которых Ольженицкий посадил в автомобиль и увез с собой. А если бы им сказали, вряд ли они поверили бы, что такое возможно. Это была группа московских чекистов, приехавших из столицы в соответствии с планом, разработанным Казанской ЧК. Они приехали в Казань тайно, под видом активных членов савинковского «Союза защиты родины и свободы», проникли глубоко в логово контрреволюционного подполья, внедрились в самое его сердце и, рискуя

головой, помогли выявить и ликвидировать всю головку контрреволюционного заговора.

Но контрреволюционное подполье еще существовало. Враг был силен и вскоре показал свои железные когти. 23 июня 1918 года бандитской пулей был убит Гирш Олькеницкий.

К городу приближались полки восставших чехословаков и армия Комуча.

Впереди была беспощадная, кровопролитная борьба.

2

Ади Маликов, сопровождавший Первый татаро-башкирский батальон на Восточный фронт, возвращался в Москву.

Тяжело было у него на сердце. Угрожающее положение, в котором он оставил Казань, лишало его покоя и сна. Мысль о том, каково сейчас товарищам, оставшимся в его родном городе, не покидала его ни на минуту. Давно уже Маликов пришел к выводу, что в этот грозный час все работники Центрального мусульманского комиссариата должны перебраться из Москвы в Казань, чтобы возглавить борьбу трудящихся мусульман за создание Татаро-Башкирской республики. Эту идею горячо поддержал Яков Семенович Шейнкман. Он просил Маликова передать Муллануру, что казанские большевики с нетерпением ждут его в родном городе. Яков Семенович считал, что приезд Вахитова в Казань подымет боевой дух революционных защитников города. Ади волновался: ему не терпелось поскорее узнать, как отнесется к этой идее Мулланур.

У здания комиссариата, как всегда, толпились люди. Над главным входом висел кумачовый плакат. Белые буквы на выцветшей красной материи складывались в слова:

«Пламенный привет делегатам социалистических организаций военнопленных и рабочих-турок».

«Ага,— подумал Ади.— Значит, конференция уже началась».

Он вспомнил, что сегодня, 22 июля 1918 года, должна была начаться конференция левых турецких социалистов, находящихся на территории Советской республики. Готовили конференцию и должны были проводить ее Мулланур Вахитов и Мустафа Субхи.

«Мулланур, наверное, где-то там, в зале,— подумал Ади.— В президиуме. А может быть, даже и на трибуне».

Так оно и оказалось. Еще в коридоре Маликов услышал раскатистый баритон Мулланура, разносившийся по всему зданию:

— Товарищи турецкие социалисты! Озаренные светом правды и обновленной мысли, с красным знаменем в могучих руках, сыны Востока спешат в ряды международного пролетариата!..

Маликов тихонько, на цыпочках проскользнул в зал и примостился в последнем ряду.

Как всегда, слушая Мулланура, он заразился его страстью, подчинился властному обаянию его речи, согретой убежденностью. Вероятно, именно она, эта вера, самые обыкновенные слова делала необыкновенными, зажигающими людские сердца.

Маликову казалось, что Мулланур, увлеченный речью, не обратил на него внимания. Да он и не хотел отвлекать его своей персоной. Но Мулланур едва заметным кивком головы дал понять, что появление Ади в зале не осталось для него незамеченным.

Глядя прямо ему в глаза, словно продолжая давно начатый разговор, Мулланур закончил свою речь, обращаясь уже не только к делегатам конференции, но и лично к нему, к Ади Маликову, только что приехавшему из находящейся в смертельной опасности Казани:

— Мы только что проводили Первый татаро-башкирский батальон на защиту нашей священной революции! Мы ждем от наших красных мусульманских воинов великих подвигов и славных боевых дел. Скоро отправится на фронт Второй социалистический мусульманский батальон. Сейчас, в эти грозные дни, вся деятельность нашего комиссариата сосредоточится на работе военного отдела. В заключение хочу поставить вас в известность, товарищи, о решении исключительной важности, принятом нами сегодня: наш комиссариат покидает Москву и переезжает в Казань, туда, где решается сейчас судьба нашей революции...

В перерыве Мулланур подбежал к Маликову, стиснул его в объятиях.

— Все подробности потом. Сперва главное: как ты считаешь, выдержит Казань? Выстоит? Как настроение Совдепа? Что просил передать Шейнкман? — засыпал он его вопросами.

— Погоди, не все сразу,— сказал Ади, едва переводя дух после железных объятий Мулланура.— Ну, во-первых, Шейнкман просил передать тебе, что Казанский губком, Совдеп и Казанский мусульманский комиссариат делают все, что в их силах, чтобы отстоять город. А во-вторых... он просил, чтобы ты, если сможешь, срочно сам приехал в Казань... Это как, реально?

— Ты ведь слышал. Вопрос уже решен: мы переезжаем.

— Но ведь надо, вероятно, еще согласовать это с Наркомнацем?

— Все согласовано. Вчера я говорил с Ильичем, и он полностью поддержал.

— Значит, едем? А когда?

— Как можно скорее. Самое позднее через несколько дней.

— Здорово! Можно я с вами?
— Конечно! Вечером соберемся, все обсудим.

3

Было уже далеко за полночь, но сотрудники Центрального мусульманского комиссарита не расходились. Ждали комиссара, которого срочно вызвали к Ленину. Все понимали, что это связано с решением о переезде в Казань, и все-таки терялись в догадках. Может быть, случилось что-нибудь еще, о чем они не знают?

— Не иначе как что-то переменилось,— говорил Ади Маликов, нервно шагая из угла в угол.

Но что, собственно, могло перемениться? Ведь только позавчера Мулланур Вахитов на заседании Совнаркома был назначен чрезвычайным комиссаром по продовольствию в Поволжье. Сроки выезда были точно определены. Что же мог означать этот внезапный, срочный вызов?

— Что бы ни случилось,— размышлял вслух Ади,— мы должны быть готовы выехать в любой момент. Хоть сейчас. Если мы...

Он не успел закончить фразу. В коридоре послышались быстрые, энергичные шаги. Распахнулась дверь, и в комнату вошел — нет не вошел, влетел — Мулланур.

— Товарищи! — Он обвел взглядом всех своих соратников.— С товарищем Лениным окончательно согласованы все наши планы, уточнены разработанные ранее мероприятия по усилению Восточного фронта, главным образом по линии Казань — Симбирск. Должен сказать, что, по последним сводкам, положение там чрезвычайно серьезное... Я прошу каждого еще раз продумать все обстоятельства, сделать для себя все необходимые выводы. Казань приобретает значение исключительное. Товарищ Ленин сказал, что это сейчас главное звено. От того, удержим ли мы Казань, зависят судьбы нашей революции.

Товарищ Ленин просил нас сделать все, что в человеческих силах, чтобы отстоять город.

— Значит, выезжаем? — сказал Ади.

— Выезжаем. Подписан мандат, дающий мне право вмешиваться во все сферы управления, каким бы ведомствам они ни подчинялись. Нам дано право переговоров по прямому проводу с Москвой, непосредственно с Совнаркомом. Выезжаем первого августа.

4

Абдулла стоял на часах у входа в комиссариат. Собственно, не стоял, а прохаживался взад и вперед, время от времени поправляя висящую на плече старенькую трехлинейку да придирчиво вглядываясь в лица поминутно входящих в подъезд людей.

Внимание его привлек высокий усатый мужчина в пиджаке, в сапогах. Остановившись перед зданием комиссариата, он с веселой усмешкой глядел на Абдуллу.

— Что, браток? Стоишь, сторожишь?

— Стою,— буркнул Абдулла, не соображая, куда клонит этот странный прохожий.

— И всех пускаешь, кому не лень?

— Кого надо, пущу, а кого надо, задержу,— сердито огрызнулся Абдулла.

— Время-то тревожное. Надо бы пропуска завести, а не пускать, кого ни попадя.

— Ладно, ладно, проходи,— проворчал Абдулла, уже совсем рассердившись на прохожего, упорно сующего нос не в свое дело.— Говорят тебе: знаю, кого пускать, а кого нет. Не зря меня тут поставили. Я всех своих в лицо знаю.

— И меня тоже знаешь? — усмехнулся прохожий. Его живые карие глаза светились каким-то странным весельем.

— Тебя не знаю. Потому и говорю: проходи. Нечего тебе тут стоять. С часовым разговаривать не положено.

— А может, все-таки пустишь? Мне комиссар нужен.

— Комиссар занят. Сегодня никого не принимает.

— Ну-у... Для старого-то друга можно сделать исключение.

— У него друзей знаешь сколько? Каждый мусульманин считает нашего комиссара своим другом. А тебе зачем к нему?

— Зря, брат, я вижу, ты похвастался, что всех своих в лицо знаешь,— покачал головой загадочный прохожий.

Эти слова озадачили Абдуллу. Он пристально вгляделся в лицо прохожего, и вдруг оно и впрямь показалось ему знакомым. Да, да, конечно! Где-то он уже видел эти веселые карие глаза, эту большую бородавку на широком добром лице.

— Постойте! — сказал он.— Я помню, вы выступали у нас в комиссариате, когда обсуждалось положение о нашей республике.

— Было дело, выступал,— улыбнулся прохожий.

— Так бы сразу и сказали,— обрадовался Абдулла.— Проходите! Комиссар у себя. Нынче он никуда не выезжал.

Мулланур действительно в этот день никуда не выезжал из комиссариата. Но и на месте ему не сиделось. Дел перед отъездом было невпроворот. Причем дел не вполне обычных. Вот сейчас, например, надо срочно идти принимать оружие, только что прибывшее для Второго татаро-башкирского батальона.

Занятый своими мыслями, он быстро шел по коридору и сперва даже внимания не обратил на человека, идущего ему навстречу. И только когда тот улыбнулся своей добродушной улыбкой и радостно раскрыл руки для объятия, Мулланур его узнал:

— Пиктемир! Ты?! Какими судьбами?

— Да вот приехал по делам чувашского отдела при Наркомнаце. А у вас тут, гляжу, все дела сворачиваются.

Я туда, сюда, а мне говорят: так, мол, и так, формируется Второй добровольческий батальон. Ну, я сразу и решил, что мое место нынче с вами.

— Повоевать захотелось?

— Не сидеть же в сторонке, когда петля схватила нас за горло и с каждым часом сжимается все туже и туже.

— Верно, брат! Другого ответа я от тебя не ждал.

Муллапур крепко стиснул руку друга.

— Ну а с военным делом ты хоть немного-то знаком?

— В строю ходить умею. Когда мальчишкой был, в Симбирской школе учился, нас там на плацу гоняли. Вот не думал, ей-богу, что мне это когда-нибудь пригодится.

— Пригодилось, однако. А стрелять-то умеешь?

Пиктемир только улыбнулся в ответ.

— Ну ничего,— постарался подбодрить его Муллапур.— Научишься.

Они прошли в комнату, где стояло оружие.

Винтовки были хотя и не новые, но выглядели внушительно.

Повертев в руках одну, другую, приложив приклад к плечу, Муллапур озабоченно сказал:

— Хорошо бы проверить, а? Как думаешь?

— Проверим,— ответил Пиктемир Марда. Ловким, привычным движением он вскинул винтовку, оттянул затвор. Взял у сопровождающего красноармейца патроны и уверенным шагом направился во двор. Муллапур и красноармеец двинулись за ним.

Пошарив в кармане, Пиктемир нашел двухкопеечную монету. Дал ее красноармейцу:

— Кидай! Да повыше!

Красноармеец с силой запустил монетку в небо. Пиктемир быстро вскинул винтовку, почти не целясь, выстрелил. Монета, сбитая пулей, упала около поленницы в глубине двора.

— Вот это да-а! — восторженно закричал красноармеец.

— Ну и ну! — удивился Мулланур.— А еще скромничал. Где же это ты так научился?

— Отец охотник был. Жили мы в лесах. Там и не хочешь, а научишься.

— Ну молодец! Это очень кстати пришлось, что ты таким стрелком оказался. Будешь обучать бойцов. Многие из них ведь никогда раньше и винтовки-то в руках не держали. Как? Согласен?

— Для того и пришел,— улыбнулся в ответ Пиктемир.

5

Галия быстро печатала текст воззвания ко всем трудящимся мусульманам:

«Братья! С оружием в руках отстоим нашу революцию, нашу свободу!..»

В комнату заглянул Дулдулович.

— Ты одна?.. Ну, обними меня. Может, больше не увидимся.

Девушка, сияя, глядела на любимого. Смысл его печальных слов, как видно, не доходил до нее.

— Шутки кончились, девочка,— мрачно сказал Дулдулович.— Я не зря говорю: может, больше и не придется свидеться на этом свете.

— А я все равно не буду с тобой прощаться! — улыбнулась Галия, и на этот раз в ее голосе звучала уже не шутливая интонация, а какая-то отчаянная решимость.— Я тоже еду. Да, да, туда же, куда и ты. В Казань. Вместе со всем комиссариатом.

— Но ведь женщин решено оставить в Москве.

— Мало ли, что решено. А я договорилась. Буду сестрой милосердия в отряде... Я прошла специальные краткосрочные курсы сестер. И все это только для того,

чтобы всегда быть рядом с тобою,— добавила она, зардевшись.

— Ловко! — искренне удивился Дулдулович.— Смотрика! Даже и словечком не обмолвилась.

— Хотела сделать тебе сюрприз. Но ты как будто совсем не рад? Скажи. Не рад?

— Что ты, милая,— Дулдулович едва оправился от растерянности.— Я счастлив. Однако... Однако не скрою — я за тебя боюсь. Что ни говори, война — это ведь не женское дело...

Он долго еще бормотал какие-то невнятные, сбивчивые слова, изо всех сил стараясь под маской беспокойства и заботы о Галии скрыть подлинные чувства. На самом деле известие, что Галия тоже отправляется в Казань, повергло Эгдема Дулдуловича в глубокое смятение. Лишь огромным усилием воли сумел он не обнаружить охватившие его раздражение и досаду.

ГЛАВА IV

1

С раннего утра в этот день в Казани лило как из ведра. Ливень обрушился на город с такой силой, словно хотел смыть его с лица земли. Потоки воды неслись по улицам, примыкающим к вокзалу. Стена дождя была сплошной и непроницаемой, и люди, встречающие московский поезд, не рискнули выйти из здания вокзала на перрон. За грохотом ливня они даже не услышали, что поезд уже прибыл.

И тут вдруг произошло настоящее чудо. Ливень внезапно прекратился. В один миг, так же стремительно, как начался.

Встречавшие быстро вышли на перрон и зашлепали по лужам. Их было немного, всего-навсего шестеро. Чле-

ны Казанского мусульманского комиссариата и Совдепа во главе с Яковом Шейнкманом.

Из головного вагона спрыгнул на перрон Мулланур, за ним — Ади Маликов, Пиктемир Марда. Сзади возвышалась внушительная, массивная фигура Эгдема Дулдуловича.

Из вагонов уже выпрыгивали красноармейцы. Они быстро начали выгружать привезенное из Москвы оружие: винтовки, пулеметы, ручные бомбы, ящики с патронами.

— Наконец-то! — только и мог выговорить Шейнкман, обнимая Мулланура.— Оружие? Это хорошо! Много привезли?

— Думаю, что на первое время хватит,— улыбнулся Мулланур.— Ну а как настроение в городе? Как рабочие?

— Настроения всякие. Но рабочие с нами. Готовы по первому нашему зову встать на защиту города. Только бы оружия хватило!

— Оружия хватит,— еще раз успокоил его Мулланур.— А с фабричными советами создание рабочих отрядов согласовали?

— Конечно! Я же тебе говорю, ждали только оружия. Молодцы, что привезли. Спасибо, друзья. Рабочие будут довольны.

Небо посветлело, из-за туч выглянуло бледное осеннее солнце. Но Мулланур и Шейнкман были так поглощены разговором, что даже не заметили этого. Медленно двинулись они по перрону к вокзальному выходу, ведущему в город. Мулланур продолжал засыпать Якова тревожными вопросами: ему не терпелось из первых рук получить информацию о положении дел в городе.

— Скажи, дорогой Яков Семенович, обстановка тревожная?

— В высшей степени. Много белых офицеров осталось. Но главное, кулацкий элемент в деревне очень

силен. Эсеры беснуются... Твоего приезда ждали как манны небесной.

— Что так?

— Среди мусульманского населения твой авторитет очень высок. За тобой, я думаю, люди пойдут.

— А за эсерами?

— Это самый больной вопрос. Завтра собираем съезд волостных крестьянских комитетов.

— Ого!

— А что делать? Надо... Попробуем повернуть настроение крестьян. Объясним, чем грозит им поражение большевиков. Как-никак, а землю-то они получили от нас, а не от эсеров.

— А если возникнут эсеровские провокации?

— Не посмеют.

— Ой ли?.. Если я тебя правильно понял, в селах, особенно в богатых селах, все еще сильно влияние эсеров. К такому съезду надо было готовиться исподволь. Тщательно готовиться.

— Ну, сложа руки мы тоже не сидели. Делали, что могли.

— Ладно. Поглядим... Во все крестьянские комитеты вошли большевики?

— К сожалению, не во все.

«Н-да,— мрачно подумал Мулланур.— Неудачное время выбрал Совден для такого съезда. Лучше бы с этим делом погодить. Бросили бы все силы на организацию рабочих отрядов».

Вслух, однако, он ничего не сказал. Спросил:

— Где вы меня устроите?

— В Никольских номерах. Все уже готово.

— А штаб? Тоже там?

— Нет, штаб мы решили разместить в доме Стахеева.

— Зачем же? Не лучше ли было бы все сосредоточить в одном месте?

— Думаю, что нет. Тебе ведь придется заниматься не только военными делами. Поэтому Совдеп и решил, чтобы ты обосновался в Никольских номерах. А дом Стахеева — он ведь тут же рядом. Так что особых сложностей не предвидится.

— Что ж, будь по-твоему. В Никольские, так в Никольские. Там, значит, и поговорим насчет этого съезда...

2

В тот же день, как только стемнело, из дома Стахеева, где разместился штаб, вышел рослый широкоплечий мужчина в галифе и суконной гимнастерке без погон. Оглядевшись по сторонам, он пригнул голову и быстро зашагал вниз по улице.

— Эгдем! — раздался звонкий девичий голос.

Мужчина вздрогнул, точно вор, пойманный на месте преступления.

— Галия? Что ты здесь делаешь? Одна? Так поздно?

— Я шла к тебе. Вернее, в штаб. Думала, что застану тебя там. Видишь, как хорошо вышло? Еще минута — и опоздала бы. А ты куда?

— Извини. У меня важное дело.

— Ну тогда я тебя провожу. Можно? — она взяла Дулдуловича под руку.

— Нельзя, Галия. Никак нельзя,— понизил голос Эгдем.— Дело исключительной важности. Секретное. Особое задание.

— Да?..— голос у Галии задрожал.— А я так хотела... Мне надо было тебе сказать...

— Что-нибудь важное? — встревожился Дулдулович.

— Важное?.. Да... Для меня очень. И надеюсь, для тебя тоже.

— Ну говори же! Говори! — не выдержал Дулдулович. «Что-то она знает,— судорожно мелькнула мысль.— Неужели?..»

— Эгдем, милый! У нас с тобой будет маленький.

— У нас? — растерялся Эгдем.— Как — у нас?

— Ты не рад! — вскрикнула Галия. — Я так и знала, что ты не обрадуешься!

— Прости, я не понял,— поспешил исправить свою оплошность Дулдулович.— Я не сразу сообразил, о чем ты. Это так неожиданно...

— Я еще там, в Москве, хотела тебе сказать. Но тогда я была не совсем уверена. А теперь уверена... Что же ты молчишь, Эгдем?

— Я рад... Я просто счастлив... Но... ты же видишь, какое сейчас время, немудрено, что я растерялся... Успокойся, Галия, я рад... Завтра мы с тобой все это обсудим. А сейчас, извини... мне надо спешить.

— Может быть, я тебя все-таки провожу? Хоть немножко?

— Нет-нет! Ни в коем случае. Ты теперь должна себя беречь. Думать только о нем... О нашем маленьком Эгдеме...

— Ты бы хотел, чтобы это был мальчик?

— Конечно! Какой мужчина не хочет сына?

Галия была так счастлива, что ее возлюбленный уже мысленно окрестил их первенца маленьким Эгдемом, что ей и в голову не пришло усомниться в его искренности.

Счастливая, она нежно поцеловала его и убежала.

Но как только хрупкая фигурка Галии скрылась за поворотом, улыбка сползла с уст Дулдуловича. Вынув из кармана платок, он медленно вытер со лба проступивший холодный пот.

— Только этого недоставало,— пробормотал он, злобно скривив губы.— Ну и влип! Влип в историю. Теперь, пожалуй, так легко мне уже не отделаться. Придется как-нибудь выкручиваться...

Оглядевшись еще раз по сторонам, он быстро зашагал вниз по улочке, свернул в ближайший переулок, нырнул

во двор низенького одноэтажного дома, уверенно спустился по крутым каменным ступенькам, толкнув плечом, распахнул тяжелую скрипучую дверь. Позвал вполголоса:

— Харис!

— О, друг мой! Это ты? — По тону Хариса, как всегда, нельзя было понять, льстит он собеседнику или втайне глумится над ним.— Ну? — теперь уже резко, без улыбки спросил он.— Есть новости? Сведения? Факты?

— Есть,— буркнул Дулдулович.

— Я слушаю,— сказал Харис.

— Слушай и запоминай. Четыреста ручных бомб. Четыреста три винтовки. Пятнадцать тысяч патронов...

— Пулеметы?

— Четыре пулемета.

— Хотят вооружить рабочих? Когда?

— Завтра.

— Задержать раздачу оружия нельзя?

— Трудно. Этим будет заниматься сам Вахитов.

— И все-таки хорошо бы задержать.

— Попробую.

— Надо это сделать во что бы то ни стало. Задержи хотя бы до вечера. Наши уже совсем близко.

— Я сделаю все, что в моих силах.

— Если это тебе удастся — это ведь все равно что вывести из строя целый вражеский полк. Ты понимаешь?

— Не уговаривай меня. Это почти невозможно, но я постараюсь.

— Ну а теперь давай рассказывай.

— О чем?

— О дислокации вашего батальона, о его боеспособности. Постарайся не упустить ни одной мелочи.

Дулдулович с досадой отметил, что как-то незаметно их роли переменились: Харис, тот самый Харис, который в былые времена разговаривал с ним почтительно, даже подобострастно, теперь держался так, словно он его на-

чальник. Неприятно... Делать, однако, было нечего: сняв-ши голову, по волосам не плачут.

Придвинув кресло поближе к тщедушному, щупленькому Харису, он наклонился чуть не к самому его уху и стал рассказывать.

3

Этот долгий, утомительный день уже подходил к концу, когда они наконец уселись за стол, чтобы поговорить о самом главном. Их было трое: Мулланур, Шейнкман, а третий — Иоаким Иоакимович Вацетис, недавно назначенный командующим Восточным фронтом, плотный, корепастый лысый человек с умным крестьянским лицом и выправкой кадрового военного. Муллануру и Шейнкману он казался чуть ли не стариком, хотя ему было всего-навсего сорок пять лет.

— По данным разведки,— четко, по-военному информировал товарищей Вацетис,— противник сегодня утром попытался перейти в наступление. После полудня вражеская флотилия внезапно прорвалась в районе городских пристаней и высадила десант на левом берегу Волги.

— Атака удалась? Или отбита? — быстро спросил Мулланур.

— Распоряжением штаба фронта туда немедленно был выслан Пятый Земгальский латышский стрелковый полк и Первый татаро-башкирский батальон,— ответил Вацетис.

— И коммунистические отряды рабочих Алафузовского и Крестниковского заводов,— добавил Шейнкман.

— Совершенно верно,— кивнул командующий. — Стремительным ударом наши части отбросили вражеский десант за Волгу. Потоплено два корабля противника.

— А что произошло здесь? — Мулланур показал на карте район Верхнего Услона.

— Я вижу, товарищ Вахитов, вы уже в курсе всех

наших дел,— удивился Вацетис.— Здесь дело обернулось хуже. Чехословаки внезапно окружили отряд наших разведчиков. В неравном бою все наши товарищи погибли.

Мулланур мрачно забарабанил пальцами по столу.

— Война,— виновато пожал плечами Вацетис.— На войне, знаете ли, убивают. Тут ничего не поделаешь...

Словно нарочно, чтобы подтвердить эту нехитрую истину, в распахнутое окно ворвалась песня:

Смело-о мы в бой пойдем
За власть Совето-ов
И, как один, умрем
В борьбе за это...

Песня смолкла, но еще долго слышался удаляющийся нестройный топот ног, обутых в тяжелые солдатские сапоги.

— Рабочий отряд,— негромко сказал Шейнкман.— Идут занимать позицию за Кабаном.

Все встали, подошли к окну. Рабочие были одеты кто во что горазд. Многие были в кепках. Шагали нестройно, вразброд. Но держались бодро. А главное, все были при винтовках.

У Мулланура потеплело на душе: в самое время привезли сюда они эти винтовки.

— Выдержат ли? — раздумчиво сказал Вацетис.— Необученные люди.

— Эти рабочие отлично дрались на баррикадах. Они были главной силой революции...— ответил ему Шейнкман.

— Я не сомневаюсь,— вмешался Мулланур,— что рабочие отряды нас не подведут. И командиры, я думаю, у них достаточно надежные. Давайте за стол. Итак, о завтрашнем дне. Как вы считаете, где у нас самое уязвимое место?

Все трое склонились над картой.

19 Заказ 633

Однако продолжить работу им не удалось. В дверь постучали. Вошел красноармеец, откозырял, подал Вацетису пакет.

— Что это? — спросил Муллануp.

— Донесение с передовой,— ответил командующий.— В стычке с противником захвачены пленные. Среди них офицер.

— Где он? — обернулся Мулланур к красноармейцу.

— Здеся. Где ж ему быть? — степенно ответил тот.— На всякий случай, говорю, давай, мол, прихватим в штаб. Может, наши у него чего-нибудь важное выведают.

— Молодец,— обрадовался Мулланур.— Давай его сюда!

Ввели пленного. Это был высокий, стройный офицер с капитанскими звездочками на погонах. Повел он себя, однако, не по-офицерски. Суетливо заглядывая в глаза то одному, то другому из находящихся в комнате «большевистских главарей», он заговорил неожиданно высоким тенором:

— Вы не посмеете расстрелять меня! Я военнопленный! Вы обязаны соблюдать конвенцию!

У Мулланура сразу возникло странное чувство, будто он когда-то уже слышал этот высокий, истеричный голос.

А капитан тем временем, как видно сообразив, что его выкрики не производят никакого впечатления на людей, от которых сейчас зависит его судьба, решил переменить тактику.

— Считаю своим долгом поставить вас в известность, господа,— важно объявил он,— что хоть я и являюсь офицером белой армии, мне близки многие ваши воззрения и идеи.

— Это интересно,— оживился Шейнкман и, протерев очки, с любопытством воззрился на пленного.— Какие же именно наши идеи вам по душе?

— Идея всеобщего равенства, например,— быстро, как

гимназист на экзамене, торопящийся заслужить похвалу учителя, заговорил пленный.— Но особенно мне импонирует ваша программа по национальному вопросу. Хотя по происхождению я великоросс, но меня издавна глубоко возмущало угнетенное состояние малых народов, населяющих нашу страну. Если угодно, вы можете пригласить сюда комиссара Вахитова. Мы с ним вместе учились, я думаю, он меня вспомнит... Я всегда считал, что все народы Российской империи должны иметь равные права перед законом. Однажды...

И тут Мулланур узнал его. Ну конечно! Это ведь тот самый студент-белоподкладочник, с которым он так яростно спорил на студенческой сходке в 1908 году. Тогда он как будто вовсе не склонен был объявлять себя таким уж горячим сторонником равноправия и защитником интересов малых народов. Но сейчас, чтобы спасти свою драгоценную жизнь, свою голубую кровь, он, похоже, готов был объявить себя сторонником и единомышленником самого сатаны.

— Стало быть, вы сторонник равенства всех народов? — не утерпел и вмешался он.— Всех без исключения?

— Разумеется, всех! — оскорбленно пожал плечами пленный офицер. Лицо его дышало благородным негодованием.

— И даже зырян? И даже чукчей? А как же завет великого поэта? — И Мулланур процитировал: — «У чукчей нет Анакреона, к зырянам Тютчев не придет...»

Лицо офицера посерело.

— Это в-вы? — заикаясь от волнения, только и мог выговорить он.

— А что вас так напугало? Ведь вы сами жаждали встречи со мною...

Офицер тем временем уже слегка оправился от смущения.

— Я рад, что вы оказались здесь. Я и в самом деле предпочитаю объясняться с вами, старым своим э-э... коллегой... При всех обстоятельствах всегда лучше иметь дело с интеллигентным человеком...

— Даже если этот коллега осведомлен о ваших истинных убеждениях лучше, чем кто другой?

Офицер надменно вскинул голову:

— Господин Вахитов! Мы с вами не сходились во многом, мы спорили... Но это был спор об оттенках... О нюансах...

— Однако эти расхождения во взглядах, которые теперь вы склонны считать столь несущественными, все же привели к тому, что мы оказались по разные стороны баррикады и стали стрелять друг в друга,— усмехнулся Мулланур.— Или, быть может, это всего лишь недоразумение?

— О да! — обрадованно воскликнул офицер.— Конечно, это было недоразумение! Если бы вы только знали, как я страдал, как мучился! Я даже всерьез подумывал, не перебежать ли к красным. «Я русский дворянин, все мои предки честно служили России. Я не вправе идти против своего народа»,— уговаривал я себя.

— Ну и как? Уговорили? — На этот раз ирония Муллланура дошла до пленного. Тот молча потупил голову и махнул рукой. Лицо его опять приняло пепельно-серый оттенок. Видимо, решил, что дело и впрямь пахнет расстрелом.

— Ну что ж, дорогой коллега,— сказал Мулланур.— Попробуем исходить из того, что вы говорили правду. Вообразите, что вы успели осуществить свое намерение и добровольно перебежали к нам. По идейным, так сказать, соображениям. Вот карта... Подойдите к столу и расскажите нам, по возможности подробно, о расположении ваших частей...

Глаза пленного заблестели, на сером лице его вновь заиграл румянец.

— Я расскажу! — суетливо заговорил он.— Я все расскажу. Если вы меня не расстреляете, я смогу быть вам полезным. Я знаю не так уж мало... Поверьте, господин Вахитов, я вам пригожусь!

И, заглядывая поочередно в глаза то Вахитову, то Шейнкману, то Вацетису, молча наблюдавшему всю эту выразительную сцену, он стал словоохотливо и подробно объяснять, где расположены войска Комуча, где стоят части мятежных чехословаков, сколько у них в распоряжении броневиков, где находятся артиллерийские огневые точки.

Когда пленного увели, Вацетис брезгливо передернул плечами и задумчиво сказал:

— Подумать только, что вот такие ничтожества сотни лет сидели на шее у трудового народа, правили этой огромной страной.

— Вы знаете, друзья! — воскликнул Вахитов.— Я рад, что встретился вновь с этим человеком. Рад, что увидел насквозь его слабую, жалкую душонку. Хотите, смейтесь надо мной, но после разговора с ним я вдруг как-то особенно ясно понял, что эти люди обречены. Какое бы ни было у них численное превосходство, какое бы ни было преимущество в технике или вооружении, им нас не победить!

— Ты прав,— сказал Шейнкман.— Я тоже об этом подумал. Это люди без убеждений, без чести, без совести. Какая там Россия! Голый звериный страх. Все отдаст, все продаст, только бы сохранить свою драгоценную шкуру.

— Ладно, хватит о нем,— нахмурился Мулланур.— Займемся лучше анализом тех данных, которые нам удалось из него выудить...

ГЛАВА V

1

Шестого августа Пиктемир Марда отправился патрулировать по городу. С ним был Абдулла и красноармеец-башкир по фамилии Рамазанов.

Они бодро шагали по пустынным улицам, залитым ярким августовским солнцем. Погода стояла безветренная, ясная. И солнце светило так горячо, так безмятежно.

— Э-эй! Глянь-ка, что это?! — раздался вдруг тревожный крик Абдуллы.

— Где? — вскинул голову Пиктемир.

Абдулла прижался к стене дома, осторожно выглянул из-за угла; хоть и недолго довелось ему повоевать, но, как видно, солдатский опыт не прошел для него даром. Пиктемир и Рамазанов последовали его примеру.

Из боковой улицы выскочил человек с винтовкой наперевес. Пригибаясь, побежал в сторону вокзала. Следом за ним — другой, третий, четвертый...

— Чего испугался-то? — сказал Рамазанов.— Это ведь наши.

И бесстрашно вышел из-за угла навстречу бегущим.

В тот же миг Пиктемир увидал, как на плече бегущего впереди блеснул яркий солнечный блик. Погоны! Офицерские погоны!

— Ложись! — крикнул он Рамазанову.

И тотчас услыхал, как рядом засвистели пули.

Прижавшись к земле, Пиктемир по-пластунски пополз к высокому каменному крыльцу ближайшего дома, чтобы использовать его как укрытие. Абдулла и Рамазанов ползли за ним.

— Чехи,— обернувшись к ним, вполголоса сказал Пиктемир.

— Какие чехи? Откуда? — недоверчиво отозвался Абдулла.

— Не видишь, что ли?

Пиктемир осторожно выглянул из своего укрытия. Быстрыми перебежками вражеские солдаты двигались им навстречу. Впереди бежал офицер, на плечах которого ярко сверкали погоны.

Теперь уже не оставалось никаких сомнений: в город ворвались враги.

— Попробуем задержать,— сказал Пиктемир.— Они ведь не знают, что нас только трое.

Прицелившись, он выстрелил. Офицер, бегущий впереди, нелепо взмахнув руками, распластался на земле. Солдаты легли на землю и открыли бешеный огонь по красному патрулю. Послышалась команда:

— Вперед!

Белочехи вскочили и кинулись в атаку. Пиктемир тихо сказал:

— Целься... Пли!

Три чеха упали замертво.

Враги снова отошли назад и укрылись за домами. Но спустя минуту-другую они предприняли новую вылазку.

Красноармейцы стреляли редко, да метко. По-охотничьи, как учил их Пиктемир. Однако долго так продолжаться не могло.

— Абдулла! — позвал Пиктемир.

— Я здесь, дорогой! — готовно отозвался Абдулла.

— Беги в штаб. Во что бы то ни стало разыщи комиссара и сообщи ему, что в городе чехи. Пусть шлет подкрепление. А мы с Рамазановым постараемся их задержать.

— Нет, старшой! — обиделся Абдулла.— Не такой человек Ахметов, чтобы товарищей бросить, а самому ноги унести. Если придется помирать, так уж вместе помирать будем.

От ответа верного Абдуллы Пиктемир пришел в отчаяние. Самое главное сейчас, думал он, это как можно

скорее дать знать Муллануру, что в городе враги. Может быть, это случайный прорыв небольшой группы противника. Только бы дождаться подкрепления!

Но Абдулла и слушать его не хотел. Никакие доводы, никакие уговоры на него не действовали.

— Абдулла! Ты слышишь, что я сказал? Беги! Это очень важно! В конце концов, я командир. Я тебе приказываю!

— Пусть он идет,— кивнул Абдулла на Рамазанова.— Он помоложе, у него ноги порезвее.

— Да ведь он здесь чужой, а ты Казань как свои пять пальцев знаешь! — уже не на шутку рассердившись, крикнул Пиктемир.

И тут Абдулла сдался.

— Ладно,— сказал он мрачно.— Я мигом. Авось продержитесь.

Придерживая винтовку, он отполз в сторону, потом назад и скрылся за домами.

Пиктемир и Рамазанов остались вдвоем. Укрытие у них было довольно надежное и удобное: из-за каменного крыльца, за которым они прятались, хорошо просматривался весь перекресток.

— Как только кто высунется, сразу стреляй,— сказал Пиктемир.— Но не торопись. Спокойненько. Патроны береги. Чтобы ни один заряд не пропал даром.

Рамазанов молча кивнул.

Однако враги больше не показывались. Пиктемир подумал, что, может, и впрямь это был случайный прорыв какой-то небольшой группы белочехов. Но только успел он это подумать, как послышались частые выстрелы сзади, с тыла.

— Окружают, гады,— сказал Рамазанов.

— Да нет, похоже, это другие,— мрачно буркнул Пиктемир.

И в самом деле, к ним цепью двигалась другая, гораз-

до более многочисленная группа вражеских солдат. Они шли оттуда, куда только что уполз Абдулла, то есть со стороны штаба. Теперь уже не оставалось никаких сомнений: фронт прорван. Враги в городе. Не какая-нибудь там случайная малочисленная группа, а большое войсковое соединение солдат чехословацкого корпуса штурмует город.

— Ну, браток, держись! — крикнул Пиктемир Рамазанову.— Сейчас нам с тобой ох как жарко будет!

Из переулка на перекресток выполз броневик и, плюясь свинцом, пошел прямо на них. Пиктемир тщательно прицелился и выстрелил, стараясь угодить в узкую щель, откуда, как ему казалось, прямо на них глядели чьи-то змеиные, холодные глаза. Пулемет на броневике захлебнулся. А через мгновение и сам броневик, взревев, остановился невдалеке от них.

— Ур-ра-а! — закричал Рамазанов.— Вот это выстрел! Так их, гадов!

В сильном возбуждении он выскочил из укрытия и открыл огонь по цепи медленно приближающихся вражеских солдат.

— Назад! Рамазанов! Назад! — отчаянно закричал Пиктемир.

Но было уже поздно. Сраженный вражеской пулей, башкир уткнулся лицом в пыльную мостовую.

Пиктемир подполз к нему, надеясь, что он только ранен. Схватил за плечи, приподнял... Но тело Рамазанова словно налилось свинцом. Лицо его было белое как бумага. Лишь около виска алела тоненькая струйка крови. Все кончено. Убит... Пиктемир понял, что остался совсем один. Волна горячей, удушливой ненависти залила его сердце.

— Ах, гады,— прохрипел он.— Вы так?.. Ну погодите!

Вытащил из-за пояса бомбу — единственную, которую захватил с собой. Сжимая ее в руке, выпрямился во

весь рост. Враги, решив, что он сдается, кинулись к нему целой оравой.

Сверкнуло пламя, грохнул взрыв. Густой черный дым окутал все вокруг. И такая же густая черная пелена заволокла сознание Пиктемира.

2

Абдулла наконец добрался до центра. Здесь тоже шла отчаянная перестрелка. Стреляли со всех сторон. В Никольских номерах, где обычно царило оживление, не было ни души: безлюдные коридоры, распахнутые двери, пустые, покинутые комнаты... «Неужто всех постреляли?» — мелькнула отчаянная мысль. Но тут ему показалось, что в номере, который занимал комиссар Вахитов, кто-то есть. Рывком распахнув дверь, он ринулся туда и увидал своего друга комиссара. Тот, ссутулившись перед печуркой, быстро рвал и сжигал какие-то бумаги.

— Комиссар! — задыхаясь от горя и отчаяния, крикнул Абдулла.— Во всем городе чехи. Наш патруль...

— Знаю, Абдулла! Все знаю,— не оборачиваясь, спокойно ответил ему Мулланур.

— Что же мы мешкаем? Надо немедленно сообщить в штаб!

— Поздно, брат,— горестно сказал Мулланур.— Теперь уж ничего не поправишь. Я пытался, но в штабе никого нету.

— Что же нам делать?

— Будем пробираться к своим.

— Вдвоем?

— Сейчас подойдет Маликов. Поди ему навстречу, а я вас догоню. Мне уж совсем немного осталось.

И он снова нагнулся к печурке, продолжая рвать и кидать в огонь оставшиеся бумаги.

Абдулла вышел во двор и огляделся. Ни души кругом.

Отовсюду доносится беспорядочная стрельба: одиночные винтовочные выстрелы, треск пулемета. За вокзалом тяжело бухнуло орудие. Где же Маликов? Не в силах больше томиться бездействием, Абдулла двинулся в сторону штаба, надеясь встретить его где-нибудь поблизости. Но тут из-за угла выскочили вооруженные чехи, кинулись к нему, сбили с ног...

Ади Маликов появился как раз в тот момент, когда Мулланур сжигал последние документы из тех, что надо было во что бы то ни стало уничтожить.

— Наши пока держатся,— задыхаясь, сообщил Ади.— Особенно сильная стрельба там, где оборону занял наш батальон. Попробуем пробраться к ним.

— Надо спрятать куда-нибудь,— сказал Мулланур, протягивая ему небольшой кожаный портфель.

— Что же ты не сжег?

— Здесь партийные документы и мандаты. Их необходимо сохранить. Мы ведь обязательно вернемся.

— Где же мы это спрячем?

— Идея! Зароем в саду у моего отца. Там никто искать не станет. Пошли, быстро!

Оба выскочили во двор.

— Погоди,— Мулланур остановился.— Тут где-то должен быть Абдулла. Ты разве его не видел?

— Нет.

— Куда же он делся, черт возьми?.. Абдулла!.. Эй, Абдулла-а!

Никакого ответа.

Медлить больше нельзя было ни секунды.

— Ладно, пошли,— махнул рукой Мулланур.— Авось не пропадет наш Абдулла. Он ведь знает, в какой стороне наши... В любом случае без нас ему будет безопаснее, чем с нами.

Зарыв портфель с партийными документами и мандатами, Мулланур вынес Ади Маликову старый отцовский плащ и сказал:

— Вот, запахнись поплотнее, в этом наряде на тебя не обратят внимания. Проберешься к нашим — расскажешь обо всем, что тут произошло.

— А ты?.. Или ты думаешь, что пробираться поврозь нам безопаснее?

— Я остаюсь в городе.

— Ты спятил, Мулланур! В городе враги. А тебя тут каждая собака в лицо знает.

— Уйду в подполье. Буду готовить вооруженное выступление рабочих. Поверь мне, все это ненадолго. Мы их скоро вытурим отсюда.

Ади понял, что спорить бесполезно. Друзья обнялись.

— Об одном прошу тебя,— сказал Ади.— Будь осторожен.

— И ты тоже. Не забывай: твоя жизнь принадлежит революции. Ну, брат, пора... Прощай!

Еще раз крепко стиснув Мулланура в объятиях, Ади повернулся и пошел, не оглядываясь. На душе у него было тревожно. Его не оставляло смутное предчувствие, что на сей раз они с Муллануром расстаются надолго. Может быть, навсегда...

3

Избитого до полусмерти Абдуллу двое конвойных ввели в просторную, светлую комнату. За письменным столом внушительных размеров сидел офицер с капитанскими звездочками на погонах.

— А-а, вахитовский прихвостень явился? — с усмешкой заговорил он, глянув на Абдуллу.— Ну? Где твой комиссар? Отвечай!

Абдулла молчал.

— Ничего, ты у меня заговоришь,— зловеще пообе-

щая офицер. Помолчав, он коротко приказал: — Садись!

Конвойный толкнул Абдуллу прикладом винтовки. Сам не понимая, как это вышло, Абдулла рухнул на табуретку, стоявшую против стола. Однако он тут же оправился, уселся поудобнее и вытянул вперед скрученные веревкой руки.

— Напрасно стараешься, господин хороший,— сказал он, глядя в светлые, пустые глаза офицера.— Не видать вам комиссара Вахитова, как своих ушей.

— Ну что ж, в таком случае мы тебя расстреляем, голубчик,— ласково сказал офицер.— А если скажешь, где твой комиссар, останешься жив. Так и знай: это твой единственный шанс выжить.

— Я старый человек. Пожил уже на белом свете, смерти не боюсь. Земля меня примет. А вот вас...

— Думаешь, не примет? — глумливо усмехнулся офицер.

— Принять-то примет. Но с омерзением.

— Но-но! Поговори у меня! — Офицер все-таки не удержался и чуть было не сбился с избранного им добродушного тона.

— Бей! — крикнул Абдулла, привстав и подавшись вперед.

Но офицер уже взял себя в руки.

— Нет-нет,— опять заулыбался он.— Бить я тебя не буду. Рука не подымется ударить старого человека.— Неожиданно он перешел на татарский язык.— Ну что упрямишься, дурачок? Все равно ведь каюк твоему комиссару. Днем раньше, днем позже мы его схватим и...— Он сделал выразительный жест рукой, показывая, как петля захлестнет шею комиссара Вахитова и как захрипит он и повиснет беспомощно.

— Цыплят по осени считают,— презрительно процедил сквозь зубы Абдулла.— Сперва поймайте, а потом будете хвастаться.

— Ну-ну! Поговори у меня, большевистское отродье! Предатель! — взорвался офицер. Подскочив к Абдулле, он схватил его обеими руками за грудь и в исступлении стал трясти.

Отворилась дверь, вошел немолодой высокий военный в полковничьих погонах. Капитан мгновенно отпустил Абдуллу, вытянулся в струнку перед старшим по чину.

— Продолжайте допрос, капитан,— небрежно махнул рукой полковник и прошел к столу. Голос вошедшего показался Абдулле знакомым. Приглядевшись, он узнал Сикорского — того самого полковника Сикорского, который бывал частым гостем в доме его бывшего хозяина Августа Петровича Амбрустера.

— Отвечай, мерзавец! Где скрывается Вахитов? — налившись кровью, заорал капитан.

Абдулла презрительно отвернулся, всем своим видом показывая, что отвечать не будет.

— Ты не желаешь с нами говорить, милейший? — искренно удивился полковник.— Ну-ну, не упрямься, дурачок. Это ведь к твоей же пользе. Итак... Где спрятался комиссар?

Абдулла молчал.

— Смотри-ка! Молчит,— сказал полковник вроде как бы даже добродушно. И вдруг, ощерившись, поднялся и изо всей силы ударил Абдуллу кулаком в зубы. Удар был мастерский: Абдулла повалился на пол, как подкошенный. Конвойный, стоявший в дверях с винтовкой в руках, подскочил к нему и, подхватив под мышки, поднял и поставил на ноги. Абдулла выплюнул изо рта кровь и спокойно сказал, обернувшись к полковнику:

— Зря стараетесь, господин Сикорский. Ничего у вас со мною не выйдет.

— О! Этот фрукт знает мою фамилию? — изумился Сикорский.— Вот сюрприз!

Вновь отворилась дверь, и в комнату вошел полный,

слегка лысеющий господин с холеным лицом, в хорошо сшитом штатском костюме.

— Август Петрович,— обернулся к нему Сикорский.— Взгляните, может быть, вам знаком этот странный субъект? Он откуда-то знает мою фамилию.

— Помилуй бог! — воскликнул Амбрустер.— Да ведь это же Абдулла! Мой бывший дворник! Тот самый, что сбежал к красным. Неужто не помните? Ведь он нас тогда чуть было не выдал, мы еле-еле ушли.

— Вон оно что! Так у нас с этим мерзавцем, стало быть, еще давние счеты... Что же нам с ним делать? В расход? — спросил полковник.

— А ля герр комм а ля герр, как говорят в таких случаях французы,— пожал плечами Амбрустер.— На войне как на войне.

— Ну что ж, быть по сему! — Сикорский обернулся к капитану.— Распорядитесь. Я надеюсь, у вас найдется хорошая, прочная веревка?

— Вешайте, гады! — крикнул Абдулла. Смертельная ненависть сжала ему сердце.— Всех нас все равно не перевешаете!

— Увести! — коротко приказал полковник.

Подскочили двое конвойных и, заломив Абдулле руки за спину, увели его.

ГЛАВА VI

1

Харис метался по Казани, как тигр. Он лучше, чем кто другой, понимал, что, пока Мулланур Вахитов цел и невредим, ему, Харису, и всем его друзьям и сподвижникам угрожает смертельная опасность.

С помощью Дулдуловича Харис собрал несколько ловких ребят, и они шныряли по городу в поисках комиссара. Им были розданы наспех отпечатанные фотографии

Мулланура. Впрочем, фотографии были не так уж и нужны: почти каждый из этих наемных убийц знал комиссара в лицо.

Операцией по розыску скрывшегося комиссара руководил Эгдем Дулдулович. Он не сомневался, что рано или поздно поиск увенчается успехом. Однако пока дело не двигалось: Вахитов как в воду канул.

В дверь постучали.

— Войдите,— буркнул Дулдулович.

Вошел низкорослый коренастый поручик. Козырнув, доложил:

— Арестована связная комиссара Вахитова!

— Связная?! — вскричал Дулдулович.— Где же она? Немедленно ко мне! Я сам допрошу ее!

Поручик приоткрыл дверь, крикнул:

— Введите арестованную!

За дверью послышался грубый голос конвойного: «Быстрее шагай, стерва! А ну!.. Живо!..» Дулдулович нетерпеливо поднял голову и обомлел: перед ним стояла Галия. Платье на ней было разорвано, под глазом багровел огромный кровоподтек. Видимо, ей крепко досталось: бледное, измученное лицо ее изменилось до неузнаваемости. Но сомнений быть не могло: это была она.

— Галия! — еле выговорил Дулдулович.— Ты?

— Эгдем! — в ужасе воскликнула Галия.

На глазах опешивших конвойных и растерявшегося поручика она подбежала к Дулдуловичу, схватила его за руки.

— Нет! Нет! — бессвязно заговорила она.— Я не верю! Не верю! Этого не может быть... Мне говорили, но я не верила. И сейчас не верю... Ну что же ты молчишь? Скажи мне хоть слово! И я сразу тебе поверю... Что же ты молчишь, Эгдем?!

Дулдулович молчал. Язык его словно окостенел: он не мог заставить себя вымолвить ни слова.

Словно очнувшись от тяжелого приступа, Галия прошептала чуть слышно:

— Так, значит, это правда...

Но Дулдулович уже оправился от шока.

Уверенным, властным жестом он положил руки на плечи Галии и заглянул ей в глаза своим гипнотизирующим, всегда безошибочно действовавшим на нее долгим взглядом.

— Нет, это неправда. Я не предатель.

— Как же так? — растерялась она.— А эти солдаты? Этот офицер? Что значит весь этот маскарад?

— Вы можете быть свободны,— обернулся Дулдулович к поручику и конвойным, которые привели Галию. Сделав нетерпеливый жест, он повторил: — Вы свободны! Ступайте!

Поручик и солдаты вышли из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь.

Дулдулович усадил Галию в кресло, налил из графина в стакан воды, подал ей:

— Успокойся сперва. На вот, выпей...

Но Галия резко оттолкнула его руку, вода пролилась на ковер.

— Не надо. Я способна вынести все. В обморок не упаду, не бойся... Ну?.. Я жду! Ты хотел объяснить мне, что означает этот маскарад.

— Это не маскарад,— медленно сказал Дулдулович.— Маскарад был раньше. Сейчас ты все поймешь... Помнишь, я говорил тебе, что комиссар Вахитов меня не любит?

— Ну и что же?.. Ты решил ответить предательством на его нелюбовь?

— Я не договорил тогда. Он невзлюбил меня, потому что разгадал меня. Понял, что я помеха на его пути... Я честно служил нашему мусульманскому делу, а он

предал национальные интересы мусульман большевикам. Это он предатель, а не я!

— Что ты говоришь, Эгдем! Как у тебя поворачивается язык говорить такое!

— Я понимаю, тебе трудно осознать это сразу, трудно поставить все с головы на ноги. Но я тебя не обманываю. Мы живем в сложное время, Галия. Не так просто вместить все это в своем сознании. Да и не женское это дело. Старайся об этом не думать. Я буду думать за нас двоих. А ты лучше подумай о нашем будущем ребенке.

Эгдем и сам не ждал, что эти слова произведут на Галию такое сильное впечатление. Она вдруг беспомощно опустила руки и расплакалась. Одно лишь упоминание о будущем ребенке сразу лишило ее способности рассуждать, мыслить, негодовать, защищать свои убеждения и взгляды. Она рыдала совсем по-детски, как маленькая девочка, которую несправедливо обидели чужие, злые люди.

— Эгдем, я боюсь! — всхлипывая, заговорила она.— Не за себя боюсь, а за него. За нашего крошку. Ведь чтобы он жил, должна выжить я. А я... Как ты думаешь, они меня отпустят?

— Что за вопрос? Конечно, отпустят. И я тоже уйду от них с тобою. Выполню свой долг и уйду. И мы всегда будем вместе. Но для этого нужно...

— Что?.. Что нужно?

— Пустяки. Пустая формальность. Это необходимо, иначе они обвинят меня в сговоре с большевиками. Я ведь здесь тоже не пользуюсь особым доверием. Мои идеалы далеки от большевистских, но проливать кровь за «единую неделимую Россию» я тоже не собираюсь. Поэтому если ты хочешь, чтобы нас отпустили, сядь вот сюда, за этот стол, и напиши...

— Что написать?

— Всего несколько слов. Все, что ты помнишь о своей

последней встрече с Вахитовым. Что он сказал тебе напоследок. Буквально несколько слов. И мы сразу уйдем отсюда, живые и невредимые. И будем принадлежать только друг другу. Аллах с ними со всеми, с красными и белыми. Будем жить только друг для друга. Я сыт политикой по горло. Хочу теперь только одного — тихого счастья с тобой, любимая... Ну? Что же ты молчишь? Садись и пиши... Несколько слов...

— Не могу! Что хочешь делай со мной, не могу я стать предательницей.

На лбу Дулдуловича выступил холодный пот. Ему казалось, что он уже достиг цели. Еще одно, последнее усилие — и Галия уступит, не сможет противостоять его хитроумной, упорной психологической атаке. Но в этой хрупкой, слабой девчонке вдруг, откуда ни возьмись, появилась какая-то новая, несокрушимая сила.

— Что хотите делайте со мной. И ты, и твои друзья. Я ничего не скажу.

— Опомнись, Галия! Пойми. У тебя нет другого выхода. Если ты будешь упрямиться, это может для тебя кончиться очень скверно.

Это была ошибка. Похоже было, что эти слова Дулдуловича только прибавили ей сил.

— Я не боюсь твоих угроз! — Галия вскинула голову, в глазах ее сверкнуло презрение.

— Ты не понимаешь, что говоришь. Там, в соседней комнате, сидят совсем другие люди. Они не станут тратить время на болтовню. В их распоряжении есть такие средства, которые тебе не снились в самом страшном сне. Здоровые, сильные мужчины не выдерживали. А отпираться, говорить, что ты ничего не знаешь, бессмысленно. Им известно, что ты была связной Вахитова.

— И ты отдашь меня, будущую мать твоего ребенка, этим палачам?

— Они не станут меня спрашивать! Хватит дурачить-

ся! Еще минута, и они ворвутся сюда и утащат тебя с собой. И тогда я уже буду бессилен что-либо сделать.

— Ну что ж, пусть так. Хватит тянуть этот бессмысленный разговор. Зови их скорее сюда, твоих дружков. Пусть приступают к делу... Подумать только, какую гадину я любила,— добавила она тихо, словно бы про себя.

— Молчать! Заткни глотку, мерзавка! — не выдержал Дулдулович.

— Ненавижу тебя, предатель! — все так же тихо, вполголоса, но с каким-то бешеным неистовством кинула ему в лицо Галия.

Вцепившись руками в волосы, Дулдулович подскочил к двери, толкнул ее плечом, выбежал в соседнюю комнату.

Харис сидел, небрежно развалившись в мягком кресле, поигрывая плетью и иронически наблюдал за метаниями своего друга Эгдема.

— Что, брат? Ухайдакала тебя эта дамочка? Уж не влюбился ли ты в нее, часом? Я бы не удивился... Поручик говорит, что она просто красотка!

Дулдулович мрачно, исподлобья поглядел на Хариса. Буркнул:

— Осел! Это она... Галия...

— Галия?! — Харис сразу оставил свой гаерский тон.— Вот уж повезло, так повезло! Ну и как? Надеюсь, от тебя-то у нее нет секретов?

— Как бы не так. Молчит, как проклятая.

— Попробуй еще с ней поговорить.

— Ну не-ет! С меня хватит! Все, что угодно, только не это.

— Что ж, тогда я с ней поговорю.

Они помолчали. Наконец Дулдулович, отводя глаза в сторону, буркнул:

— Поговори.

И он устало опустился в кресло, в котором только что сидел Харис.

Некоторое время из соседней комнаты доносилось лишь неразборчивое, вкрадчивое бормотание Хариса. И вдруг — крик... Неистовый вопль терзаемого человеческого существа, изнемогающего от немыслимой, нестерпимой боли.

Крупные капли холодного пота выступили на лбу у Дулдуловича.

Снова тихое вкрадчивое бормотание и снова крик. Еще более жуткий.

Заткнув пальцами уши, чтобы не слышать этого душераздирающего крика, он встал и медленно поплелся к двери. Ноги сами вынесли его на улицу, теперь — куда угодно, куда глаза глядят, только бы подальше от этого дома, от этих нечеловеческих стонов и воплей...

На другой день поручик доложил Дулдуловичу, что женщина, которую давеча допрашивал Харис,— та самая, что была связной Вахитова,— умерла под пытками, так ничего и не сообщив о месте пребывания разыскиваемого ими большевистского комиссара.

2

Невысокий худощавый человек в темно-синем костюме, в мягкой фетровой шляпе и в дымчатых очках вышел из подъезда двухэтажного особняка и торопливо пересек мостовую. Он намеревался свернуть в переулок, ведущий в восточные пригороды Казани. Там его ждали. Оставшиеся в городе большевики уже налаживали свои явки.

Интуиция старого конспиратора сразу подсказала Муллануру: за ним следят. Он ускорил шаг. Вот и переулок, а там — знакомая подворотня. Один рывок, короткая перебежка проходным двором — и ищи ветра в поле... Но уже гулко стучали по булыжной мостовой тяжелые шаги

преследователей, и из переулка, навстречу ему, шли другие, а третьи бежали сбоку, наперерез... Нет, не уйти! Это была самая настоящая облава, тщательно рассчитанная, подготовленная по всем правилам псовой охоты...

Харис ликовал.

Он предвкушал встречу с поверженным врагом, сладострастно представлял себе, как будет куражиться над ним, сколько яда, сколько убийственной иронии плеснет в лицо ненавистному комиссару, когда его приведут к нему на допрос — жалкого, беспомощного, раздавленного. Но облик пленного обманул все его ожидания. В разорванной рубахе, с кровоподтеками и синяками на лице, Вахитов выглядел таким же сильным и уверенным в себе, как в тот день, когда он выступал на привокзальной площади перед толпой провожающих его рабочих и солдат, таким же невозмутимо спокойным, каким сиживал, бывало, за письменным столом в своем комиссариатском кабинете.

«Ну ничего! — подумал Харис.— Я быстро собью с тебя спесь!»

— За твою предательскую деятельность тебя будет судить народ,— с важностью сообщил он Вахитову.— А у нас к тебе только один вопрос. Отвечай: где деньги?

Вахитов презрительно молчал.

— Где спрятаны наши мусульманские деньги, я тебя спрашиваю! — истерически взвизгнул Харис.

Комиссар и бровью не повел. Он лишь слегка покачал головой, словно не палач с тяжелой ременной плетью стоял перед ним, а назойливая осенняя муха раздражала его слух своим жужжанием.

— Отвечай, скотина! — окончательно потеряв выдержку, взревел Харис.— Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Где спрятана касса комиссариата?!

— Зачем тебе знать? — усмехнулся Вахитов.— Эти деньги принадлежат Советской власти. Они собственность народа.

— Мы и есть народ! — крикнул Харис.

— Вы?! Вы подонки,— брезгливо поморщился комиссар. И такое искреннее, живое презрение отразилось на его лице, что Харис не стерпел.

— Молчать! — заорал он что есть мочи и ударил Вахитова своей тяжелой плетью по лицу.

Это послужило сигналом для остальных.

Сбившись в кучу, палачи стали зверски избивать связанного комиссара.

— Стойте! — вопил Харис.— Убить всегда успеем! Надо сперва его допросить!

Но никто его уже не слушал.

Все бешенство, вся злобная ненависть к большевикам, к рабоче-крестьянской власти, скопившаяся в темных душах этих нелюдей, вдруг выплеснулась наружу, и они спешили излить ее на него, на этого беспомощного, связанного, избитого до полусмерти и все-таки не желающего им покориться человека.

3

Узнав, что комиссар Вахитов наконец схвачен, полковник Сикорский приказал немедленно доставить его к себе.

Услыхав, что сейчас сюда приведут арестованного Вахитова, в кабинете Сикорского собралось несколько офицеров. Заглянул сюда и Август Петрович Амбрустер, давний друг полковника: ему тоже не терпелось поглядеть на знаменитого комиссара.

Распахнулась дверь, и в комнате появился поручик, за ним двое конвойных ввели арестованного. Он еле передвигал ноги. Одежда на нем была изодрана в клочья.

Трудно было узнать в этом избитом, окровавленном

человеке Мулланура Вахитова. Но Амбрустер его узнал.

— Что это значит? — ледяным тоном спросил Сикорский.— Поручик! Я вас спрашиваю! Это ваши люди так постарались?

Поручик вытянулся в струнку, щелкнул каблуками.

— Извольте отвечать! Кто избил арестованного? — повысил голос Сикорский.

— Осмелюсь доложить,— не моргнув глазом, отрапортовал поручик,— во время ареста он оказал бешеное сопротивление. Пришлось применить силу.

— Стыдитесь, поручик! По вашей вине господин Вахитов подумает о нас бог знает что! И будет прав... Вы не смели обращаться с ним так, словно перед вами какой-нибудь хам... Господин Вахитов — интеллигентный человек, и он заслуживает совсем иного обращения.

— Вы совершенно правы, полковник,— подхватил Амбрустер, сразу поняв тактику Сикорского.— Я имел честь встречаться с господином Вахитовым в бытность свою в Петрограде и могу подтвердить: он вполне интеллигентный человек. Человек, так сказать, нашего круга...

— Развяжите ему руки!

Руки комиссара немедленно развязали. Освободившись от стягивавших его веревок, Мулланур с трудом пошевелил затекшими пальцами.

— Прошу садиться,— Сикорский подвинул ему стул.— А вы убирайтесь прочь! — обернулся он к поручику.— И солдат своих заберите. Ну? Чтобы и духу вашего тут не было!

Поручик и солдаты, конвоировавшие арестованного, выскользнули из комнаты, бесшумно прикрыв за собою дверь.

— Скоты! — процедил сквозь зубы Сикорский, глядя им вслед.— И вот с такими людьми мы, к сожалению, вынуждены иметь дело. Не обессудьте, господин Вахитов. Таковы суровые обстоятельства, в которые поставила нас

жизнь. Впрочем, вы можете не сомневаться: виновные будут наказаны. И наказаны примерно... Позвольте предложить вам папиросу?

Муллануp отрицательно покачал головой.

Обернувшись к краснолицему капитану, Сикорский приказал:

— Врача. Немедленно.

И совсем другим тоном:

— Я вижу, господин Вахитов, что сейчас вам не до разговоров. Ну что ж, мы подождем. У нас есть время. Отдохнете, придете в себя, и мы побеседуем. Я надеюсь, к обоюдному удовольствию.

Мулланур устало закрыл глаза. Прочитав в этом мимолетном движении нечто похожее на согласие с его словами, Сикорский удовлетворенно кивнул:

— Вот и великолепно.

Вскоре пришел врач и занялся обработкой чудовищных вахитовских ран и кровоподтеков.

Когда умытого и перевязанного комиссара наконец увели, Сикорский самодовольно ухмыльнулся.

— Вот, господа. Учитесь быть политиками,— небрежно развалясь в кресле, кинул он столпившимся в его кабинете офицерам.— Комиссар Вахитов — популярнейшая личность среди мусульман. К сожалению, мы не можем с этим не считаться. Вот я и подумал, что хорошо бы нам превратить его из врага в союзника. А?.. Как вам кажется?

— Боюсь, дорогой мой друг, ничего у вас из этой затеи не выйдет,— покачал головой Амбрустер.

— Как знать,— задумчиво возразил Сикорский.— Всякая божья тварь хочет жить, боится смерти. Если перед Вахитовым встанет дилемма: сотрудничество с нами и все прелести жизни... или... Или черная яма, небытие, немедленное превращение в прах, в тлен, в ничто... Перед такой альтернативой, я полагаю, каждый задумается...

В конце концов, не из железа ведь он, этот комиссар. Такое же созданье божье, как и мы с вами!

4

Тюрьма «Плетени» еще в старое время пользовалась у жителей Казани дурной славой: это был один из самых мрачных казематов царской России. Ну а сейчас, при белых, тюрьма превратилась в настоящую фабрику смерти.

В эти дни она была набита до отказа. Основную массу заключенных составляли не успевшие уйти из города советские и партийные работники, а также пленные красноармейцы, среди которых было много раненых.

Сюда и был доставлен комиссар Вахитов.

— В эту! — крикнул начальник конвоя, указывая на дверь камеры, на которой жирной черной краской была намалевана цифра «15».

Надзиратель, гремя ключами, отпер дверь. Муллануpa втолкнули в камеру, и дверь захлопнулась. Он остановился у порога, огляделся. В нос шибанул острый запах человеческого пота. Камера была небольшая, рассчитанная человек на десять. Но сейчас в ней заключенных находилось по меньшей мере вдвое больше. Они лежали вповалку, некоторые прямо на холодном каменном полу. При виде нового человека кое-кто поднял голову.

Мулланур выпрямился, сразу мысленно решив, что и здесь, для всех этих людей, распростершихся на нарах и на грязном цементном полу, он должен оставаться комиссаром, живым воплощением революционной воли и мужества.

— Здравствуйте, товарищи, — негромко сказал он.

— Здравствуй, товарищ! — дружно отозвалась вся камера.

Поднялось еще несколько голов. Все сочувственно раз-

глядывали новенького. Изможденное, небритое лицо его было все в синяках и кровоподтеках: видно, при аресте ему крепко досталось. Однако держался он хорошо.

Муллануp в свою очередь тоже внимательно разглядывал товарищей по несчастью.

В углу на нарах лежал раненый красноармеец. Рядом с ним прямо на полу примостился широкоплечий, коренастый парень в полосатой тельняшке, не иначе — матрос.

— Тут у вас, я гляжу, и местечка-то свободного не найдется,— сказал Муллануp.

— Не волнуйся, товарищ,— сказал матрос.— Найдем для тебя место.

С неожиданной легкостью вскочив на ноги, он подошел к Муллануру и протянул ему руку.

— Здравствуйте, товарищ комиссар! Ведь вы комиссар Вахитов? Верно? Я вас сразу узнал. Видал на вокзале. В тот день, когда вы прибыли из Москвы.

Камера загудела.

— Вахитов!

— Комиссар...

— Тот самый, которого Ленин прислал...

— И его, значит, зацапали...

— Комиссара взяли, сволочи!..

— Эх, братва! Совсем худо, значит, наше дело...

Муллануp всем сердцем почувствовал, как важно вот сейчас, немедленно переломить настроение бойцов, попавших в беду, подбодрить их, не дать им пасть духом.

— Что-то вы, братцы, приуныли, как я погляжу,— улыбнулся он.

— А что ж нам, радоваться, что ли?

— Видите, как дело-то обернулось! — послышались голоса.

— Радоваться и впрямь нечему,— сказал Муллануp.— Это верно... Но и голову вешать раньше времени тоже не стоит. То, что мы с вами здесь, в тюрьме, в руках

у наших ненавистных врагов,— это, конечно, худо. Ничего тут не скажешь. Но я вам точно говорю, запомните мои слова: ненадолго это. Обязательно драпанут беляки. Так побегут, что только пятки сверкать будут... Красная Армия наступает, и недалек тот час, когда она выбьет белогвардейскую сволочь из нашего города...

Солнечный луч лег на пол камеры. И то ли от этого тоненького, словно прутик, лучика, то ли от ободряющих слов комиссара, но в камере вдруг как будто стало светлее. Со всех сторон глядели на Мулланура мгновенно просиявшие, полные веры и надежды лица.

ГЛАВА VII

1

Каждый день комиссара Вахитова водили на допрос. Каждый день следователи контрразведки докладывали полковнику Сикорскому о результатах допросов. Результаты были неутешительные. Контрразведчики жаловались, что из упрямого комиссара не удается выдавить ни единого словечка. В ответ на все вопросы он лишь кривил пересохшие, серые губы в презрительной усмешке и — молчал. Молчал, словно лишился дара речи.

Сикорский решил наконец сам допросить комиссара. Впрочем, он не употреблял таких пошлых, казенных слов, как «допрос», «показания». Он сказал:

— Хорошо, пригласите его ко мне. Я сам с ним побеседую.

Жестом удалив конвойных, Сикорский встал из-за стола и пошел навстречу Муллануру, словно тот был не узник, приведенный под конвоем из сырой, зловонной тюремной камеры, а дорогой гость, любезно согласившийся принять его радушное приглашение на чашку чая.

— Рад вас видеть, господин Вахитов,— ласково заговорил он.— Я пригласил вас для разговора весьма серьезного. Допросы, показания, численность войск, количество орудий и пулеметов — всей этой ерундой пусть занимаются мальчишки из контрразведки... Мне известно, что вы не склонны вступать с ними в диалог. Что ж, по совести говоря, я вас понимаю. Попав в плен, я вел бы себя точно так же.

«Мягко стелет,— подумал Мулланур.— А на поверку выйдет все то же. Знаем вас. Старые жандармские фокусы».

— Да, господин Вахитов, я вел бы себя точно так же, если бы на меня пытались воздействовать теми методами, которыми действуют все контрразведки мира. Я солдат, и слово «присяга» для меня не пустой звук... Но я не только солдат. Я еще и человек. Поэтому я способен внять голосу разума. От души надеюсь, что и вы тоже не утратили эту способность...

«Неужто что-то новое? — подумал Мулланур.— Ладно, послушаем».

Сикорский, уловив искорку интереса в глазах комиссара, удвоил свое красноречие.

— Мы с вами не дети, господин Вахитов, не правда ли? — доверительно сказал он.— Да, мы не дети, играющие в «казаков-разбойников». Так вот, не будем спорить на эту набившую оскомину тему, не станем выяснять, кто «разбойники», кто «казаки». У вас своя вера, свои идеалы. У меня — свои. Но бывают, увы, обстоятельства, когда уже не до идеалов. Жизнь дьявольски жестокая штука. Когда дело идет о жизни и смерти, умный человек сбрасывает с себя всю мишуру, все наносное, случайное и остается один на один с жестокой реальностью. Я надеюсь, что вы человек, умеющий смотреть в глаза суровой правде. Ведь верно же? Я не ошибся?

— Вы пригласили меня к себе, чтобы побеседовать па философские темы? — насмешливо спросил Муллапур.

— Нет,— улыбнулся Сикорский.— Это была только прелюдия. А пригласил я вас для того, чтобы сказать вам, что я не всесилен. До сего дня мне удавалось отводить костлявую руку смерти от вашего горла. Но власть моя не безгранична. Поверьте, я искренно хочу сохранить вам жизнь, но на меня оказывают давление. Есть другие силы, есть люди, не разделяющие этих моих, как они выражаются, интеллигентских иллюзий. Сохранить вам жизнь я, разумеется, могу. Но лишь при условии, что вы мне поможете в этом.

— Что же я должен делать? — спросил Муллапур, хотя давно догадался, куда клонит этот тип.

— Работать с нами,— без обиняков бросил Сикорский, решив, что плод созрел и вот-вот сам упадет ему в руки.

— К чему эти эвфемизмы? — улыбнулся Муллanур.— Назовем вещи своими именами. Вы хотите, чтобы я стал перебежчиком?

— Ах,— сморщился Сикорский,— неужели вы не устали от громких слов, дорогой мой господин Вахитов! Поговорим о реальности. С Советами покончено. Эта форма власти оказалась непопулярной. Русский народ ее не принял. Да и немудрено. Простой народ наш, по совести говоря, не созрел для демократии. Не сегодня завтра наши возьмут Москву. Я гарантирую вам должность не меньшую, а может быть, даже большую, чем та, которую вы занимали при Советах. Я уверен, что, подумав как следует, вы примете мое предложение.

— Нет, полковник,— покачал головой Вахитов.— Вы ошибаетесь. Не приму.

— Я не требую от вас немедленного ответа,— словно не расслышав, продолжал Сикорский.— Не торопитесь. Обдумайте хорошенько, что я вам сказал.

— Не стóит, полковник. Эта оттяжка мне не нужна. Поскольку вы противник громких слов, я скажу вам все, что думаю по поводу этой беседы. Признайтесь, полковник, вы ведь не рассчитывали меня переубедить. Весь ваш расчет строился только на том, что во мне заговорит чисто животный, биологический страх смерти. Ужас перед небытием. И этот страх, свойственный всему живому, думали вы, станет мощным вашим союзником. Но вы не учли, что есть на свете власть более сильная, чем даже власть этого шкурного животного страха.

— Да? И что же это? — с кривой усмешкой спросил Сикорский.

— Власть великой идеи,— задумчиво сказал Мулланур.— Вы снова морщитесь. Вам кажется, что это тоже всего лишь громкие слова, о которых вы говорили. Мы, большевики, выстрадали свои убеждения ценой такого горького и такого мучительного опыта, что не откажемся от них даже под страхом смерти.

Вахитова уже давно увели, а Сикорский все еще сидел неподвижно за столом, сжав голову руками.

Он представил себя на месте этого упрямого комиссара. Нет, он бы не выдержал...

2

Внешне как будто ничего не переменилось в пятнадцатой камере после того, как появился в ней комиссар Вахитов. Так же не хватало воздуха, так же шибало в нос испарениями давно не мытых человеческих тел, такой же мерзкой, как и раньше, была ежедневная баланда с неизменным запахом тухлятины. И в то же время с появлением Вахитова тут переменилось многое. Неуловимо изменилось настроение людей. У людей проснулся интерес к жизни — вот в чем состояла самая суть происшедших перемен.

Началось с того, что Мулланур словно бы невзначай

упомянул однажды о каком-то своем разговоре с Лениным.

— Постой, комиссар,— недоверчиво сказал матрос.— Ты, часом, не оговорился? Это тебе сам Ленин сказал? Ты с ним, стало быть, лично знаком? Так, что ли? — И он впился в Мулланура строгим, испытующим взглядом.

— Знаком,— улыбнулся Мулланур.

Все сокамерники сгрудились вокруг и молча глядели на него — требовательно, выжидающе. И он стал рассказывать. Рассказал о самой первой своей встрече с Ильичем. О том, как был создан Комиссариат по делам мусульман. О том, как часто Ленин звонил ему, справляясь, как разворачиваются события в Казани.

Особенно сильное впечатление произвели эти рассказы на молодого татарина, рабочего Алафузовской фабрики, раненного в бою под Казанью в руку.

— Субханалла! Субханалла! — повторял он, качая головой.— Неужто Ленин так любит нашего брата мусульманина?

— Вот чудак-человек,— поучал его матрос.— При чем тут ваши мусульмане? Ленин всех пролетариев любит, за всех нас жизнь свою положить готов.

— А я так понял, что нас, мусульман, он все-таки любит чуточку больше. Верно, комиссар?

Мулланур, не желая разочаровывать парня, только посмеивался в ответ.

Когда Мулланура уводили на очередной допрос, настроение в камере сразу резко менялось. Гнетущее чувство тревоги томило узников, страх за комиссара сжимал их сердца. Все понимали, что с любого из таких допросов он может не вернуться. В такие часы в камере стояла мрачная, напряженная тишина. Только юноша-татарин, забившись в угол, всякий раз заводил одну и ту же песню. Песня была протяжная, унылая, тоска и боль, выплескивавшиеся в ее мелодии, невольно заражали людей.

Обычно все молча слушали ставший для них при-

вычным тоскливый напев. Но в этот раз матрос вдруг не выдержал:

— Будет тебе тоску разводить! И так тошно, а тут еще ты со своим нытьем...

— Пускай поет,— заступился за парня раненый красноармеец, лежавший на нарах.— Может, ему так легче.

— И то верно! Пусть поет... Коли неймется ему, стало быть, душа просит,— поддержали его остальные сокамерники.

— Эх, братцы! — с надрывом сказал матрос.— Что-то долго нынче нет нашего комиссара. Не случилось ли чего...

— Не иначе, они его убили... Лучше бы не дожить мне до этого дня! — крикнул юноша-татарин.

— Не каркай! — оборвал его матрос.— Рано еще нас хоронить. Мы еще поживем...

— Это верно,— поддержал матроса длинноусый старик рабочий.— Не бойтесь, товарищи! Не такой человек комиссар Вахитов, чтобы так вот просто дать себя убить. Я-то уж, слава тебе господи, его хорошо знаю.

— Постой! Ты что же, стало быть, еще раньше с ним был знаком? До того, как здесь, в тюрьме этой проклятущей, встретились?

— Знаком не знаком,— степенно ответил рабочий,— а повидаться привелось. Как сейчас помню его выступление в марте семнадцатого...

— Это где же было?

— Да здесь, в Казани, где же еще... В театре. Зал был полон всяких важных господ, нарядных, что твои павлины.

— А ты-то как туда попал?

— А нас послали стулья таскать. Кресел на всех не хватило, вот мы и таскали стулья да расставляли их повсюду, где только было свободное местечко. Ну а потом, как стулья расставили, решили остаться, своими глазами поглядеть на это представление.

— А что за представлепие-то? Зачем они собрались там, все эти важные господа?

— Приветствовать великую бескровную всенародную революцию. Показать, что они все за народ, что поддерживают, значит, Временное правительство. Там и офицеры были, и фабриканты, и муллы, и купцы. И вот что самое удивительное! Все они вдруг революционерами оказались. Всю жизнь, оказывается, только о том и мечтали, чтобы рухнул проклятый царский режим. Все были с красными бантами, и только и разговору было, что о свободе. Каждый оратор заканчивал свою речь призывом объединиться вокруг авторитетных представителей нашей передовой интеллигенции. Кто говорил по-русски, кто по-татарски, а некоторые так даже и по-арабски. Не все я, конечно, понимал, но как только раздался голос комиссара Вахитова, так я сразу смекнул, что к чему...

— Так он, значит, тоже там был, наш комиссар?

— Ну да! А я тебе про что толкую? Только тогда он, понятно, еще никаким комиссаром не был... Выступал какой-то тучный купчина, краснолицый, здоровый. Как говорится, косая сажень в плечах. Что он там говорил, я уж, признаться, и не помню. Видать, ту же жвачку жевал, что и все остальные. И тут вдруг прогремел раскатистый бас: «Господа ораторы! Неужто про самое-то главное никто из вас и слова не скажет?»

— Это был наш комиссар? — не вытерпел кто-то из слушавших.

— Он самый,— подтвердил рассказчик.— В зале шум поднялся, крик. Купчину с трибуны словно ветром сдуло. Я и не заметил, как это вышло, а уж на трибуне стоял он — товарищ Вахитов. Молодой, строгий такой, одет хотя и скромно, но красиво. Не расфуфыренный, как эти павлины, но не хуже них гляделся. Да... Ну и начал тут он их крыть. Я всю его речь тогдашнюю запомнил. До меня, говорит, тут выступали разные люди, в том числе и бли-

стательные ораторы. Но все они, говорит, словно грызли голову одной тухлой рыбы. Все они твердили одно и то же. Нету, дескать, мусульманина-рабочего и мусульманина-капиталиста, мусульманина-бедняка и мусульманина-богача. Все мусульмане, дескать, отныне равны. Нет, говорит! Не выйдет у вас это, господа! А куда, говорит, вы денете тысячи, десятки тысяч рабочих-мусульман, гнущих свои спины ради обогащения господ алафузовых и крестовниковых! Не для того, говорит, рабочие боролись столько лет, не для того гнили на каторге, не для того гибли на баррикадах, чтобы теперь заместо ржавых оков самодержавия вы надели на них новенькие кандалы! Нет, говорит, господа ораторы! Простому народу с вами не по пути! У пролетариев, говорит, своя дорога. И мы пойдем по ней до самого конца...

— Да-а, сильно сказал! — промолвил раненый боец, лежавший на нарах.

— Еще бы несколько словечек добавить,— сказал матрос.— Наших, флотских.

— И без них все было ясно,— усмехнулся старик рабочий.— Видели бы вы, что тут началось, какой сразу поднялся злобный вой! Особенно в президиуме да в первых рядах. Какой крик подняли все эти нарядные господа! Они ревели: «Долой!», «Предатель!», «Демагог!»

— А вы-то что же? Неужели молчали? — вскинулся матрос.

— Ну не-ет! Мы тоже в долгу не остались. Орали со своей галерки что было сил: «Молодец!», «Правильно!», «Верно!», «Ура!», «В самую точку!» Шум стоял такой, словно бомба разорвалась в этом раззолоченном зале...

— Да, наверно, так оно и было. Хорошей бомбочкой угостил он тогда всех этих господ!

— Эх, где-то он сейчас, наш комиссар. Пора бы ему уже вернуться,— снова помрачнел матрос.

Юноша-татарин опять затянул свою нескончаемую песню.

Матрос подошел к нему поближе:

— Слушай, браток! А про что она, эта песня твоя?

— Про нас с тобой.

— А как называется?

— «Песня из тюрьмы».

— Вон оно что... Ну-ка переведи. Я хочу все слова понять. Можешь?

Юноша молча кивнул и начал переводить:

— «Пускай я погибну в тюрьме от рук палачей. Я знаю, что не напрасно жил на этом свете. Мое сердце горело в ночном мраке неугасимым пламенем революционного огня...»

Переводил он легко, без запинки. Видно, не впервой ему было пересказывать друзьям, не знающим его родного языка, слова этой полюбившейся ему песни.

— «Эти слова я напишу своей кровью на тюремных стенах. Я не стану просить пощады у врагов, не хочу покупать свою жизнь ценой предательства. Сегодня, наверно, пробьет мой последний, мой смертный час. Но жизнь будет продолжаться. Год будет сменяться новым годом. Но всегда народ будет помнить тех, кто отдал свою жизнь за его свободу».

Юноша умолк. В камере воцарилась тишина. Положив руку на плечо певца, матрос выразил общее мнение:

— Стоящая песня, браток! Теперь я понимаю, почему ты все время поешь ее. С такой песней и умирать не страшно...

Со скрипом отворилась тяжелая железная дверь. В камеру втолкнули Вахитова, и дверь с тяжелым грохотом захлопнулась. Все так и впились глазами в Мулланура. Он стоял у стены — прямой, бледный. Лишь на скулах выступили пятна румянца. Глаза его лихорадочно блестели.

«Что-то там сегодня с ним творили не совсем обычное»,— сразу поняли друзья-сокамерники. Да и немудрено было не понять: таким комиссар еще ни разу не являлся после очередного допроса. Но спросить, что произошло, никто не решался.

Матрос не выдержал первый.

— Товарищ комиссар! — подошел он к Муллануру, заглянул ему в самые глаза.— Что они с вами делали? Неужто пытали?

— Уж лучше бы пытали,— процедил Мулланур сквозь зубы. И вдруг, повеселев, обратился ко всей камере: — Вам, верно, приходилось, друзья, слышать пословицу о человеке, который прошел огонь, воду и медные трубы?.. Так вот: что значит пройти сквозь огонь и воду — это понятно каждому. А вот что такое медные трубы? При чем тут они? Не догадываетесь?

Все недоумевающе молчали.

— Так я и думал,— улыбнулся Мулланур.— Медные трубы,— объяснил он,— это фанфары, это почести, это слава. Иногда это просто-напросто льстивые слова. И недаром люди еще в древности заметили, что пройти сквозь такое, казалось бы, совсем пустячное испытание часто оказывается не в пример труднее, чем выдержать пытку водой или огнем.

— К чему это ты, комиссар? — не смог сдержать своего удивления матрос.

— К тому, что сегодня я как будто выдержал это последнее испытание. Нет, друзья, они меня не пытали. Напротив. Полковник Сикорский был очень мил со мною, даже ласков. Он любезно предложил мне перейти к нему на службу, а взамен обещал не только милостиво сохранить мою драгоценную жизнь, но и наградить меня разными высокими чинами и званиями.

— Вот гад! — выругался матрос. И добавил еще несколько слов. Тех самых, флотских.

3

Узнав, что дело комиссара Вахитова следственная комиссия при штабе корпуса передала военно-полевому суду, Харис злобно оскалился:

— Скажите, какие церемонии! Повесить его, как собаку, без суда и следствия, да и дело с концом. Ничего другого он не заслужил.

У него собрались представители именитого татарского купечества. Собрались, чтобы договориться о сборе пожертвований в пользу доблестного белогвардейского воинства.

— А этот суд, который называют военно-полевым, он достаточно надежен? — спросил кто-то из купцов.

— Более чем надежен,— усмехнулся Дулдулович, служивший при штабе и поэтому лучше, чем кто другой, знавший, что к чему.— Наш друг Харис напрасно нервничает. Военно-полевой суд — это расстрел. Можете считать, что комиссар Вахитов уже труп.

— И все же не худо было бы оказать на них какое-то воздействие,— сказал другой купец.— Лишние гарантии никогда не мешают.

— Что ты предлагаешь?

— Пошлем им письмо. Дескать, мы, такие-то и такие-то, собрав такую-то сумму пожертвований, принеся, так сказать, последнее свое достояние на алтарь отечества, ходатайствуем, чтобы предатель и злейший враг татарского народа не ушел от справедливого возмездия. Ну и так далее...

— Отличная мысль!

— Умно придумано!

— Дело того стоит! — послышалось со всех сторон.

— Идея и впрямь недурна,— оживился Харис.— Прямо сейчас и напишем. Ну-ка, друг Эгдем, набросай текст. Ты ведь лучше всех нас владеешь словом.

Пожав плечами, Эгдем Дулдулович присел к столу и быстро застрочил пером по бумаге. Не прошло и минуты, как он прочел вслух текст послания. Заканчивалось оно так:

«Мы, татарские революционеры, представители различных демократических партий и групп, требуем немедленной казни злейшего врага татарского народа, врага всех мусульман, всех тюрков Мулланура Вахитова».

— Прекрасно!

— Великолепно!

— Это именно то, что нужно! — одобрительно загалдели «татарские революционеры».

— В таком случае, господа, извольте поставить свои подписи! — усмехнулся Дулдулович.

Как и следовало ожидать, военно-полевой суд приговорил комиссара Вахитова к расстрелу. Члены суда даже не попытались мотивировать свое решение сколько-нибудь серьезными аргументами. Текст приговора был короток и сух. Однако они все же не осмелились взять на себя всю меру ответственности за это решение и направили его в Самару, на утверждение членов Комуча. Вскоре оттуда пришла телеграмма: «Приговор привести в исполнение».

4

В тюрьме «Плетени» уже знали, что комиссар Вахитов приговорен военно-полевым судом к смертной казни. Но никому не верилось, что этот злодейский приговор будет приведен в исполнение.

Но сам Мулланур твердо знал, что дни его сочтены. Он не ждал пощады от врагов. Да и на что мог он рассчитывать, оказавшись во власти людей, с которыми боролся не на жизнь, а на смерть?

Человеку до последнего мига свойственно надеяться, душа всегда стремится верить в благополучный, счастли-

вый исход любых человеческих драм и трагедий. Но Мулланур беспощадно гнал прочь от себя эти расслабляющие мысли. Он старался думать о другом. Он подводил итоги.

Позади тридцать три года жизни. Годы борьбы, поражений, радостей, тревог и утрат... Может быть, не всегда поступал он так, как надо? Может быть, что-то сделал не так? Может быть, не соверши он какого-нибудь опрометчивого, неверного шага, не пришлось бы расставаться с жизнью так рано, в самом расцвете человеческих сил? Нет, он ни о чем не жалеет. Он жил честно. И доведись ему прожить не одну эту короткую, а добрый десяток жизней, он прожил бы их точно так же. Каждым ударом сердца он служил людям, своему родному народу, великому, святому делу освобождения всех обездоленных и угнетенных...

Погруженный в мысли, Мулланур не сразу заметил, как отворилась со скрипом тяжелая железная дверь. В камеру втолкнули новенького. Втолкнули с обычной для тюремщиков бесцеремонностью: не удержавшись на ногах, он рухнул на каменный пол, да так и остался лежать, словно это был не человек, не живое существо из плоти и крови, а неодушевленный предмет, безжизненный комок грязного, окровавленного тряпья.

Мулланур подскочил к новому арестанту, помог ему прийти в себя. Вместе с матросом они подняли его на руки и бережно положили на нары. Это был старик лет семидесяти. На его щуплом, тщедушном теле не осталось живого места. Сморщенное старческое личико тоже было в кровоподтеках и ссадинах. Окровавленная рыжая бороденка свалялась и стала похожа на клочок грязного войлока.

— Да что же они с тобой сделали, бабай! — с болью воскликнул Мулланур.

— Ну и гады! — негодовал матрос.— Со стариками воюют!

— Что же это за люди такие! Неужто ничего человеческого в них не осталось? — заговорили кругом.

Старик открыл глаза и негромко сказал:

— Люди?.. Не-ет... Это не люди... Это шайтаны безрогие...

Тут взгляд его упал на склонившегося над ним Муллапура. Лицо старика просветлело.

— Сынок? — недоверчиво сказал оп.— Неужто это ты?.. Ай-ай-ай! Стало быть, и тебя схватили!..

Мулланур пристально вгляделся в старика, пытаясь вспомнить, где он мог видеть его раньше. Но так и не вспомнил.

— Бабай, ты разве меня знаешь? — спросил оп.

— Да как же мне тебя не знать, сынок? — удивился старик.— Ты ведь меня от позора спас... Неужто не помнишь?.. В прошлом году было дело...

Вся камера затаив дыхание слушала этот странный разговор.

— Не в обиду тебе будь сказано, бабай, не помню...

— Вот те на! — удивился старик.— Человека, можно сказать, от лютой смерти спас и не помнишь... Да что смерть! Не так смерть страшна, как позор, которого вовек бы не смыть с себя ни мне, ни детям моим, ни внукам... Послушайте, люди добрые, расскажу я вам, как дело-то было,— обратился он к сгрудившимся вокруг сокамерникам.— Служил я тогда у богатого купца. Верой и правдой служил ему, кровососу проклятому. И за дворника был у него, и за сторожа, и за конюха, и за кучера. Все, что хозяин приказывал, всегда сполнял честно. И вот однажды ни свет ни заря вбегает он в мою сторожку, хватает за бороду, выволакивает на господский двор да при всем честном пароде вопит что есть мочи: «Украл!.. Все золото, все драгоценности мои унес, ворюга!» — «Аллах всемогущий! Какие драгоценности? — говорю.— Какое золото? Вовек не видал я никакого золота!»

Старик, видно, устал от этой длинной речи. А может, воспоминания о пережитом позоре так взволновали его, что он вдруг задохнулся и умолк.

— Ну? А дальше-то что было? — подтолкнул его нетерпеливый матрос.

— Погоди, сынок. Сейчас расскажу. Дай только передохну маленько... Ну вот... «Куда,— орет,— дел мое золото, шакалье отродье! Отдай сейчас же! А не отдашь — не жить тебе на белом свете! Своей рукой задушу!» Собрались тут прислужники его, здоровые ребята. Связали меня да и давай избивать. А хозяина тем временем новая мысль осенила: в дегте меня вымазать, в пуху да в перьях вывалять, на шею старых кастрюль навешать да в таком виде и провести по всему нашему славному городу.

— Тьфу! — Матрос в сердцах даже плюнул.— Это надо же! Такую пакость удумать... Неужто они так и сделали?

— Погоди, сынок! Не торопи меня. Мне и так-то трудно рассказывать, сам не знаю, в чем душа держится... Ну, кинули меня, значит, связанного да избитого, прямо посреди двора, а сами за дегтем побежали. Парни молодые, глупые, жестокие. Им-то это что — одна забава... И тут, братцы, меня словно осенило. Рядом со мной все это время старуха моя стояла, я ей и зашептал: «Беги в Мусульманский социалистический комитет. Это,— говорю,— последняя наша с тобой надежда». Сказал и словно в яму какую-то бездонную провалился. Совсем, значит, сознание меня покинуло. Очнулся только в тот момент, когда охальники эти бочку дегтя прикатили, раздели меня догола и совсем было уже изготовились в эту бочку меня окунуть. Что сказать, братцы! Тут я уж совсем было решил, что настал мой последний час...

Старик снова замолчал. Теперь уже не один матрос,

а все сокамерники, столпившись вокруг, стали его понукать, торопить, подбадривать:

— Ну, ну?

— Что дальше-то было?

— Да говори же ты! Не томи!

— Настал, думаю, мой последний час,— задумчиво повторил старик.— Как вдруг кто-то как крикнет: «Прекратить!.. Прекратить немедленно!.. Запрещаю самосуд!» И такая, братцы мои, сила была в этом грозном возгласе, что у охальников этих, что глумились надо мною, сразу руки опустились...

— Ну, положим, дело было не только в магической силе моего голоса,— улыбаясь, сказал Мулланур.— Со мною были мои молодцы. Такие ребята, которым не составило бы большого труда разогнать всю эту банду. Пусть бы только попробовали они оказать нам сопротивление...

— Так это был ты, комиссар? — воскликнул матрос.— Вот это здорово! Это по-нашему, по-флотски!

Мулланур и сам сразу вспомнил эту историю, как только старик упомянул о том, что послал жену с просьбой о помощи в Мусульманский социалистический комитет. Он тогда не только прекратил самосуд и вырвал несчастного из рук хулиганов. Несколько дней спустя, заинтересовавшись случившимся, он провел расследование и установил, что все золото, все драгоценности купца утащил его собственный сынок. Заграбастал все самое ценное, что было в доме, да и сбежал куда-то.

— Вот всегда они так, буржуи проклятые,— сказал матрос.— Сами напакостят, а отвечать потом приходится нашему брату, рабочему человеку.

— Не только жизнь мою спас, но и имя мое доброе не дал запачкать,— еще раз повторил старик, когда история была досказана до конца.— Этого я, сынок, до самого своего смертного часа не забуду.

— Послушай, бабай,— вспомнил вдруг Муллануp.— А это не ты нынешней зимой бежал за поездом? Когда в Петроград меня провожали?

— Я, сынок! Я самый! — обрадовался старик.— Еще минута, и я бы не поспел. Кабы не тот солдатик, так бы и остался со своими пюремечами. А ведь как старался, сам их стряпал, как узнал, что такая дальняя дорога тебе предстоит. Ну и как? Понравились тебе тогда мои пюремечи?

— Очень понравились. Спасибо, бабай! До сих пор их вкус помню... А ведь там еще у тебя, в свертке этом, газетка была. Помнишь?

— Еще бы мне не помнить! Из-за этой самой газетки мне и пришлось назад-то бечь. Думал — отдам тебе свой кучтэнэч и скажу какие-нибудь хорошие слова: отстаивай, мол, сынок, наше бедняцкое дело, не давай спуску толстосумам, кровососам этим, что столько лет глумились над нами. Ну а как на вокзал пришел, так сразу все слова у меня из головы и выскочили. Верно, от волнения. Народу-то помнишь сколько там было... Вот тут я и вспомнил про газетку-то. Ты ведь сам мне ее и дал, эту газетку. В тот день, когда я тебя благодарить пришел за то, что ты меня от позора-то спас... Уж больно хорошо там все прописано было, в газетке этой. Будь я грамотный, я бы сам вот этими самыми словами все так и написал. Я, сынок, с этой газеткой ни на один день не расставался. А тут как на грех дома ее оставил. Ну и побежал за нею, чтобы тебе ее отдать да попросить: скажи, мол, сынок, там, в Петрограде, вот эти самые слова, которые ты в газетке напечатал... Потому и опоздал...

— Не опоздал, бабай. Я именно так им и сказал в Петрограде, как ты хотел. Теми самыми словами.

— А сейчас-то тебя за какие грехи забрали? — спросил у старика матрос.

— Сейчас-то как раз за дело,— усмехнулся старик.— Как белые пришли, тут мне такое счастье выпало: в офицерике одном купеческого сынка признал. Того самого, что сбежал тогда с отцовским золотом. Ну, я не вытерпел, подошел к нему... Я ж его, сукина сына, совсем мальчонкой помню... Подошел да прямо при всех и говорю: «Украл,— говорю,— мазурик, отцовское золото! На меня, старика, свою подлость свалить хотел... У-у,— говорю,—шайтаново отродье!» Да и плюнул ему в лицо при всем честном народе...

Снова заскрипела тяжелая железная дверь. В камеру вошли два солдата, обвешанные оружием. Третий, офицер, остался в дверях. Брезгливо оглядев сбившихся в кучу, затаивших дыхание узников, он процедил сквозь зубы:

— Вахитов здесь?

Мулланур встал:

— Здесь.

Офицер хмуро буркнул:

— Собирайтесь. С вещами.

— Куда вы его? — грузно поднялся со своих нар матрос.

— Не твое дело, собака! — оборвал его офицер. Однако он все же счел нужным, повернувшись к Муллануру, сообщить: — Вас переводят в губернскую тюрьму.

Мулланур, усмехнувшись, кивнул. Он понял: это конец. Медленно, тщательно, спокойно стал одеваться.

Старый Рахматулла, с трудом поднявшись на ноги, подошел к офицеру.

— Эй, послушай. Не трожь его, а?.. Лучше меня возьми... Мне все равно помирать скоро. Возьми мою жизнь, не жалко. А его не трожь...

— Прочь, старый хрыч! — рявкнул офицер и грубо толкнул старика.

Тот рухнул на пол.

— И как только рука у вас подымается бить старого человека,— презрительно сказал Мулланур.

— Поговори у меня! — вспыхнув, заорал офицер.— Быстрее! Время не ждет!

Отвернувшись от офицера, Мулланур стал прощаться с товарищами по камере.

— Прощай, друг,— обнял он матроса.— А ты поправляйся поскорее.— Он наклонился над нарами, на которых лежал раненый красноармеец, поцеловал его.

— Прекратите это слюнтяйство! — окончательно потеряв терпение, крикнул офицер.— Здесь не институт благородных девиц! Извольте поторопиться!

Мулланур выпрямился и громко крикнул:

— Прощайте, товарищи! Когда выйдете на свободу, продолжайте борьбу с этими убийцами!

— Заткнуть ему глотку! — приказал офицер конвойным.

Те схватили Мулланура за руки и, уже не церемонясь, потащили к дверям.

— Куда? Оставьте его! — снова кинулся к офицеру Рахматулла.— Лучше меня убейте, а его не троньте!

Офицер наотмашь ударил старика по лицу.

С визгом захлопнулась тяжелая железная дверь. Все было кончено.

Матрос, ухватившись руками за решетку, подтянулся к окну, крикнул:

— Товарищи! Комиссара Вахитова увели на расстрел!

Спрыгнув на пол, он подскочил к двери и стал изо всех сил стучать в нее сапогами, выкрикивая:

— Товарищи! Передайте всем! Комиссара Вахитова увели на казнь! Передайте всем!

Крик его подхватили. Через минуту громыхала вся тюрьма. Изо всех камер неслось:

— Прощай, товарищ комиссар!

— Будьте вы прокляты, белые гады!

— Смерть палачам!

— Вечная память комиссару Вахитову!

Занималась заря.

Разбуженный стуком тяжелых солдатских сапог, белый голубь вспорхнул с земли и полетел навстречу встающему солнцу. На фоне розовеющего неба его перья казались золотисто-алыми.

«Кунгош — птица бессмертия»,— промелькнуло в голове Мулланура.

Улыбаясь своим мыслям, он шагнул навстречу шеренге солдат, вскинувших на изготовку винтовки с примкнутыми штыками.

Грянул залп.

19 августа 1918 года, в день, когда был приведен в исполнение этот злодейский приговор, на Восточном фронте Красная Армия вела тяжелые наступательные бои. 10 сентября 1918 года ею была освобождена Казань.

Красноармейцам, освободившим Казань от врага, Владимир Ильич Ленин послал поздравление:

«Приветствую с восторгом блестящую победу Красных Армий.

Пусть служит она залогом, что союз рабочих и революционных крестьян разобьет до конца буржуазию, сломит всякое сопротивление эксплуататоров и обеспечит победу всемирного социализма».

А немногим меньше чем через два года, 25 июня 1920 года, на центральной площади Казани был заложен памятник верному сыну татарского народа, пламенному большевику-ленинцу Муллануру Вахитову.

Юхма М. Н.

Ю94 Кунгош — птица бессмертия: Повесть о Муллануре Вахитове/Пер. с чуваш. Б. Сарнова.— М.: Политиздат, 1984.— 335 с., ил.— (Пламенные революционеры).

Ю $\frac{0505000000-195}{079(02)-84}$ 195—84 84Р7+66.61(2)8
Р2+3КП1(092)

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ЮХМА

КУНГОШ — ПТИЦА БЕССМЕРТИЯ

ПОВЕСТЬ О МУЛЛАНУРЕ ВАХИТОВЕ

Заведующий редакцией *В. Г. Новохатко*
Редактор *Г. Е. Щербакова*
Младший редактор *Г. И. Жарикова*
Художник *И. А. Абакумов*
Художественный редактор *В. И. Терещенко*
Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 4391

Сдано в набор 16.11.83. Подписано в печать 25.04.84. А 00083. Формат 70×108[1]/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 15,31. Условн. кр.-отт. 19,16. Учетно-изд. л. 15,42. Тираж 300 тыс. экз. Заказ № 633. Цена 1 р. 20 к.

Политиздат. 125811, ГСП,
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
620151, г. Свердловск, пр. Ленина, 49.